

Славен
город
Мангазья

5
1974

У Р А Л Ь С К И Й
С Л Е Д О П Ы Т

ПИОНЕРИЯ Фото Н. МЕДВЕДЕВОЙ (г. Свердловск)

В НОМЕРЕ:

ИМЯ ГОРДОЕ — ЮНЫЙ ЛЕНИНЕЦ	2
Е. Богданов. ЧЕРНЫЙ СОБОЛЬ. Повесть	6
О. Поскребышев. СТИХИ	23
А. Иванов. ОРЕНБУРГСКИЙ УНИКУМ	26
С. Романовский. ЛЕДОХОД. Рассказ	33
СЛЕДОПЫТСКАЯ ХРОНИКА	36
М. Сидоров. МИТЬКА, МОРЯЧОК И Я	37
В. Моложавенко. ЗАВЕТНЫЕ КЛАДЫ	41
А. Григорьев, А. Филатов. УРАЛЬСКИЕ АКАДЕМИКИ	47
В. Гребенников. В СТРАНЕ НАСЕКОМЫХ	49
Г. Соколова. ЕДИНСТВО ЖИЗНИ	55
В. Житников. УРАЛ И СИБИРЬ В ЖИВОМ СЛОВЕ	57
Я. Кимельфельд. ПЯТЬ СЫНОВЕЙ БЕЛОСТОЦКОГО	59
А. Форманюк. ОДИССЕЯ ИГНАТА ВАГИНА	62
И. Петровская. СУДЬБА «АСТРАХАНКИ»	68
В. Колупаев. ЗВЕЗДЫ. Фантастический рассказ	71
МОЙ ДРУГ — ФАНТАСТИКА	77
КОСТРОВАЯ НАУКА	79

**ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА**

**ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР,
СВЕРДЛОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ**

ИЗДАЕТСЯ С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

**Свердловск
Средне-Уральское Книжное Издательство**

**5
1974**

**У Р А Л Ь С К И Й
С Л Е Д О П Ы Т Ы**

ИМЯ ГОРДОЕ— ЮНЫЙ ЛЕНИНЕЦ

Сегодня наше слово обращено к вам, юные друзья журнала. Пятьдесят лет назад, 23 января 1924 года, состоялось экстренное заседание пленума Центрального Комитета комсомола. Протокол № 6, принятый на этом заседании, гласил:

«...Постановили: переименовать существующие в СССР детские коммунистические группы пионеров имени Спартака в «Детские коммунистические группы имени тов. Ленина». Акт присвоения организации имени Ленина было решено приурочить к созыву XIII съезда партии — первого съезда коммунистов после смерти В. И. Ленина.

23 мая 1924 года на Красной площади отряды юных ленинцев приняли торжественное обещание. Вот каким тогда был его текст:

«Я, юный пионер СССР, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю, что буду твердо стоять за дело рабочего класса и его борьбы за освобождение рабочих и крестьян всего мира, буду честно и неуклонно выполнять законы и обычаи юных пионеров и заветы Ильича».

История пионерского движения неотделима от героической истории советского народа. Давай перелистнем вместе несколько страниц пионерской летописи.

...Грозные дни революции. С винтовками в руках шли отцы и деды наши сквозь грохот канонады. И шли в бой вместе с ними мужественные Мальчиши-Кибальчиши.

В декабре восемнадцатого года под уральским селом Мотково в руки белых попал доброволец мальшевского полка пятнадцатилетний Ваня Королев. Мальшевский полк белогвардейцы знали как коммунистический. Поэтому при допросе Ваню спросили:

— Ты большевик?

Он не был большевиком, возраст не позволял быть в партии, однако твердо ответил:

— Да, я большевик!

Озверевшие палачи сорвали с парнишки одежду и вывели его на улицу. Стоял лютый мороз — термометр показывал минус 39 градусов. Беляки полосовали обнаженное тело нагайками, били прикладами винтовок. Ваня падал и снова поднимался, хотя, казалось, уж больше не было сил терпеть эти страшные муки. Он молчал, он и под пытками не выдал врагу военную тайну.

Устав, белогвардейцы завели окровавленного мальчика в сугроб и расстреляли.

Тысячи таких, как Ваня Королев, юных рыцарей революции, сильных, смелых и гордых духом вошли в Историю.

...В 1919 году в Перми родился один из первых в стране детских коммунистических клубов «Муравейник». Название ему придумали сами ребята. «Мы, муравьи, трудиться любим, иди работать к нам скорей» — такой призыв был напечатан в газете «Муравей-чудодей», издаваемой ребятами. В жарких спорах родился устав — законы разведчиков-пионеров. «Маленький разведчик вырос в трудовой среде, он верен ее стремлениям и никогда не изменит им ни в словах, ни на деле. Лучшая для разведчика похвала — назвать его маленьким спартаковцем всего мира».

Любая организация, в том числе и детская, сильна дисциплиной. Вот как звучал этот пункт в уставе: «Без подчинения общему делу распадается самый сильный союз и самый крепкий камень превращается в песок».

«Муравьи», подражая взрослым, и ходили размашисто, рвались к любой работе. Объявлена «Неделя помощи красноармейцам» — собирают теплые вещи. Поздним вечером они провожают комсомольцев на фронт, против Врангеля. В руках — самодельные факелы, на красном полотнище — слова Маяковского «Коммуне не быть покоренной!». Опубликован декрет Совета Народных Комиссаров о ликвидации неграмотности, и тотчас же на стенах клуба появляются плакаты «Прочти газету неграмотному!» Идет «Неделя чистоты» — буйствует в городе тиф — комсомольцы вытаскивают из ледяной воды бревна, пилят, колют, а пионеры грузят на подводы дрова для бань. На флаге субботника выведено: «Прощай, немытая Россия».

Идеалом человека, идеалом коммуниста был для пионерии Владимир Ильич Ленин. К нему обращались ребята со своими сокровенными думами, с ним делились радостями и тревогами, трогательно заботились о его здоровье. Прочитай одно из таких писем:

«Добрый день, Владимир Ильич!

Мы, дети, давно уже собирались написать Вам как своему старшему товарищу. Но мы все думаем, что у Вас так много работы, Вас так любят и, наверное, пишут рабочие с фабрик и крестьяне из деревень.

Владимир Ильич, мы живем в детском доме имени Красной Армии, и кормят нас красноармейцы. Мы учимся в школах, учимся дома, без дела не сидим, занятий очень много. Мастерские сапожная, пошивочная, клубные занятия, пение, драматизация, лепка из папье-маше. Моем, стираем, в общем работы много.

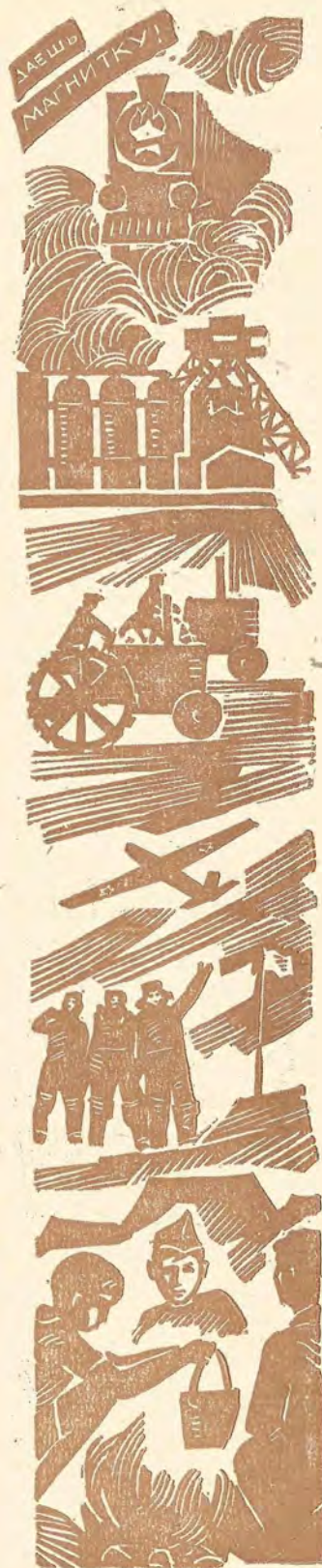
Когда мы вырастем, то пойдем в Красную Армию и зададим буржуйам и спекулянтам баню. Но вот подучиться надо, а потом мы будем Вам помогать, только Вы не хворайте и берегитесь, чтобы буржуи с Вами не сделали худа. Им это что.

Поздравляем Вас, Владимир Ильич, с днем рождения и желаем Вам много, много жить. Еще поздравляем Вас с большим нашим праздником 1-го Мая,

*Вождю Коммуны Всероссийской,
Врагу буржуев, кулаков
Мы шлем привет свой теплый детский.
Мы, маленький народ советский,
На смену скоро к Вам придем
И всех буржуев разобьем...
Крепись, Ильич, и будь здоров,
Желаем много жить годов.*

От детей дома № 2 имени Красной Армии г. Екатеринбург.»

В скорбное траурное время ярко проявилась революционная преемственность поколений: в дни ленинского призыва комсомольцы вступали

в партию, пионеры рекомендовали своих лучших товарищей в ряды Российского коммунистического союза молодежи.

Советская Россия ширилась новостройками. На индустриальной карте страны появились ныне такие хорошо известные заводы, как Уралмаш и Магнитка. Их рождение тесно связано с именем уральской пионерии. На всех заводах, где изготовлялось оборудование для новостроек, пионеры установили специальные посты. Редакция уральской газеты «Всходы коммуны» организовала выездной вагон-редакцию, который побывал на Украине, в Поволжье, Москве.

...Шумит на перроне свердловского вокзала красногалстучная гвардия. Сегодня у нее торжественный день: стоит готовый к отправке пионерский эшелон с оборудованием для Магнитки. Паровоз украшает огромный пионерский значок. Чтобы состав пришел вовремя, ребята на всех станциях создали посты наблюдения, подключили своих пап и мам, работающих на железной дороге. Пионерский эшелон прибыл в Магнитку раньше графика.

Красный галстук горит на твоей груди. Он цвета алого — цвета революции. Сотни юных героев отдали за него самое дорогое, что есть у человека, — жизнь.

Одна из первых на Урале коммун образовалась в Каменск-Уральском районе. Детей активистов, как и взрослых, называли коммунарами. Одни произносили это слово с гордостью, другие — с ненавистью.

Степа Лямин работал подручным на тракторе. Он заметил, что тракторист Титов, из кулаков, пашет слишком мелко, плуг, как кузнечик, пляшет по полю. Титов отмахнулся от мальчишки: тоже мне, командир нашелся. Степа сообщил взрослым. Титова заставили заново перепахать поле. С тех пор затаил кулак злобу на пионера.

Однажды в лесу, на развилке дорог, Степе повстречался Титов.

— Ну, пионер, настал мой черед с тобой расквитаться, — выдохнул он и что есть силы ударил мальчишку в лицо. Тот упал. Титов пинал его, требуя: «Брось галстук в грязь, оставлю живым».

Галстук остался на груди пионера. Убийца получил заслуженное наказание. Именем Степы Лямина названы школа и колхоз.

Тревожно звучали пионерские горны в сорок первом году. Рано выросли в войну ребята. Мальчишки штурмовали двери военкоматов. Иным удалось по призыву ЦК ВЛКСМ попасть в школу юнг, иным, как Толе Гончаруку, добраться до линии фронта. Дважды возвращали двенадцатилетнего парнишку с передовой, но в третий раз он попал-таки в часть. В рядах прославленного Уральского танкового добровольческого корпуса гвардии рядовой Анатолий Гончарук прошел дорогой войны от Каменец-Подольского до столицы Чехословакии, удостоен медали «За боевые заслуги». Сейчас Анатолий Гончарук работает в Нижнем Тагиле, на Уралвагонзаводе, он ударник коммунистического труда.

Далеко от передовой находился наш край, но и через него прошла линия фронта. Урал, могучий арсенал Родины, ковал победу над врагом. Еще не было крыши над головой и гуляла по недостроенным цехам поземка, а заводы уже выпускали танки, снаряды, винтовки. Отцы ушли на фронт, а их место у станка заняли матери и дети. Не дотянуться подростку до станка — ставили под ноги ящик-другой. В Свердловске возник завод «ЮМ-567». Расшифровывался он так: юные мастера пятых, sixth, седьмых классов. В производственных мастерских школ выполняли оборонные заказы, делали ящики для упаковки военной продукции, шили шинели и шапки. Уходили на фронт танки «Серовский школьник», «Уральский школьник», «Павлик Морозов», построенные на деньги, заработанные ребятами. Челябинские школьники, вручая комсомольскому экипажу лейтенанта Павла Бучновского построенный на их деньги танк «Пионер»,

передали ему наказ, записанный в школьную тетрадку. Там были такие слова: «Пусть под гусеницами нашего танка «Пионер» найдет себе смерть проклятый враг, ворвавшийся на нашу мирную и счастливую землю». В неравном бою «Пионер» был подбит. До последнего снаряда отстреливался экипаж. Когда подоспела подмога, танк уже молчал. Возле него лежали трупы вражеских солдат и офицеров, три разбитые пушки, два пулемета, автомашина.

В годы войны ребятам маленького уральского села Кирга, что находится в Ирбитском районе Свердловской области, было вручено переходящее Красное знамя ЦК ВЛКСМ. Это награда за доблестный труд.

Киргинские ребята создали фронтовые бригады, взяв на свои плечи половину работ, которые предстояло выполнить колхозу. Приказ совета дружины гласил: «Считать всех учащихся бойцами фронта. За лето каждому выработать не меньше ста трудодней. Это — наш удар по врагу!»

Выстояли, выдержали грозный час испытаний мальчишки и девочки.

Ныне 23-миллионная красногустая армия снова на марше. Много славных дел совершается в стране пионерии.

...В мартеновском цехе Уралмашзавода на видном месте огромный плакат: «Привет юным сталеварам, собравшим 200 тонн металлолома на буровую установку „Пионер“!» Как заправским мастерам огня, ребятам вручили каски и защитные очки. Они не просто гости, они равноправные участники этой юбилейной пионерской плавки.

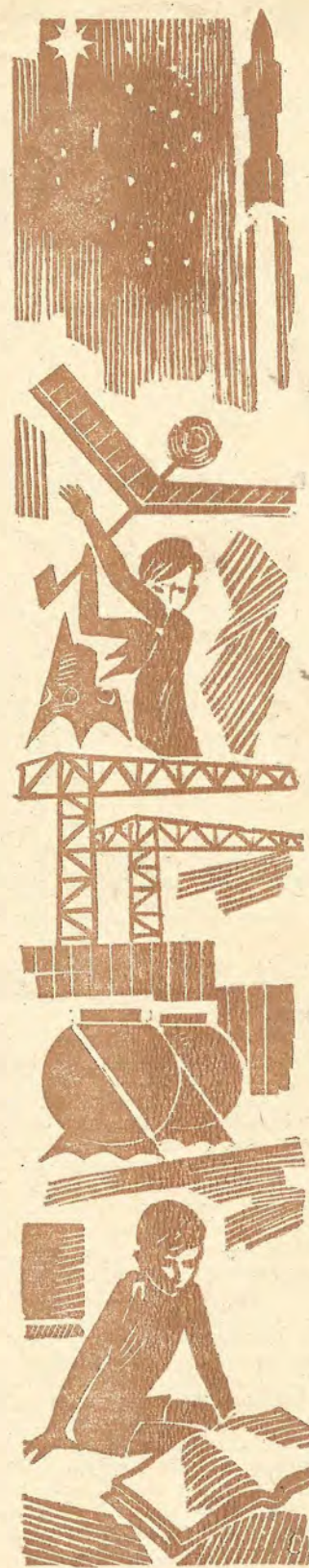
Есть в Челябинске Алое поле, на котором возвышается памятник герою Орленку — герою гражданской войны. На Алом поле состоялся митинг челябинской пионерии под девизом: «Тракторам — пионерский металлолом!». С конвейера челябинского тракторного завода уже сошло 220 тракторов, изготовленных из металлолома, собранного школьниками.

Тебе, конечно, знакома операция «Чукотка». В далеком северном городе Анадыре сооружается новый Дворец пионеров. Из уральских, сибирских, украинских городов и деревень идут посылки в Анадырь с книгами, играми и учебными пособиями. Много ли, кажется, заработаешь на сборе металлолома или макулатуры? Много, если в этом участвуют тысячи ребят. Два с половиной миллиона рублей — таков взнос пионерии страны в операцию «Чукотка»!

Пройдет совсем немного лет, и тебе, сегодняшнему ученику, доведется самому стать у станка или у штурвала комбайна, разгадывать тайны космоса и океана, создавать книги или сочинять музыку. Готовься к этому уже сейчас, когда сидишь на школьной парте. Десятки кружков и твоим услугам — технического творчества, предметных, художественных, «малые тимирязевки» и т. д. Много в жизни дорог — выбирай ту, где ты принесешь наибольшую пользу обществу, которое вырастило тебя.

50-летию со дня образования СССР и 50-летию со дня присвоения комсомолу и пионерской организации имени В. И. Ленина посвящен Всесоюзный марш пионерских отрядов «Всегда готов!» Марш идет по семи маршрутам: «В страну знаний», «Мое отечество — СССР», «Равнение на пионерские знамена», «Пионерстрой», «Зарница», «Мир и солидарность», «Звездочка». Марш — это боевая проверка верности каждого пионера Торжественному обещанию, Законам юных пионеров.

Две высшие награды Родины — ордена Ленина — украшают знамя Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. Крепи, развивай, умножай славные традиции юных ленинцев, наш юный друг пионер!

Рисунки Р. Капикова

ЗЕРНЫЙ СОБОЛЬ

Повесть

Евгений БОГДАНОВ

Рисунки С. Киприна

Первому зверек, а последнему следок.
Поговорка

ЗА ТРИДЕВЯТЬ ЗЕМЕЛЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Прошлой осенью, во время листопада, вернувшись с промысла от Сосновского острова, холмогорский вольный крестьянин, рыбак и зверобой Аверьян Бармин заложил на плотнице малый коч для мангазейского ходу.

Давно вынашивал Аверьян мечту побывать на далекой реке Таз, куда хаживали холмогорские, пинежские да мезенские мужики промыслять соболя. Промысел был довольно прибылен: англичане да голландцы, приходившие в Холмогоры на торг, за хорошую шкуру этого зверька давали товаров на немалую по тем временам сумму — до пяти рублей. Пинежанин Иона Патракеев, один только сезон промышлявший соболя в русском становище на Тазреке, выручил денег на постройку избы в два этажа и на покупку двух лошадей.

Но не только соображения выгоды влекли Аверьяна в неблизкое и опасное путешествие. Ему хотелось проторить для себя новый путь в море и на суше, своими глазами увидеть, как живут в тех далеких местах русские охотники да самоеды, померяться силой с трудностями пути, проверить, не стар ли стал, не утасла ли в нем тяга к приключениям.

Когда этот достойный помор родился, поп, окуная его в купель, недаром, видно, дал имя Аверьян, означавшее упрямку, неуступчивость, настойчивость. Упрямство, казалось, с тех пор вселилось в этого

человека и было немалым подспорьем в трудной, полной лишений поморской жизни. Оно благополучно сочеталось с предприимчивостью, смелостью, находчивостью. И еще с расчетом: на дело невыгодное, неприбыльное Аверьян Бармин не ходил.

Женился Аверьян на такой же смекалистой, твердой характером дочери матигорского крестьянина Василисе Гуляевой. Молодая и здоровая женка уверенно оттеснила от хозяйства стареющую мать Аверьяна, живущую во вдовстве десятый год, взяла бразды правления в доме в свои руки и родила Аверьяну четырех сыновей — Афоньку, Петруху, Василия и Гурия, теперь уже выросших, возмужавших. Афонька отделился от отца, женился и зажил самостоятельным хозяйством. Петруха, Василий и Гурий пока еще находились под отцовской кровлей. Но бездельничать им Аверьян не позволял. Все помогали отцу и в поле, и в море, на промыслах.

Коч подрядились строить матигорцы. Небольшая артель дружно взялась за дело и до наступления зимы сшила корпус судна. Оставалось оснастить его, приделать по бокам два дополнительных киля для остойчивости на волне и для облегчения продвижения на волоках, когда судно перекачивали на катках с помощью ворота по земле из реки в реку, из одного озера в другое. Надо было еще плотно пригнать к бортам дубовые пластины — ледовый пояс — для сохранения корпуса ото льдов, которых в Белом море великое множество.

На зиму Аверьян поставил коч в тесовый сарай и продолжал отделывать судно, выстругал мачту для паруса, устроил для нее гнездо.

Судно было почти готово, и Аверьян с нетерпением ждал весны. Зная о предстоящем плавании в сибирские земли, каждый из сыновей тайком от братьев упрашивал отца взять его с собой. Отец пока отмалчивался.

Но пришло время, когда Аверьян стал решать,

кому из сыновей идти в поход. Однажды апрельским днем, когда с крыш уже начинало покапывать, а снег стал мягким и вязким, отец позвал к себе сыновей.

Аверьян сидел за столом на лавке. Скуластый, с холодными серыми глазами под нависшими над ними густейшими рыжеватыми бровями, он многозначительно глянул на сыновей, вставших перед ним, потом положил обе ручки, сжатые в кулаки, на столешницу, поелозил бородой по широкой груди и промолвил:

— Будем решать, кому идти со мной в мангазейский ход. Афонька — отрезанный ломоть. Торговлей занялся. Промысел — не его дело. Начнем с Петрухи. Что скажешь, Петруха?

Девятнадцатилетний Петруха, стройный, сероглазый, самоуверенный, сказал:

— Тут и решать нечего, батя. Я самый старший после Афоньки. Мне идти.

— Ну, а ты, Васютка?

Средний сын Васютка, приземистый, коренастый — в деда, верткий и шустроглазый, отозвался бойко.

— Ежели возьмешь, батя, в ноги поклонюсь. Во всем тебе помогать буду. Не прогадаешь.

— Так. Добро. Ну, а ты, Гурка?

Гурий вздрогнул, с надеждой, умоляюще посмотрел на отца. Было ему шестнадцать лет. Всем вышел парень — и ростом, и крепким сложением. Кареглаз — в мать. Плечист и крепкорук — в отца. И волосы у него тоже отцовы — густые, пшеничного цвета, с рыжеватинкой. От братьев он отличался тем, что был немногословен и увлекался чтением. Часто вечерами пропадал у псаломщика приходской церкви за чтением книг — и духовных, и светских. Псаломщик на дом книг не давал, а усаживал его в угол за печкой, ставил свечу и велел читать тут. Еще любил Гурий навещать помора Никулина, по проз-

вищу Жила. У того были старые рукописные книги, поморская лоция. Знал те книги Гурий назубок.

Гурий скромно вымолвил:

— От такой чести кто откажется, батя? И я бы пошел...

— Ну, добро! Спасибо, сыновья, что не отказываетесь от похода, не трусите. В нем придется не сладко. Пирогов да шанег по пути никто не раскидал, приметных вех не наставил. За участие в деле вас хвалю. Однако рассужу по-своему. Уж вы не обижайтесь...

Сыновья замерли, ожидая отцовского приговора.

— Пойдет со мной Гурка, — сказал Аверьян. — Он не лучше всех вас, но я вижу в нем внимание да лобознательность. И послушание. Руки у него крепкие, силушкой не обжен. Пушай идет со мной. Согласны ли, сыновья?

Петруха ответил дерзко:

— А и не согласны, да согласны. Твоя воля, отец...

Василий сказал с обидой в голосе:

— Быть, батя, по-твоему.— Знал, что спорить с отцом бесполезно.

А Гурий поклонился поясным поклоном:

— Спасибо, батя, что берешь в мангазейский ход. Иду с великой радостью.

— Ну, а теперь за стол,— повеселев, приказал отец.— Мать, давай обедать!

Пока не взломало лед на реке, Гурий помогал отцу собираться в дальний путь. Готовил сетки-обметы на соболя и куницу, пасти, кулемки, мастерил бочонки для провианта, чистил кремневые ружья, крутил крепкие пеньковые веревки для снастей. Братья помогали матери шить парус, сделали легкую лодку-паузок, без которой в плавании не обходится ни одно судно.

Расходы Аверьян понес немалые. Ко всему прочему надобно было запастись товарами для торговли с ненцами-охотниками. Деньги у них, как рассказывал дед Леонтий, ходивший на реку Таз лет десять тому назад, не имели большой цены. Нужны им были украшения — бусы, ожерелья, колокольца, цветные сукна, оловянная и медная луженая посуда, котлы для варки пищи, дробь, порох, наконечники для стрел. Запасая все это, Аверьян почти до дна выскреб свою заветную шкатулку.

Гурию не спалось. То ли думы о предстоящем походе не давали покоя, то ли весна будоражила молодую кровь. В избе душно, темно. Гурий сел, свесил ноги с кровати, сжал ладонями виски. Отовсюду, из всех углов доносился храп. Братья состязались с отцом в богатырском сне так, что, казалось, изба вздрагивала. Гурий тихонько оделся, вышел на крыльцо подышать воздухом.

Село безмолствовало. Ни огонька, ни собачьего лая. Но во всем ощущалась какая-то тревога, смутное предчувствие чего-то, что должно было произойти в эту ночь. Эта безотчетная тревога, наверное, и не давала покоя Гурию. Он постоял на крыльце, тихо, стараясь не греметь сапогами, спустился по ступенькам, направился к реке.

Начинал прорезываться рассвет. Березы, посаженные возле изб, тонкими голыми ветвями тянулись к темному небу. Они словно бы ощупывали весенний воздух, влажный, густой, и хотели определить, много ли времени остается до того желанного мгновения, когда можно будет выпустить из почек клейкие листочки. Это мгновение для человека проходит незаметно потому, что бывает ночью. Природа ревностно оберегает таинство рождения листьев, как женщина оберегает от постороннего взгляда таинство рождения ребенка.

Была самая водопель. Сильный ветер тянул с юга, вес плотными слоями влажное тепло.

Гурий подошел к самому обрыву. Внизу затаился темный, набухший лед. Было слышно, как в промоинах-полянках журчит и плещется вода. Распахнув полушубок, Гурий подставил грудь ветру, дышал жадно и глубоко. Повернулся, глянул на восток. Там, у горизонтоа, узкой вытянутой полосой занималась оранжевая заря. Повернулся к югу — ветер налетел, толкнул в грудь, как бы пробуя парня на стойкость.

Но вот воздух вздрогнул, всколыхнулся, и с реки донесся глухой ухающий звук, словно подо льдом в воде выпалили из большой пушки. Гурий напряженно поглядел дальше, за полярники, и приметил,

как лед на середине реки ожил, задвигался. Радостно улыбаясь, парень откинул назад волосы, облегченно провел ладонями по лицу, и тревога как бы сама по себе отступила.

Так вот почему не спится ему сегодня! Вот почему сердце ноет от нетерпеливого ожидания!

— Началось! — прошептал Гурий, лаская взглядом оживающую реку.— Теперь уже скоро в путь! Туда, за тридевять земель, в заветные дали. Эх, добыть бы там черного соболя!..

О черных соболях Гурий слышал от деда Леонтия. Рассказывал дед, что черные соболя считаются лучшими по ценности меха и встречаются на Тазреке очень редко. Черный соболь выходит только на счастливого, удачливого охотника, светлого души, чистого совестью, прямого и справедливого.

С думкой о предстоящем путешествии, о неведомых краях и диких зверях Гурий повернул к дому.

Когда лед прошел, Аверьян спустил на воду коч — легкий, широкий, с округлым днищем, спитый на совесть. Погрузил провиант и снаряжение и небольшой артелью отправился в путь — в устье Двины, а там — в Студеное море. Ему предстояло пройти много сотен верст. Старые мореходы сказывали Аверьяну, что при благоприятной погоде путь этот можно пройти «в полпяты недели» — за восемнадцать суток. Это при условии, если лед не жмет к берегам, если нет противных ветров. Бывало и так, что, ухлопав на путь все лето, борясь со льдами, промышленники, выжидая попутные ветры, едва достигали Печорского устья и зимовали в Пустозерске.

Аверьян рассчитывал добраться до Таз-реки за месяц, если ничего не случится непредвиденного.

Черный Соболь осторожно высунул из-под корневница сваленной буреломом ели остроносую головку с мягко очерченными, поставленными торчком ушами и, щурясь на солнце, принахался, прислушался к лесным запахам и шорохам. Солнечный свет теп-

лыми бликами падал на старый морщинистый корень и молодые, ярко-зеленые листья брусничника. Пахло прелыми мхами и смолкой. Ветер шумел в хвое юных невысоких лиственниц, редкого кедровника.

Что-то прошуршало рядом в траве. Соболь мелькнул в прыжке, и в зубах у него, пискнув, умолкламышь-полевка. Зверь быстро разделался с маленькоймышью. Розоватым язычком облизнулся и застыл на крошечной лужайке, на солище, настороженно подняв правую переднюю лапу.

Большоголовый, с тонкой шеей и длинным туловищем на мощных лапах, сейчас, в летнем наряде, он был малопривлекателен. Зимнюю пушистую шкурку на летнюю он сменил недавно. Зимой Черный Соболь был необыкновенно красив — пушист, мягок, подушечки лапок — в густой шерсти, чтобы легче было передвигаться по глубокому снегу.

Потеплело в этих местах совсем недавно. Порядком отошав к весне, Черный Соболь охотился за мышками-полевками, ящерицами, выползающими на пригретые камни и сучья валежника. Несколько раз ему удалось, напав на беличьи гнезда, полакомиться белячиной.

Мелькая темным пятном среди кустарников, голых замшелых проплешин, корневищ старых деревьев, Черный Соболь обегал свои владения, где он жил и охотился. Границы участка оберегались, и редко другой соболь осмеливался их нарушить.

Инстинкт борьбы за существование подсказывал соболям, что за своим участком надо следить, чтобы все норы были старательно скрыты от врагов, а барсучьи, беличьи, бурундучьи гнезда, их зимние продовольственные «склады» были учтены на черный день, как свои собственные соболиные кладовки.

Соболь всеяден. Его пища — млекопитающие и птицы, кедровые орешки и ягоды: рябина, черника, клюква, морошка, голубика. Кротов и мышей он скрадывает, словно кошка. Зимой, учуяв под снегоммышь-полевку, он ныряет в сугроб с молниеносной быстротой. Иногда добычей Соболя становятся и зайцы, он подкарауливает их на тропках. Горностаи, колонки, белки — все годится в пищу ловкому и сильному зверьку.

Любил Соболь полакомиться и рыбой. Случалось, на отмельных местах он кидался в воду, заметив большую рыбину, идущую на нерест, впивался ей в голову и упирался задними лапами так, что из-под них брызгами разлеталась галька, тащил рыбу к берегу. Не брезговал и «снулой» рыбой, обессиленной после нереста и лежавшей на берегах. Он подбирал в птичьих гнездах яйца. Ловкость и сноровка помогали ему даже нападать на тетеревов и белых куропаток. В голодное время он ловил жуков и ящериц.

Тобольские соболя, обитавшие в этих местах, носили светло-коричневую шкурку. Черный Соболь тут был редкостью. Его родословная велась от за-

байкальских соболей, много лет тому назад случай-но, в годы бескормицы, перекочевавших на Северо. Охотникам на сотню тобольских соболей попадался один черный, да и то не каждому и не всегда.

...С западной стороны участок Черного Соболя примыкал к реке Таз. Берега ее тут были лесисты. С севера — моховая тундра со стлаником, на востоке широкой полосой тянулась гарь — след давнего пожара. Меж гарью и прибрежным лесом — сырое болото с ржавыми тощими елками и кочкарником, с кукушкиным льном и клюквой. В юго-восточном углу местность слегка всхолмлена. Там, у грядок камней, густые заросли малинника. В нем, меж камнями, в расщелине, у Черного Соболя было убежище на случай преследования врагами. Второе убежище он устроил в горелом лесу, среди вывороченных с корнями елей. Отсюда сегодня он начал обход владений. И третье пристанище располагалось в прибрежном ельнике.

С юга к угольям Черного Соболя примыкал участок Соболюшки. Одно из ее логовищ устроено в дупле упавшей лиственницы.

В гнезде Соболюшки подрастали четыре соболенка. Черный Соболь не участвовал в их воспитании, да и не знал о соболятах. До поры до времени его не интересовала и Соболюшка.

Вперед — болото. На кочках бурела прошлогодняя клюква. Черный Соболь принахался к кочке, попробовал ягоду, недовольно потряхнул головой. Ягоды были невкусными. Перележав зиму под снегом, они оттаяли и сморщились, утратив сочность и свежесть. Подснежная клюква хороша только сразу после того, как белый покров сойдет с полян. Соболь широкими прыжками перемахнул болото и углубился в лес. Скользя меж стволами деревьев, перелетая через валежины, пробираясь сквозь кустарник, он вышел на берег реки. Затаился под ветками, принахиваясь и прислушиваясь. Ничто не встревожило его. Прячась в кустах, он спустился к воде, напился и опять скрылся в зарослях.

Вдруг Соболь услышал шум, треск сучьев. Он притаялся, сжался в комок, готовый к бегству.

Шум приближался. Сквозь ветки Черный Соболь увидел сначала оленей, а потом людей. Санный поезд ненцев перекочевывал к северу, ближе к Мангазее. Три оленя гуськом по узкой тропе среди деревьев тащили нарты с увязанной на них поклажей. Верхом на поклаже сидел человек в меховой одежде и покрикивал на упряжку. Потом еще нарты — на них девушка, на последних — старуха. Шум, треск, тяжелое дыхание олешков, стук полозьев о корневища, гортанные крики каюра в малище...

Соболь осмелев, подняв голову, проводил людей и оленей взглядом. Люди спешили по своим делам и его не заметили. Не учуяла и собака, бежавшая впереди упряжки.

Летняя белая ночь заполнила берег реки розоватым прозрачным туманом. Огромный шатер неба был лимонно-золотистым, словно атлас на праздничной кофте тобольской стрельчихи. У горизонта островерхий темно-зеленый ельник врезался в небо и казался вплавленным в него намертво, навсегда. Веяло чем-то былинным, сказочным. Матово голубели в неверном изменчивом свете высокие бревенчатые стены крепости. Сторожевые башни по углам охраняли покой крепости. Ворота во въездной, выходящей в сторону реки Мангазейки, закрыты наглухо.

Крепость срублена недавно на месте прежнего острожка, и стены ее еще не успели почернеть. Они хранили желтизну лиственницы и сосны, еще и сейчас кое-где, точно слезы, выступала на них ароматная смола.

На стенах несли службу караульные стрельцы в своих расшитых кафтанах и островерхих, лихо заломленных шапках, с пищалями в руках, с саблями на боках, покрикивали изредка:

— Славен город Москва-а-а! — неслось от угловой Ратилдовской башни.

С середины стены, от въездных ворот, гремел простуженный бас:

— Славен город Тобольск!

С полуночной стороны тенорком утверждал свое третий стрелец:

— Славен град Ман-га-зе-я-а!

Аверьян Бармин, отправляясь в поход, не знал, не ведал, что за каких-нибудь шесть лет на берегу реки Таз, на месте маленького — в несколько избышек — охотничьего зимовья поднимется на вечной мерзлоте дивный деревянный город, обнесенный высокой крепостной стеной.

В 1600 году царь Борис Годунов, прослышав о несметных пушных богатствах тазовской тундры, послал туда воеводой князя Милона Шаховского. В помощники себе деловитый князь взял опытного «в городском строении» Данилу Хрипунова. Годунов велел добираться до реки Таз, построить там в удобном месте острожек и, укрепившись в нем, собирать ясак с окрестного населения — ненцев да остяков, русских охотников, пробравшихся сюда из разных краев, в том числе и с Поморья. После долгих мытарств и лишений, не раз подвергаясь в пути нападениям лесных людей, отряд дошел до места, где тундра была покрыта мелколесьем, а на правом берегу Таза, высоком и удобном для обороны от возможного неприятеля, росли лиственницы, ели и березняк. Место приглянулось воеводе, нашел он тут охотничьи избышки да амбары и решил строить острог.

На пустынном берегу, пугая таежную тишину, застучали топоры стрельцов. В конце лета следующего года из Тобольска сюда прибыл князь Василий Мосальский с письменным головой Пушкиным, со многими служилыми людьми, оружием и продовольствием. Они сменили Шаховского и Хрипунова, которые отбыли в Москву. Пять лет спустя присланные из Тобольска начальные и служилые люди вместо острога начали возводить крепостные стены по всем правилам строительного искусства. Укрепление Мангазеи было необходимым делом: местные охотничьи и оленеводческие племена восставали

против ясачного обложения, не раз подступали к острогу. Тучи стрел летели на стены, откуда отбивались ружейным огнем стрельцы. Бревнами-таранами нападавшие пытались выломать ворота и проникнуть в укрепление. Спасало лишь преимущество в «огненном бое».

Москва руками тобольских воевод закрепила свою власть на Таз-реке, и потекли в Златоглавую пушные богатства Златокипящей — так называли тогда Мангазею. Немало этих богатств оставалось в сундуках и кладовых воевод, стрелецких начальников да сборщиков ясачной десятины, хотя последние именовались целовальниками, потому что целовали крест, присягая царю на бескорыстие и честность. Кое-что от богатства прилипло к рукам тобольских и березовских купцов. Уже на Таз-реку проложили они путь и с Енисея малыми реками, с волоками через тундровые болота.

То были времена расцвета Златокипящей.

За высокой стеной с «обламом» — выступом в верхней части ее для удобства защиты крепости — почивали в своих теремах воевода и приказные дьяки, в караульной избе — свободные от наряда стрельцы. Молчала и съезжая изба с окнами, забранными коваными решетками. Посреди крепости высилась златоверхая Троицкая церковь. Спал и посад, молчали рассеянные по лугу там и сям избы, амбары, медеплавильни посадских людей — общинников. В трапезной Успенской церкви, что стояла на отшибе от крепости, на оленьих шкурах храпел возле сундука с общинными деньгами казначей — «заказной целовальник». Он по пьяному делу поссорился с женой и, осердясь, ушел спать в церковь, где под видом хранения общинной казны уже не раз спасался от женойной яростной брани.

Полуночное солнце одним краем показало из-за ельника, и желтые блики заиграли на куполах церквей. Веселее заперекликались стрельцы, гоня от себя скуку и безмолвие приполярных болот и лесов:

— Славен город Москва-а-а!

— Славен город Березо-о-о-ов!

На речке Мангазейке, под берегом, у бревенчатой пристани стояли на спокойной, еще не потревоженной ветром воде кочи тобольских купцов — большие суда с объемистыми корпусами, вмещавшими немало товаров: хлеба, тканей, соли; лодки и карбаса рыбаков и охотников. Сами тобольские купцы отдыхали на гостином подворье, и рыбаки да промысловники, прибыв с верховьев Таза или с Тазовской губы, устало храпели в своих душных избах, прокопченных дымом камельков.

— Славен город Тобольск! — утверждал простуженный хрипловатый бас стрельца у въездной Спасской башни.

Наглухо заперты ворота крепости. С реки видно, как стоит она на высоком обрыве неприступной твердыней, сверкая куполами церквей.

— Славен город Мангазе-я-я!

На сухом, поросшем беломошником берегу Таза, верстах в пяти от города вверх по течению реки, Тосана выбрал место для стоянки. Редкие невысокие сосенки под ветром шумели робко, словно бы опасаясь кого-то. Шум молодых лиственниц был и вовсе мягок, почти не слышен. У самого берега стена ольшаника укрывала стоянку от чужих взглядов со стороны реки. Дальше расстилались на открытом месте мхи-ягельники. Туда Тосана пустил оленей пастись. Их охраняла собака.

Приземистая, с коричневым лицом жена Тосаны Саня принялась развязывать поклажу на нартах. Ей помогала проворная и ловкая девушка лет семнадцати, с лицом гладким и белым, как снег. Черные брови — как узкие полоски мягкого бархата. Раскосые глаза — темные, блестящие. Губы у девушки сочны и ярки, будто в свежем брусничном соку. Девушку звали Еване, что означало «ласковая». Ей было восемь лет, когда во время ледохода родители утонули, переправляясь через реку, и она осталась сиротой. Тосана — брат отца Еване — взял девушку к себе, и с тех пор живет племянница с дядей и теткой.

Тосана — невысокий, длиннорукий, с обнаженной головой, на которой во все стороны торчали, щетинясь, черные волосы, с темными узкими глазами и серым морщинистым лицом — быстро поставил шести для чума. Нижние концы их расположены по кругу, верхние собраны вместе, перехвачены ременной петлей. Образовавшийся каркас из шестов Саня и Еване аккуратно обтянули сшитыми оленьими шкурами так, чтобы сверху оставалось отверстие для выхода дыма от очага. Жилье готово.

Женщины устлали земляной пол хворостом и поверх него кинули оленьи шкуры — спать и сидеть. Посредине чума — место для очага, выложенное дерном. Тосана вбил в землю две рогатины, положил на них перекладину. Еване принесла сушняка, вздула огонь в очаге. Вскоре в медном закопченном котле закипела вода.

Пока женщины варили обед, Тосана вышел на улицу, сел на пенек и погрузился в размышления. Тосана — значит «осторожный». Он привык думать наедине, прежде чем решить что-либо.

Тосана был небогат. В стаде у него только двадцать оленей. Пять хороших, восемь важенок¹, остальные — прибылые, молодые олешки. А у богатых ненцев в стадах насчитывалось по пятьсот и тысяче оленей.

Зимой Тосана кочевал в междуречье Таза и Енисея, ставил чум возле речек Луцеяха, Большая Хета, Нангусьха. На каждом новом месте, пока олени паслись, добывая ягель из-под снега копытами, он ставил кулемки и пасти на соболей, ловушки на песцов, стрелял белку из лука, пока был порох и свинец, из старого кремневого ружья бил волков и росомх. В промысле кулемками ему помогла Еване. Девушка быстрее ветра бегала на лыжах, осматривала ловушки, вынимала из них добычу и снова настораживала кулемки. «Добрая у меня помощница!» — радовался Тосана, принимая тушки зверя, которые Еване с улыбкой доставала из запятого мешка, придя из тайги.

Минувшая зима была не очень удачлива. Тосана добыл мехов соболя, белки, куницы вдвое меньше, чем в предыдущую зиму. Олени давали ему мясо, шкуры для одежды. Охотничий промысел все остальное. На мангазейском торге Тосана рассчитывал выменять на меха муку, крупу, соль, наконечники для стрел и другие нужные ему товары. Но всего понемногу.

Легче было с тканями и продовольствием, да еще с металлическими изделиями. Огневой же припас — порох и свинец — воеводы запретили продавать туземцам из опасения вооруженных стычек и набегов на крепость. «Огневое зелье» Тосане приходилось доставать втридорога «из-под полы» у знакомых мангазейских жителей.

Летом, часто и подолгу живя возле города, Тоса-

на научился сносно говорить по-русски, свел знакомство с посадскими людьми и стрельцами...

Морща лоб, Тосана прикидывал в уме, сколько и чего ему на этот раз удастся выменять. Прежде всего предстояло уплатить воеводским сборщикам ясак. Каждую десятую шкурку, и притом лучшую из привезенных, он обязан был сдать в царскую казну бесплатно. За ясак русские воеводы не платили ни алтына. Тосана, подсчитав в уме количество мехов, покачал головой, вздохнул и подумал еще, что придется в городе подработать чем-нибудь — кошкой дров для казенных изб, перевезти на олешках какой-нибудь груз. Он и раньше, бывало, занимался этим. Зима длинна, голодом кому хочется жить?

Своих оленей на лето Тосана оставлял в стаде брата Иванка, который выезжал из тундры редко.

Нелегко было жить Тосане. Бог Нум не послал ему сына, наследника и помощника в охоте. Старшему ненцу с каждым годом приходилось все труднее, и если бы не Еване, которая была искусной и верной помощницей, пришлось бы совсем туго. Жена Саня тоже стала сдавать, хотя еще и вела хозяйство — готовила пищу, обрабатывала шкуры, шила одежду и обувь.

«Еване не вечно с нами жить, — с грустью размышлял Тосана. — Найдется молодой парень и уведет Ласковую в свой чум. Ох, горе тогда! Одиноко будет. Руки-ноги ослабнут, глаза погаснут, не догнать будет в тундре оленя, не вернуть в стадо, на лыжах за белкой не поспеть... В снегу не различить белого песка...»

Тосана взял топор, принялся рубить сучья, которые уже успела наносить из леса Еване. «Завтра чуть свет поеду в Мангазею, — решил он. — Первый торг прошел, все хорошие шкурки раскупили. Теперь цена будет на них снова повыше». Он опустил топор, повернулся в сторону невидимого города.

Мангазея... это русские называли так свою крепость. На свой лад переименовали имя Малконзеи — имя старинного ненецкого рода, испокон веку кочевавшего в этих местах.

Больше ненцы уже не хозяева на Таз-реке. Полновластными хозяевами стали русские. В лесах поставили зимовий — собирать дань.

Из чума выглянула Еване, позвала дядю обедать. — Саво¹. Иду, — отозвался Тосана.

Он собрал дрова в кучу и, прихватив топор, вошел в чум.

ГЛАВА ВТОРАЯ

На первых порах кочу Аверьяна Бармина сопутствовала удача. Южные ветры позволяли, придерживаясь в виду берегов, под парусом, а иной раз и на веслах, добраться до Канина, подняться вдоль полуострова к северу, до устья реки Чижы. С приливом коч поднялся по реке в верховья. Потом артель вытащила его на сушу, поставила на катки и с помощью ворота перетащила судно в другую канинскую реку — Чешу. По ней выбрался в Чешскую губу.

Благополучно дошли до устья Печоры. Аверьян решил продолжать путь, не заходя в Пустозерск, населенный русскими рыбаками и торговцами. Делать там было нечего. Провизии хватало, надо было дорожить временем. Коч упрямо продвигался вперед, к мысу Медынский заворот. К берегу причаливали редко — за пресной водой да пострелять дичи. На привалах Гурий с любопытством осматри-

¹ Хора — олень-самец, важенка — олениха.

¹ Саво — хорошо.

вал голую, поросшую чахлой тундровой травкой и мхами землю, дивился березкам, которые не тянулись к небу, а стлались по земле. Иной раз с изумлением склонялся над диковинными цветками, прятанными среди стланика.

Гурию путешествие нравилось. Особенно радостно было, когда судно шло под парусом при свежем ветре, разбивая носом волны — только брызги по сторонам каскадами, а за кормой у руля вода вскипала бурунами. Небо было большей частью облачным, с редкими прозрачно-голубыми разводами. Облака оставляли «окна», словно бы для того, чтобы в них могли косо прорваться к воде золотистые снопы солнечных лучей. Ночи были светлые, и ночами Аверьян упрямо стремился вперед.

У руля сидели по очереди. Когда не штормило и ветер не менял направления, рулевой справлялся и с парусом и с румпелем¹. Одив из артельщиков следил за берегом, за встречающимися на пути редкими льдинами, каменными грядками и «кошками», которые обнаруживал по особому кипенью воды. Он давал сигнал рулевому об опасности, и тот обходил подозрительные места. Но бывало, что на отмелях коч садился днищем на песок. Тогда, опустив парус, все дружно брались за шесты и снимали судно с мели. Следуя мангазейским ходом, поморы всегда жались к берегам, опасаясь в туманные дни сбиться с курса и попасть в ледовый плен. Плавающие льды скитались по Белому и Баренцеву морям почти все лето... Да и в открытом море при сильном волнении на малом судне плавать опасно. В случае поломки коча, нехватки пресной воды артельщики близ берегов всегда могли ступить на землю, пополнить запасы и починить судно.

Двое — на вахте, двое — на отдыхе. Гурий возился у огонька, разложенного на дерновой подушке, варил в котелке пищу, кипятил чайник. Отец все присматривался к сыну и наконец сказал:

— Иди сюда, Гурий! Пора брать в руки румпель!

Он посадил сына в корму, передал отшлифованную до блеска рукоять руля и велел держать курс на видневшийся вдалеке мыс.

— За ветром гляди. Парусом управляй!

И все время зорко следил за действиями сына. Левая рука Гурия на румпеле, правая в любой миг готова размотать с рогульки шкот — веревку от угла паруса, опустить или, наоборот, подтянуть ее. Несмотря на летнее время, было холодно. Гурий, плотно запахнув полушубок, в брезентовых штанах, заправленных в высокие бахилы, пропитанные дегтем, все поглядывал вперед, чуть сутулясь. Лицо парня, недавно еще белое, не тронутое загаром, за эти дни потемнело, стало бронзовым, скулы заострились.

Аверьян успокоился, видя, что сын освоил руль, встал с банки, долго смотрел вокруг, придерживаясь за мачту. Справа виднелся берег совершенно голый. Поднял Аверьян бороду к небу с поредшими облаками. На море впереди появились белые барашки, стало неуютно, хмуровато.

«Сменится ветер, — угрожно сдвинул Аверьян выбеленные солнцем и брызгами морской воды брови. — На северик, верно, потянет. Лед притащит. Туго придется».

Мужики отдыхали в брезентовом шатре. Аверьян разбудил Герасима Гостева. Тот выбрался, кряхтя, из шатра, горстью зачерпнул заборной воды, плеснул в лицо, утерся рукавом, стал рядом с Аверьяном и тоже осмотрелся.

— Что скажешь, Герасим? — спросил Аверьян, кивнув на белую кипень вперед.

Герасим подтвердил предположение Аверьяна.

— Надо готовиться, — решил Аверьян.

Герасим все смотрел на море. Вытянул руку:

— Во-о-н, впереди, льдины. И слева подпирают.

— Вижу!

Гурий с кормы тоже крикнул:

— Батя! Там льдины? Или, может, пена?

— Самый лед, — с тревогой отозвался Аверьян. — Теперь надобно беречь бока! Мужики, готовьте багры!

Артельщики плотнее застегнулись.

Ветер резко переменялся, стал встречным. Поморы спустили парус и стали выгребать к берегу.

Вскоре коч со всех сторон обжали мелкие и крупные льдины, пригнанные северо-западным ветром. Лица обдало стужей. Поморы стали расталкивать льды, искать разводья, пробираться к берегу. Но в этом месте, у острова Песякова, что лежал на пути к Медынскому завороту, у берегов стоял припай. Коч затерло, в бока стали опираться белые глыбы, поморы теперь уже были озабочены тем, чтобы судно не раздавило. Но недаром строили коч умелые люди: пригодилась испытанная веками округлая форма днища: суденышко выжало на поверхность. Мореходы выволокли его на льдину побольше, понадежней и стали выжидать погоду.

Аверьян осматривал и обстукивал обшивку — не повредило ли. Мужики проверяли груз — бочонки, кули, мешки — не подмочило ли. Все перебрали, уложили снова. Костер запылал на льду. Но дров было маловато. Гурий вызвался сходить к берегу, поискать плавника, но отец не пустил.

Мужики сгрудились вокруг костерка, хлебали деревянными ложками похлебку из сушеной рыбы. Потом коротала время в вынужденном безделье. Вокруг стоял непрерывный шум от зловеще сталкивающихся льдин. Кажется, одни на всем белом свете. Крутом — ни души. Ни зверя, ни птицы...

Вдали, на обрыве берега, маячил высокий, покосившийся деревянный крест. Вот у самого горизонта в облаках образовался разрыв, и низкое солнце брызнуло потоком багрового света. Крест заиграл как золотой. Над ним нависла иссиня-темная туча.

Поморы молча смотрели на берег. Герасим сказал:

— Обетный крест. Давно поставлен.

Кто-то из мореходов в этих местах попал в беду, случайно спасся, выбрался на берег. Потом вернулся сюда и поставил крест, в память о неожиданном воскрешении из мертвых, в назидание всем добрым людям.

Рано утром, восстав ото сна, Мангазея протерла глаза, улицы ожили. Караульный стрелец отворил ворота Спасской башни — тяжелые, из толстых листовенных плах, окованные полосовым железом. Стрельцы, бродившие ночью по стенам крепости, разошлись по избам на отдых — к жене, малым детям, в домашнее тепло с запахами свежеспеченного хлеба да шей.

В острог потянулись ремесленники с посада да общинные люди. Старосты-общинники в кафтанах разноцветного сукна, перепоясанные шерстяными кушаками, с расчесанными и смазанными лампадным маслом волосами, стриженными в скобку, шли в приказную избу улаживать повседневные дела. Община посадских людей, живущих вне крепости, вносила налоги в казну, кормила, поила и одевала воеводский двор, содержала в порядке государевы амбары и

¹ Румпель — рычаг руля для управления судном.

сылады, гостиный двор. Общинники построили церкви — и в крепости, и за ее стенами.

Тобольские и енисейские купцы — щеголеватые, рослые и мордастые, как на подбор, — тоже спозаранку держали путь в приказ: платить пошлины, договариваться о ценах на товары. На небольшой площади в гостином ряду визжали ржавые петли ставней лавок и ларьков. Приказчики выкладывали на прилавки товары.

Утицами переваливались пожилые бабы в длинных одеждах из домотканого крашеного сукна. Молодки щеголяли яркими сарафанами с оборками, башмаками на высоких наборных каблуках, набойчатыми кофтами да меховыми душегрейками-безрукавками...

Тосана на упряжке из трех оленшков, посадив позади себя Еване, подкатил к воротам. Караульный стрелец загородил ему дорогу алебардой:

— Кто таков? Чего надобно в крепости? — Нахально улыбнулся, свысока глянув, спросил: — Ноне великий пост. Самоедов пускать не велено!

Тосана быстро соскочил с нарт и сунул стрельцу пару белчиных шкурок:

— На торг еду! Не закрывай дорогу. Шибко прошу!

Стрелец ловко спрятал шкурки за пазуху, удовлетворенно хмыкнул, милостиво разрешил:

— Проезжай. Только у церкви не забудь шапку снять! Ты ить язычник! Эй, стой! — крикнул вдогон. — Продай девку!

— Девка не продается. Она не белчиья шкурка, — сердито огрызнулся Тосана и уехал.

И пара белчиных шкурок согорится стрельцу. За день насобирает их немало, особенно когда енцы валом валят на торг.

Оленьки мелкой рысцой протрусили к ясачной избе. Тосана, оставив упряжку на попечение Еване, вздохнул и с уныло-озабоченным видом взял с нарт кожаный мешок с мехами. Робко поднялся по ступеням высокого крыльца с точеными балясинами. На крыльце стоял сверкомый енцу дежурный стрелец Лаврушка. Он, сверкнув нахальными навыкате глазами, встретил енца:

— Здорово, Тосана! Царю долг несешь?

— Несу, несу. Драствуй, — поспешно ответил Тосана. — Каково живешь? Клепом-солью, да?

— Хлебом-солью, — с усмешкой отозвался стрелец. — Живу, хлеб жую, квасом запиваю, николи не унываю, молодцу, козь свободен от службы, обнимаю, тебя, Тосану, не забываю. Не забывай и ты меня. — Он наклонился, тихонько спросил: — Мне чего привез?

Тосана тоже шепотом в ухо Лаврушке:

— Порох, свинец есть?

— Сговоримся. Заходи после полудни. Мою избу, чай, помнишь?

— Помню, как не помнить! Шибко помню!

Лаврушка отошел в сторону, замер на крыльце, вид на себя напустил недоступный, строгий:

— Проходи, проходи! — крикнул он Тосане, приметив на улице стрелецкого десятника.

Тосана мельком глянул на щегольский кафтан Лаврушки с малиновыми нашивками на груди, на кривую саблю в ножнах, на высокие начищенные сапоги и потянул на себя тяжелую дверь.

В полутемной ясачной избе за прилавком глыбой возвышался приказный целовальник, сытый, лоснящийся от избытка здоровья. Справа от него — за конторкой — с гусиным пером за ухом скучал куриносый подьячий с серым неброским лицом и унылыми бесцветными глазами.

Всюду — на полках, на вешалках — шкурки белых и голубых песцов, соболей, лисиц, белок, горностаев,

куниц. Под самым потолком — два узких продолговатых окна, забранных коваными решетками с острыми зубуринами. Прилавок обтянут зеленым сукном, кое-где засаленным, прохуdivшимся. Целовальник молча протянул волосатую лапищу. Тосана подал ему набитый мехами кожаный мешок и стал зорко следить за каждым движением царева слуги.

Тот привычно и быстро разложил шкурки на прилавке, стал их пересчитывать. Из всего богатства Тосана, добытого в трудах немалых, выбрал десяток полтора шкурок получше, с густым и мягким подшерстком, отложил их в сторону, все остальное сгреб в кучу и вернул енцу.

Тосана стал складывать шкурки в мешок, а подьячий принялся записывать в книгу, что подьясачный самоед по имени Тосана такого-то месяца, дня, года сдал в казну десятину с привезенной для продажи пушной рухляди, и выдал енцу грамотку о том. Тосана, наморщив лоб, спрятал ее за пазуху, облегченно вздохнул, взял изрядно потощавший мешок и, поклонившись, вышел.

Придя к торговым рядам, что располагались у южной стены мангазейского кремля, Тосана не сразу стал продавать свою пушнину, а прежде потолкался возле прилавков, присматриваясь да прицениваясь к товарам, что предлагали приказчики. Лавки ломались от хлебных запасов, привезенных купцами из Тобольска на больших кочах и расшивах. Крупа — ячневая и овсяная, мука, полотна и разноцветные сукна, соль, шорные товары, сапоги и женские башмаки, изделия медников — луженые котлы, ковши, братины, бронзовые браслеты, перстеньки из серебра и золота с дорогими и дешевыми камушками, поделки из латуни, олова, кованые гвозди и наконечники для стрел, ружейные замки, дорогие белчицы охабни, а для простого народа — шубы, сарафаны, полотняные рубахи — все было тут. Глаза у Тосаны разбегались от изобилия товаров. Пестрое и богатое зрелище. Со всего посада, со всех кочевий и лесных заимок приходили сюда русские, енцы, остяки.

Низенькую фигурку Тосаны в меховой малице, тобоках¹, схваченных под коленками ремешками, с ножом в деревянных ножнах на поясе и большим засаленным мешком за спиной видела то тут, то там.

Своих оленшков с нартами Тосана пригнал поближе к базару. Еване послушно сидела на нартах со спокойным, непроницаемым видом, не обращая внимания на шутки и приставания молодых мангазейцев. Только черные раскосые глаза ее беспокойно бегали, подозрительно осматривая разномастную толпу.

Стуча высокими наборными каблуками козловых сапог, рослый, в кафтане тонкого сукна и собольей шапке, прошел по дощатым мосткам воевода в сопровождении двух стрельцов из аманатской² избе. Вид у воеводы был озабоченный и угрюмый. То ли плохо выспался, то ли случались неприятности. Впрочем, народ не обратил на это особого внимания. У каждого свои дела.

Тосана боялся воеводы. Как у многих старых енцев, у него был суеверный страх перед властью имущими. От них всегда он ждал неприятностей и поэтому поспешил скрыться за спинами покупателей.

Меха енцы продавали в обмен на товары. Деньги были в ходу только у русских промышленников и купцов. Енцам в тайге деньги были ни к чему, а требовалось лишь необходимое для жизни и обихода.

¹ Тобоки — меховая обувь.

² Аманатская изба — помещение, где русские власти вели переговоры с местными туземными старшинами и содержали заложников.

Запасаясь товарами, Тосана сносил их к нартам, складывал в мешки и выказывал Еване стеречь добро пуше глаза. Еване сидела на мешках, опасаясь, как бы кто-нибудь не выдернул из-под нее и не утащил. Прохожие, однако, обращали внимание не на мешки, а на девушку, одетую нарядно, по-праздничному. Необычная, броская красота Еване вызвала зависть разнаряженных посадских женок. Они дивовались:

— Ишь, какая кукла сидит!

— Крашанка¹, даром что язычица!

Взяв необходимое, Тосана крепко увязал на нартах ремнями товар и поехал в свой чум. Олешкам тяжело было тащить воз, и Еване и Тосана то и дело соскакивали с нартов.

После полудня Тосана, дав роздых оленям, снова помычался в Мангазею, теперь уже на посад, к избе стрельца Лаврушки. С собой он взял собольиньи и куны шкурки, чтобы выменять огневой припас. Порох и дробь стоили дорого.

Олешки быстро бежали по влажной от близкого болота замшелой тропке. В лесу они вытягивались гуськом, почти не сбавляя бега. Они быстро крутили головами, чтобы не задеть рогами за сучья. Вырвавшись на чистое место, олени опять рассыпались — вожак слева, пристяжные справа. Из-под оленьих широких копыт летели осметки грязи и клочья мха. Тосана только покрикивал:

— Эге-е-ей!

И взмахивал длинным тонким шестом — хореем.

Соболята родились в начале апреля — маленькие комочки с дымчато-опаловым пушком. Мать еще с осени заботливо устлала дупло мягким мхом, шерстью, сеном и перьями мелких птиц. К весне, когда уже передвигаться ей стало тяжело, она обновила

подстилку собранными поблизости шерстинками и сухой прошлогодней травой с проталин и залегла в гнезде.

Родились соболята слепыми и глухими. Прозрели и обрели слух через четыре недели. Два месяца Соболюшка кормила их молоком, а после стала приносить детенышам из леса мышей-полевков, мелких птиц.

Когда Соболюшка приносила в дупло полузадушенную добычу, там поднималась возня. Соболята, толкая друг друга и суетясь, ловили обессилевшего мышонка или птицу с перебитым крылом. У маленьких зверят начинал пробуждаться охотничий инстинкт...

Наступил сорок пятый день с момента рождения. Пора соболытам выбираться из гнезда. Соболюшка осторожно проверила, нет ли кого-либо поблизости, потом вернулась к дуплу, заглянула в него. Урканьем подала сигнал. Соболята зашевелились. Показалась пушистая с потемневшей шерстью голова соболонка. От яркого дневного света он зажмурился, потом раскрыл глаза, повел ушастой головой туда-сюда и, увидев мать на земле, под дуплом, спрыгнул к ней. За ним последовали остальные. Вскоре они распознали по залитой солнечным светом полянке, на которой начала отрастать молодая трава, и, осмелев, запрыгали по земле. Приятно ощущать упругими молодыми лапами землю, по которой предстоит еще немало побегать в поисках пищи и убежищ от врагов.

Соболята то кидались прочь от матери, то, поуркивая, возвращались к ней, тыкались мордочками в ее похудевшие бока. Соболюшка слушала лес и время от времени вылизывала свой мех...

Черный Сосьоль окреп после долгой зимы, неустанно бегая по лесу в поисках корма. Он стал глаже, сильнее. Скупое северное солнце медленно пробуждало тайгу. В глухих лесных урманах под лапами елей кое-где еще лежал снег, серый, источен-

¹ Крашанка — нарядная, привлекательная женщина, девушка.

ный влагой, осыпанный сухими иголками. На полянках было теплее. Черный Соболь любил погреться на солнце. Обычно он выбирал поваленную ветром сухостойну и устраивался на ней. Солнце вливало в него силы, он чувствовал себя молодым, резвым и снова уходил на охоту.

Однажды в теплый пасмурный день он почувствовал на полянке запах, который напомнил ему что-то знакомое. Соболь сделал круг, потом повернул в сторону — в мелкий ольшаник — и пошел по следу.

След оставила Соболюшка.

По нему Соболь выбрался сквозь бурелом и чащобу к крохотной полянке, окруженной молодой порослью. Внезапно Черный Соболь замер на месте, по привычке подняв лапу и не решаясь ее опустить, боясь вспугнуть шорохом то, что он заметил.

Под стволом старой лиственницы он увидел резвящихся соболят и Соболюшку. Долго смотрел на Соболюшку и выводок, потом неслышно ушел.

Сюда он вернулся вновь с пойманной в кустах синичкой-гаечкой, несмело, мелкими шажками понес ее к выводку. Соболюшка быстро обернулась к нему, всколыхнула на ноги, угрожающе зауркала.

Черный Соболь, не обращая внимания на недовольство Соболюшки, шаг за шагом приближался к детям. Мать прыгнула ему навстречу, приготовилась к защите соболят. Тогда Черный Соболь положил синичку на траву. Птица еще была жива, трепыхала крыльями. Соболь удалился и сел на валежину, с любопытством наблюдая за выводком. Соболята заметили птицу и кинулись к ней. Мать зауркала одобрительно:

— Ур-р-р... р-р-р...

Через мгновение от птицы остались только перышки, рассеянные по траве, словно снежинки. Выводок вернулся к дуплу. Мать стала загонять соболят в гнездо.

Соболь видел, как четыре детеныша один за другим скрылись в дупле. Мать села рядом с гнездом и из-за веток настороженно следила за ним.

Черный Соболь спрыгнул с корневища и убежал в тайгу.

Инстинкт привел его к Соболюшке и своим детям. Но как только он покинул поляну и занялся охотой, то забыл о них. Он стал выслеживать бурундука, недавно покинутое гнездо которого заметил у выхода на гарь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Артели Аверьяна Бармина не везло. Ветер не менялся, и льды теснились у побережья. Четвертые сутки промышленники коротали время в бездействии. Нет ничего хуже, чем испытывать полную беспомощность в то время, когда надо поскорее двигаться к цели. Кончались дрова. Артельщики питались сухарями и довольствовались глотками воды, кое-как натопленной из снега.

Аверьян с нетерпением ожидал перемены ветра. Путь предстоял еще долгий, а запасы провианта таяли. У мужиков настроение падало: безделье и неизвестность подтачивали его, словно вода талый лед.

Дни на вынужденной стоянке скрашивал Герасим Гостев — шутник и остролов. Когда, укрывшись парусом, завернутые в оленьи шкуры, артельщики коротали ночь, он начинал рассказывать свои бывальщины. Таких людей, как Гостев, на Поморье называли баюнками¹. Невысокий, широкоплечий, с курчавой

бородой, большеглазый Гостев был подвижен, ловок, словоохотлив и этим отличался от Аверьяна и Никифора Деева — рослых, угрюмоватых, молчаливых.

...Утром, как и прежде, сиверко грудил льды к берегу, и поморы сидели, словно на мели.

Аверьян решил:

— Надо идти дальше волоком по льду. Под лежачий камень вода не течет. Чего мы тут высидим?

Герасим Гостев собрал бороду в кулак, выразил сомнение:

— Коч тяжел. Сдвинем ли с места?

— А давайте попробуем, — Гурий взялся за борт.

Гостев стал толкать судно с кормы, Аверьян и Никифор Деев ухватились за борта.

— А ну, берем! — звонко крикнул Гостев.

Днище коча с трудом оторвалось от снега, он чуть подался вперед. Однако у мужиков сил хватало только сдвинуть его с места. Через несколько шагов они выдохлись. Аверьян распорядился:

— Снимем паузок и будем перевозить кладь по частям. Как на волоку через Канин делаали.

В легкую лодку-паузок выгрузили часть вещей, приделали к бортам веревочные ляжки и, словно сани, потащили паузок вперед. Пройдя с полверсты, сложили груз на разостланную ряднину, оставили возле него Гурия и вернулись к кочу за новой кладью. Восемь раз волокали паузок туда и обратно. Перетаскав груз, потащили к нему коч. Почти пустое судно без особых трудов пошло по льду.

Работали допоздна. К вечеру сбились с ног. Сил хватало только укрыть груз от непогоды и, выев, завалиться спать. Выгруженные вещи сторожили по очереди — мало ли что могло случиться, льдина хоть и велика, но ненадежна.

Первым сторожем был Гурий. Укутавшись в совику, он похаживал вокруг стоянки и поглядывал по сторонам. Свистел ветер, вдали, у кромки льда, чернело, лохматилось море. Там раскачивались на волнах, крошились мелкие льдины. Непрестанный шум навевал уныние. Было тоскливо и неприятно. А что еще впереди? Усталые ноги у Гурия подгибались, веки слипались, но парень крепился. Как только бросало в дрему — начинал ходить быстрее.

На следующий день поморы продвинулись по льду еще немного вперед. Обходить водой ледяные поля было опасно. Аверьян из двух зол выбрал меньшее...

Ледовый плен продолжался. Пошла уже вторая неделя, как артельщики — где волоком, а где в промoinах — настойчиво продвигались вперед. Они измотались, одежда пообтрепалась. Бахилы того и гляди запросят смены. Хорошо, что у каждого с собой была взята запасная обувь.

Аверьян озабоченно каждый вечер осматривал днище коча, да и паузок, находившийся в постоянной работе. «Обшарпаем суденышки», — думал он.

Но вот однажды поутру Аверьян, высунув голову из-под парусины, зажмурился. Восходящее низкое солнце, чистое, словно только что умытое, ослепительно сверкало на горизонте. Солнечный свет играл, двигался по россыпи льдов, и само солнце от этого казалось живым, трепетным. И небо на востоке тоже было чистым, не замутненным облаками.

Льдина оторвалась от припая и тихонько уплыла в голомя — в море. Аверьян торопливо выбрался из шкур, в которых спал, и спустился через борт на лед. Снег под ногами был мягок.

Рядом стоял Гурий в расстегнутом полушубке, без шапки.

— Погода меняется, батя! — с радостью сказал он.

¹ От слова баять — говорить, рассказывать.

— Вижу, — отозвался Аверьян. — Эй, мужики, вставайте! — крикнул он. — А ты чего раньше не разбудил нас? — упрекнул сына.

— Вечор легли поздно. Хотел, чтобы подольше поспали. Ведь притомились.

Из-за борта высунулась русоволосая голова Герасима, потом выглянул Никифор, оглядевшись, сморщился, чихнул. Его жесткие черные волосы на голове торчали во все стороны, словно у ненеца. И в самом деле, скуластый, темноглазый, смугловатый, он напоминал сына тундры. С лица ненец, а по росту — матерый новгородец.

Оба вышли на льдину, умылись снегом. Аверьян велел грузить кладь на коч, закрепить на нем паувок.

— Гурка, бери катки! — распорядился Аверьян. — Коч на воду будем спускать!

За ночь большое ледяное поле разломало, разедило, раскидало по сторонам. Всюду появилась чистая вода. Лдины белыми плитами расплзались далеко, почти до горизонта, и там раскачивались, омываемые волнами.

Поднялся и стал крепчать «летний» ветер — с берега. Поморы повеселели.

— Ну, с богом! Дружно! — крикнул Аверьян.

Коч вздрогнул, повернул нос к берегу, где темнела большая промоина, и медленно пополз на катках поперек льдины к воде. Гурий только успевал подсовывать катки из-под кормы под нос, бегая взад и вперед.

Судно спустило на воду аккуратно. На воде оно развернулось под ветром бортом к льдине. Артельщики заняли свои места, перекрестились на восход, вяжались за весла, а после поставили и парус.

Разгулявшийся ветер дул с правого борта и немало с кормы. Позади осталось устье реки Черной, Гуляевские кошки — мелкие острова в Печорском море, и узкий, вытянутый в длину на десять верст остров Песяков, возле которого поморы попали в ледовый плен.

Коч резво бежал по волнам. Аверьян сидел у руля. Широкий парус втугую наполнен ветром. Гурий и Герасим расположились на раскинутой оленьей шкуре посреди коча. В носу — впередсмотрящим — Никифор.

Аверьян направлял судно вдоль берега, к мысу Медынский заворот, за которым должна открыться Хайпудырская губа...

Легок и быстр на ходу поморский коч. Округлая форма днища давала ему малую осадку. Про такие суденышки рыбаки говорили: «На карбасе не утонешь. Хотел бы утонуть, да не сгинешь».

Умели холмогорские мастера шить посудины. Столетиями накапливали опыт. Скандинавская летопись говорит, что еще в XVI веке Магнус, сын норвежского короля Олафа, плавал в Холмогоры учиться — строить для себя корабли. А уж норвежцы-то знали толк в кораблестроении.

Поморы строили суда целиком из дерева, без единой железной поковки. Обшивку с каркасом скрепляли деревянными гвоздями, пазы конопатили мхом, просмоленной паклей. На мелких судах-шитиках каркас с обшивкой соединяли ивовыми прутьями, а снасти и паруса часто делали из оленьих кож. И якоря были деревянными, с «подвязанными» к ним камнями.

Аверьяну раньше не доводилось бывать в этих краях, к востоку от полуострова Канина. Только однажды ходил он на паруснике до Пустозерска, что стоит в устье Печоры, привозили зырянским купцам хлебный запас из Холмогор.

Но шел он не вслепую. В дорожной, обтянутой тюленьей кожей укладке хранилась у него Лоция — подробное описание мангазейского хода. Был и компас-матка в кожаном мешочке.

Аверьян внимательно изучал рукописную Лоцию.

В конце третьей недели пути коч приткнулся к берегу в тихом месте за мысом Медынский заворот, в удобной для стоянки бухте. Артельщики вначале неуверенно чувствовали себя на твердой земле — ноги отвыкли по ней ступать. Но поразмялись, насажили дров, развели костер. Гурий повесил над огнем котел с водой из ручья. Мыс был отлогий, песчаные берега вылизаны морем. Дальше от берега — илистая, наносная почва с мелким полярным кустарником-стланником, травянистыми кочками да мхом-ягельником.

Раскинув возле костра оленьи шкуры, мужики отдыхали от морских трудов, впервые за много дней отведали горячей пищи и были в благодушном настроении.

Ветер все так же дул с юга. Погода стояла ясная. По небу бежали белые, словно над Холмогорями в летнюю пору, облака.

Герасим лег навзничь и, защищая глаза от солнца ладонью, смотрел в небо. Изредка над косой пролетали чайки. Ветер шелестел бурой, жесткой травой на кочках. Дым от костра стлался над землей.

— Согласился бы тут жить, Гурка? — спросил Герасим. — Глянь, какая красота! Место ровное, кругом вода, не видать ни души. Устроил бы какую ни на есть избенку и жил бы как схимник. Вольный человек! Сам себе хозяин. Ни батьки, ни мамки, ни государевых дьяков, ни архиерейского догляда. Делай, что хошь. — Гостев повернулся, приподнялся на локте, посмотрел на Гурия, который, закатав рукава, чистил золой от костра медный луженый котел.

— Умер бы со скуки. Одному-то разве сладко жить? — отозвался паренек.

— Ну, а ежели бы тебе сюда девицу-молодаику? Жену, одним словом. Вдвоем бы веселей, а?

Гурий засмутился, откинул волосы со лба:

— Вдвоем, конечно, лучше, — ответил он.

— Вот и жили бы. Стреляли гусей, ходили в море за рыбой, зверем. А я бы раз в год привозил тебе припас, да то, что упромышляете, забирал бы в Холмогоры. Продавал бы там, а деньги — отцу твоему в кубышку... Только бы жена попала не сварливая. Жены-те разные бывают. У хорошей жены и муж молодцом, от хорошей-то помолодеешь, а от плохой состаришься!..

Гурий слушал болтовню Герасима и украдкой посмеивался.

Аверьян, молча сидевший с Лоцией в руках, подал голос:

— Ну, мужики, надо совет держать. Подвиньтесь-ко!

Все подошли к нему. Бармин сказал:

— Надо решить, как идти дале: около берега или пересечь губу по прямой? Если вдоль берега, дня три надо. А напрямик губу за день перемахнем.

— Надо идти напрямик, — сказал Никифор. — Коч надежный, ветер с поддья, чего опасаться?

— Я тоже так думаю, — согласился Герасим.

— Напрямик, батя! Ежели ветер не поможет — на веслах пойдем! — подал голос и Гурий.

— Ладно. Быть по сему, — Аверьян закрыл Лоцию, аккуратно перевязал ее тоненьким ремешком, спрятал. — Поищем дров, наберем воды — и в путь.

Коч снова расстался с берегом. Ветер ударил в парус. Аверьян круто повернул руль, и судно побежало дальше. Вскоре Бармин передал румпель Никифору и, достав компас, стал выверять курс. Гурий через плечо отца смотрел, как он поворачивает на ладони круглую, точенную из дерева штуковину. Впервые видел парень, как по компасу-матке определяют стороны света.

По размерам компас был невелик и свободно умещался в ладони. Бумажный диск с нарисованной розой ветров вложен в деревянный корпус. Вместо магнитной стрелки использовались две намагниченные иглолки. Они поворачивали диск-картушку вокруг оси. На диске изображены только две стороны света — север и восток. Роза ветров насчитывала восемь лучей-румбов.

— Вот я поворачиваю матку так, чтобы знак на бумаге указывал на север, на полуночь, — объяснил Аверьян сыну. — А нам надобно идти курсом на во-

сток. Видишь стрелку, что начерчена на кружке? Она и указывает нам курс. Гляди на нос коча. Как он идет?

— По стрелке, — сказал Гурий. — Дивно. С такой маткой в любом месте можно определить курс? — В любом! — отозвался отец. — Теперь возьми матку и сам попробуй.

Гурий бережно принял из рук отца компас и стал поворачивать его на ладони.

— Вот направил.

— Верно, — похвалил отец.

Вскоре Гурий увидал слева по борту землю и обрадованно закричал:

— Земля, батя! Глянь туда!

Отец посмотрел, объяснил:

— Это остров. Зеленец называется. А вернее сказать — Малый Зеленец. За ним остров побольше, так тот Большой Зеленец. Малый Зеленец нам надобно обойти с южной стороны.

Остров остался позади. Черная полоска земли растянулась, растворилась в безбрежной морской ширин. Коч, подгоняемый ветром и волнами с кормы, упрямо шел, покачиваясь, к проливу Югорский Шар.

«...А подле Югорского Шару подле острова Вайгач ходу гребью день, проезд из моря-окияна в урочище Нярзомское море, а тот проезд промеж берегов, а по берегу лежит грядю камень, а попереку проезду верст с пять, а инде и меньше, а проезд местами глубоко, а инде мелко...» — таково описание пути, составленное пинежанином Левкой Шубиным в 1601 году. Почти так же выглядела запись и в Лодции Аверьяна.

Лаврушка сидел за столом, накрытым холщовой скатеркой, и хлебал щи с оленниной, когда к нему в избу вошел Тосана с мешком в руке.

— Драстуй еще раз. Я пришел, — сообщил он, окинув цепким взглядом обстановку избы: стол, лавка вдоль стены, в углу — божница с темной иконой и лампадкой, шкаф для посуды, большая русская печь, ухваты. Из подпечья высунула голову курица и скрылась. Жена Лаврушки Алена стояла у шестка, сложив руки на животе, и смотрела, как обедает супруг. Была она росту небольшого, упитанная.

— Проходи, садись, — Лаврушка показал на лавку.

Алена проворно смахнула тряпичей с лавки воображаемую пыль:

— Милости просим! Откушай с нами.

Тосана чинно сел, положил рядом мешок, руки его замерли на коленях, обтянутых штанами из шкуры оленя-телка. В малице венцу было жарко, но снимать ее через голову неудобно. Тосана только развязал ремешок, стягивающий ворот.

— Пасибо. Не хочу, — сказал он. — В чуме ел. По делу пришел. Ты ешь, — добавил, обращаясь к хозяйину. — Я могу и погодить...

Лаврушка хлебал щи не спеша, подставляя под деревянную ложку кусок хлеба, чтобы не закапаты скатерку. Рубаха на нем из домотканины, чистая, свежая. Жена, видимо, хорошо следила за мужем. Руки у Лаврушки крепкие, короткопалые, поросшие рыжеватой порослью. Губы толстые, мясистые. Нагловатые на выкате глаза скользнули по венцу и его мешку.

Лаврушка жил в Мангазее третий год. Прибыл сюда из Тобольска с отрядом стрельцов, с новым воеводой. Вместе со служилыми людьми строил крепость, а заодно и срубил на посаде избенку для себя, небольшую, в три оконца по фасаду, с кухней и горницей, с пристройкой для скота, денником для коня.

Бойкий, из тех, кто с камня лыки сдерет, Лаврушка, получая жалованье за стрелецкую службу, нашел приработок и на стороне. Он сдружился со стрелецким десятником, тайком получал от него уворованный «огневой припас», менял его на меха и делился добычей с приятелем. Получал Лаврушка также порох и свинец из Тобольска, через верных людей. Выменными мехами он в Мангазее не торговал, а перепродавал их тобольским купцам. От таких сделок в доме Лаврушки были полный достаток, да кое-что имелось и в кубышке.

Если бы мангазейский воевода пронюхал о торговых делах стрельца, быть бы Лаврушке битым плетью да изгнанным со службы. Но он был изворотлив и хитер, и ни разу еще не попался.

— Ну, что скажешь, Тосана? — покончив с обедом, спросил Лаврушка, хотя прекрасно знал, зачем пришел ненец. — Какие новости принес?

«Хитрый. О деле не говорит. Вином не угощает», — подумал ненец. Ответил равнодушно:

— Никаких нет новостей. Слышал только: на олешков Тайбарей волки напали. Пять важенок и хора порезали. Жалко.

— Да, жалко, — согласился Лаврушка. — Пострелять бы волков надо.

— Надо бы, да чем? Пороху-свинца нету, — исподволь подходил к главному Тосана. — А ты плохо угощаешь.

Лаврушка как бы спохватился, обнял за плечи венца.

— Милый ты мой! Да ить я для тебя все выложу! Алена! Тащи закусит!

Алена мигом принесла штоф, чарки, блюдо с квашеной капустой, деревянную чашку с мясом.

— Траву не ем! — сказал ненец, отодвинув от себя капусту и придвинув мясо. — Траву олень ест. — Выпил, зажмурился: крепка «огненная вода». Закусил куском вареной оленины.

Лаврушка решил, что наступило время делового разговора:

— Пороху, говоришь, нет? Свинца нет? А тебе разве не ведомо, что огневое зелье запрещено продавать туземцам? Да и откуда оно у меня? Отстоял караул — порох и пули в караульной избе сдаю.

Тосана, чуть захмелев, беззвучно рассмеялся, ощерив темные мелкие зубы и сузив глаза в щелчки:

— Не хитри! Ты ведь звал меня?

Лаврушка подошел к мешку Тосаны, бесцеремонно ощупал его:

— Что у тебя? Мех?

— Мех, мех, — кивнул Тосана. — Давай порох-свинец.

— А много ли у тебя шкурок-то?

— А вот смотри! — Тосана выложил на лавку четырех соболей и столько же куниц.

Лаврушка осмотрел шкурки, спросил:

— Сколько за них хочешь пороху да свинца?

— Десять фунтов пороху, пуд свинца. Вот моя цена.

— Ну, брат, хватил! Где я столько возьму? Ты выпей, выпей! Сам наливай, — потчевал Лаврушка, рассчитывая, что вино ускорит сделку.

Однако ненец пока пить не стал, а начал торговаться. Торговались долго. Лаврушка все подсовывал Тосане чарку, а тот отставлял ее от себя. Наконец Лаврушка сказал:

— Что есть — все тебе принесу.

Он вздохнул, поднялся с лавки, вышел в горницу. Там, приподняв половицу, достал мешок с припасами. Из него отмерял порох в кожаный, а литые пули и дробь в холстинный мешочки. Прикинул в руке — показалось много. Отбавил. Вышел в кухню.

Жена при сделке не присутствовала. Заперев дверь сеней на засов, она ушла в горницу.

Тосане показалось мало свинца и пороху, что принес хозяин. Лаврушка клялся и божился, что больше у него нет. Тосана подал ему двух соболей и двух куниц. Остальные спрятал в мешок. Лаврушка с обиженным видом вернул шкурки венцу:

— Обижает меня. Мало даешь. Нечестно так делать. Я больше заниматься этим не буду. Не прибыльно. Ни с тобой, ни с другими торговать не буду. Поплатиться головой могу. Закон строгий!

Тосана испугался, что Лаврушка и в самом деле больше не будет менять порох и свинец на меха, и стал податаивей:

— Зачем не будешь? Я тебя не выдам. Прибавь еще немного пороху, и я все шкурки тебе оставляю.

— Дак нету ведь! Не-е-ту-у!

— Ну, тогда в другой раз добавишь припасу. Все шкурки тебе оставляю.

— Вот это по-честному. Спасибо. Давай выпьем...

«Огненная вода» — водка — приносила венцам и осякам немало бед. Русские купцы да ижемцы спаивали их, чтобы обманом получить меха по мизерной цене. Случалось, что за штоф вина ненец отдавал одного-двух оленей или несколько ценных шкурок, добытых нелегким трудом.

Опьяневший Тосана вылез из-за стола, сунул мешочки с порохом и дробью в свою торбу и попрощался с Лаврушкой. Тот поостерег:

— Смотри, не свались где-нибудь! Переспал бы у меня.

— Не свалюсь, не бойся, — на темном, морщинистом лице венца блуждала бессмысленная улыбка. С мешком в руке он вышел на улицу и, пошатываясь, отправился к своей упряжке. Однако не дошел, свалился в канаву и уснул. Мешок выпал из рук. Мимо шли два стрельца. Увидев Тосану, склонились над ним:

— Ишь, надрался. Не умер ли?

— Не умер. Дышит. Ништо, отлежится.

— А что у него в мешке?

— Уж не золото. Тряпье какое-нибудь...

Стрелец развязал мешок, полюбопытствовал.

— Глянь, порох! И свинец!

— Да ну! Где он взял? Украл, может? Самое-самое в велено продавать огневое зелье! Надо сказать начальству.

К стрельцам присоединились проходившие по улице бабы, ребятишки. Образовалась толпа. Завидев сборище, от стен крепости заспешил караульный стрелец при сабле, с ружьем.

— А ну, разойдись! Чего не видали? — начальственно приказал он.

Стрельцы шепнули ему о порохе и свинце. Караульный решил:

— В съезжую его! Там разберутся.

Он остановил проезжавшую мимо подводу. Стрельцы ввалили на нее Тосану, положили рядом и мешок. Ненец мычал, мотал головой, но в себя не приходил.

В съезжей он спал мертвым сном до утра. Забытые олешки стояли на задах Лаврушкиной избы. Стрелец, предчувствуя, что с Тосаной случилось неладное, перетрусил, прогнал их прочь. Упряжка без хозяина примчалась к чуму. Сань всплеснула руками и заголосила. Еване не растерялась, помчалась на той же упряжке в посад разузнать, что случилось.

Утром Тосану повели к аманатской избе. Допрашивал его судный дяк:

— Откуда у тебя порох? Откуда свинец? У кого купил? На что купил? Признавайся, а то получишь багодов!

Тосана не отвечал на вопросы, сидел молча, нахолившись, как больной ворон. Голова у него трещала, ему было плохо, боялся он и дьяка, и батога, но Лаврушку не выдавал. Он сказал, что припасы купил весной у купцов, хранил в укромном месте, а теперь забрал, чтобы увезти в свой чум. Ему не поверили, потащили в пристройку, где наказывали виновных плетью и батогами, растянули на скамье-кобылке и всыпали розог. Потом, ничего не добившись от упрямого ненца, отобрали у него мешок и взащей вытолкали за дверь.

У съезжей избы Тосана увидел своих олешков и плачущую Еване. Он лег на нарты животом вниз и сказал, чтобы девушка быстрее ехала домой. Усталые и голодные олени еле плелись, как ни погоняла их Еване.

Дома, в чуме, Тосана схватился за голову:

— Огненная вода подвела! Все шкурки потерял, порох-свинец потерял. Ай, беда! А еще Осторожным зовешься. Глупая голова!

Жена и племянница все же были рады, что Тосана вернулся домой.

Тосана крепко призадумался. Меха все оставил в Мангазее, а главного, без чего трудно будет охотиться зимой, — пороха и свинца — не запас. Тосана решил на последнее: взял из костяной шкатулки несколько серебряных вещей — монисто из тонких и мелких монет, два литых кольца и налобный амулет-соболек — родовые драгоценности. С этими безделками он отправился в Мангазею к Лаврушке, на этот раз пешком. Жена провожала его чуть не плача.

— Опять напьешься огненной воды! Немало она тебе принесла горя!

Тосана махнул рукой и зашагал по берегу к крепости.

Вскоре он добрался до посада, постучал в дверь Лаврушкиной избы. Сени были заперты изнутри на засов.

Лаврушка, высмотрев ненца в слюдяное оконце, решил не встречаться с ним, чтобы не нажить неприятность. В Мангазее стало известно, что самоед Тосана добыл где-то порох и дробь и его наказали за незаконную покупку,

Тосана ждал на крыльце, переминаясь с ноги на ногу. Но ему не открывали. Постучал снова, настойчивее, сильнее. В сенях послышались шаги. Тосана сказал:

— Отопри! Это я, Тосана!

Алена отодвинула засов и чуть приоткрыла дверь:

— Чего надо? Лаврентия нету дома. Ушел. Долго не придет. Не жди.

— Я по делу!— Тосана, не мешкая, достал и развернул тряпицу, в которую были завернуты украшения.— Вот, смотри! Чистое серебро! Надо мне выменять пороху-свинца...

— Еще чего!— сердито бросила Алена.— Сказала — нет хозяина! Уходи. С тобой беды наживешь,— она с треском захлопнула дверь, взвизгнув засов.

Тосана постоял на крыльце, растерянно глянул по сторонам, и догадавшись, что с ним больше не хотят иметь дело, опустив голову, сошел с крыльца.

Отойдя от избы, он остановился в нерешительности. Больше обратиться за помощью не к кому. Все другие знакомства на посаде были у него случайными, неделовыми. Огневое зелье выменять не у кого. Да могут и снова забрать его в съезжую и растянуть на кобылке. От неприятных воспоминаний у него заныла спина, ее будто жгло огнем. Хмурый, удрученный неудачей, ненец пошел обратно к стоянке.

Вернувшись домой, он лег на шкуры и молча, не поднимаясь, пролежал целые сутки. С ним пытались заговорить Еване, Санэ, но он упрямо молчал.

Через сутки Тосана поднялся и велел женщинам свертывать чум. Семья откочевала в верховья Таза, где можно охотиться и рыбачить вдали от русского города с хитрыми стрельцами и «огненной водой», от которой сначала человеку легко и весело, а потом он попадает в беду...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Проливом Югорский Шар артельщики шли на веслах. В первой паре весел — Аверьян и Гурий, во второй — Герасим и Никифор. На руле сидеть было некому, и по команде Аверьяна меняли курс, сильнее работая левыми или правыми веслами.

Ветер тянул с востока, с югорского берега, через пролив, и под парусом идти было несподручно. От длинных тяжелых весел руки сводило, пальцы — не разогнешь. Болела от напряженной работы спина. Гурий чуть не валился с банки от усталости. Отдохнуть бы, пристать к берегу... Но отец поторапливал.

Герасим, чтобы работалось легче, заводил громко, протяжно:

А дружней, еще раз!
А дружней, еще два!
Эгей, не робей,
Силушки не жалей!

А потом переходил на речитатив:

Как моржи кричат, гремят,
Собираться нам велят.
Карбаса мы направляли
И моржей мы промышляли,
По расплавам и по льдам,
По заливам, по губам
И по крутым берегам...

Аверьян поправлял курс:

— Левым табань, правым гребни! Теперь вместе!

А дружней, еще раз!
А дружней, еще два!—

Перекрывал шум волн голос Герасима.

Гурий за веслом думал не столько о трудностях пути, сколько о его нескончаемости. Вспоминал дни, оставшиеся позади, когда, простившись с родным причалом, они плыли на северо-восток малоизвестным путем, вдоль пустынных, необитаемых берегов. Позади остались сотни верст. А сколько еще впереди? Мало ли что может случиться там, за высокой грядой каменистого мыса, за угрюмым холодным проливом...

Паренек дивился спокойствию и уверенности отца, который шел вперед так, будто всегда плывал в этих местах. Гурий пытался найти причину отцовской уверенности, непреклонности и по неопытности приписывал это Лоции да компасу-матке.

Конечно, Лоция и компас вели Аверьяна вперед. Лоцию он выпросил у старого помора Ефима по прозвищу Хромоногий. Ефим ходил в Мангазею с первыми артелями корабельного вожи Михаила Дурасова. Тогда пробивались на реку Таз четыре коча с сорока мужиками — холмогорцами, пинежанами да пустозерцами. Такой лодной артели легче было преодолевать волоки и другие трудности пути: друг другу помогали, шли плечом к плечу, как в ратном бою. В том походе на Ямальском волоке Ефим повредил ногу и остался на всю жизнь хромым. Однако в пути он все запомнил и записывал на чем придется — на клочках бумаги, бересте, а то и просто на дощечках вырезывал из ножем одному ему понятные знаки. Вернувшись из похода, он раздобыл бумаги, сшил из нее тетрадь и составил Лоцию, расшифровав свои заметки, сделанные в плавании. Аверьян с трудом выпросил тетрадь у Ефима под залог двух морских карбасов и промыслового снаряжения, обещая вернуть Лоцию в целости-сохранности. А Ефим в свою очередь просил проверить правильность записей, хотя составлена Лоция была обстоятельно, как все мореходные описания поморов, отличавшиеся добросовестностью и точностью. Аверьян пока не нашел в ней ни одной ошибки, которая бы могла подвергнуть людей риску.

Аверьян, собираясь в мангазейский поход малой артелью, на легком коче, рассудил, что небольшое судно пройдет где угодно. Его можно будет без труда вытащить при необходимости на льдину и снова спустить на воду. Да и на волоках подвижность коча также будет способствовать ускорению пути.

Риск был. А когда поморы не рисковали, отправляясь на промысел? С риском связана вся их жизнь.

И еще помогала Аверьяну в пути принадлежность к славному племени землепроходцев-первооткрывателей, их настойчивость и жажда неизведанного. Опыт же хождения в Студеном море имелся немалый, он и пригодился.

По молодости Гурий этого не учитывал. Он надеялся только на Лоцию и компас и боялся, как бы нечаянно отец не потерял их...

Впереди показались редкие плавающие льдины. Оттуда стало наносить холод. Ветер, дувший в борт, переменялся, стал тянуть с носа. Аверьян крикнул:

— Правым гребни, левым табань! Еще правым!..

Коч приближался к берегу, что темнел узкой полосой слева. Вскоре обогнули безымянный мыс на северном побережье Югорского полуострова, зашли в бухту, укрылись от ветра.

Тосана поставил чум на берегу реки, на травянистой и веселой солнечной поляне. Сразу обжили

место: Санэ вбила в землю колья с рогульками, положила на них жердь и развесила на солнце проветриваться и сушиться оленьи шкуры, которыми устилали пол в чуме. Еване наносила сушняка, а Тосана, разрубив его топором, уложил в небольшую поленницу. Покончив с дровами, он принялся обтягивать кожей легкой, сделанный из прутьев каркас рыбачьей лодки. Кожу к каркасу пришивал сыромятными ремешками. Когда лодка будет готова и спущена на воду, кожа разбухнет и швы не будут давать течи.

Пес из породы сибирских лаек по кличке Нук, с белой мохнатой шерстью и черным пятном на морде, бегал по окрестностям и ловил леммингов.

Тонкими и крепкими нитями, изготовленными из сухожилий оленя, Еване шила себе новую паницу, старательно подбирая узоры по подолу и рукавам из разноцветных кусочков меха и суконных лоскутов. Девушка умела шить красивую, нарядную одежду.

Когда Ласковой наскучило сидеть возле чума с шитьем, она прикрепила ножны с ножом к поясу, позвала Нука и, сказавшись дяде, отправилась бродить по лесу.

— Далеко не ходи. Будь осторожна,— предупредил Тосана.

Еване любила ходить по лесу. Она никогда не плутала, хотя иной раз и забиралась в самые глухие дебри.

Весна в этих местах наступала поздно, была короткой, и все торопилось расти, выпускать сережки, бутоны, лепестки, а позже рассеивать по ветру семена. Лето тоже было мимолетным, с воробьиный нос, с обилием гнуса — мошкеры, комаров. Жарко было только в середине июля, иногда — в начале августа. Потом листья желтели, выстилали землю ворохами звенящей меди, латуни, золота. Лиственницы сыпали тонкие, мягкие иглы нежно-желтого цвета. И только сосны, ели да кедровники стояли зелеными всю зиму.

Зимой Еване ходила в лес на широких лыжах, подбитых камусом, не проваливаясь в глубокий снег, скользя бесшумно и быстро, как тень, от дерева к дереву, от одной настороженной на зверя ловушки к другой. Приполярными ночами в трескучие морозы лес стоял безмолвный, замерзший, словно бы неживой. В просветы между деревьями горела пунцово-красного цвета заря.

...Еване неторопливо шла вдоль берега, в небольшом отдалении от реки. Когда прибрежное чернолесье редело, в просветы меж кустов блестела и играла на солнце вода.

Девушка шла поглядеть, не начала ли поспевать ягода морошка. В этих местах, среди кочковатых болотистых урочищ ее нарастало к середине лета видимо-невидимо. Теперь начало июля, может быть, кое-где на обогретых солнцем низинах ягода начала поспевать?

Иногда под тобоками проступала вода, и Еване прыгала с кочки на кочку. Верный Нук молча бежал за ней, помахивая мохнатым хвостом, задранным вверх, в колючку.

Начались приболотные заросли стланика-ивняка, рябинника, карликового кедровника. Место было открыто холодным ветрам с севера, и поэтому деревья жалась к земле. Теперь «лес» был Еване по пояс. И если смотреть издали, у Нука над зарослями торчали только острые настороженные уши да голова с черным пятном вокруг глаза.

На ходьбе стало жарко. Да и солнце грело всюю. Еване пошла медленнее, поглядывая по сторонам. Она увидела траву-морощечник, склонилась, потрогала ягоду. Они были еще недоспелыми, жесткими. «Рано», — подумала девушка. Нашла, сухую, поросшую осокой-резуньей кочку и села отдохнуть. Нук растянулся рядом, вывалив большой розовый язык: жарко. Еване запустила маленькие пальцы в густую шерсть Нука на загривке и шепнула: «Лежи и молчи. Молчи, понял?» Пес глянул на девушку и положил голову на вытянутые лапы. Но вот он встрепенулся, уловив отдаленный подозрительный шорох, и хотел было вскочить на ноги, но Еване повелительно положила ему на голову ладонь, приказывая не двигаться, и пес повиновался.

Впереди на залитой солнцем полянке показался небольшой темно-коричневый зверек. Еване осторожно отвела в сторону ветку ивы, чтобы лучше видеть.

Это был Черный Соболь. Он, выйдя на полянку, остановился, прислушался. Еване с собакой пряталась за кустами с подветренной стороны, и соболь их не учуял. Сев на задние лапы, он стал вылизывать шерсть. Потом вытянул шею, посмотрел в сторону леса, что был на южной стороне его владений.

Из ельника на поваленное сухое дерево выскочила Соболушка. Она пробежала по стволу взад-вперед, спрыгнула на землю и настороженно, как-то боком, приблизилась к кусту, под которым сидел Черный Соболь.

Дети у Соболушки подросли, и теперь она мало занималась ими. Им стало тесно в дупле, и они почти все время бегали по округе, добывая себе пищу.

Теперь Соболушка вспомнила о Соболе и пришла на место прошлогодней встречи с ним. Она остановилась в двух шагах от Черного Соболя и прыжком зауркала. Соболь широким прыжком перемахнул куст и мягко опустился на траву рядом с ней. Некоторое время они обнюхивали друг друга, потом, словно молодые соболята, стали играть. Собольavorил ударить Соболушку лапой, она ловко увертывалась от удара, прыгая и урча. Войдя в азарт, она несильно укусила Черного Соболя снизу за шею. Он вырвался и, сбив ее с ног, стал кататься вместе с нею по траве. Соболушка урчала недовольно и возбужденно.

Игра продолжалась долго. Два сильных, темно-коричневых мохнатых зверька бегали и прыгали по полянке, то сближаясь, то отдаляясь друг от друга.

Еване внимательно следила за ними и улыбалась. Нуку надоело лежать спокойно, и он с громким лаем вымахнул из кустов. Соболя вмиг разбежались. Черный Соболь вскочил на ель и быстро, словно большая кошка, взобрался на вершину. А Соболушка незаметно ушла в лес.

Нук остановился посреди поляны в растерянности. Вид у него был уморительный и жалкий. Еване не выдержала и рассмеялась.

Наконец Нук заметил Черного Соболя, сидевшего на верхушке ели. От тяжести тела зверя ель качивалась. Соболь смотрел вниз на собаку, словно поддразнивая ее. Увидев, что пес не один, а с человеком, Черный Соболь перепрыгнул на другую, рядом стоящую ель, спустился по ней на землю и скрылся в зарослях.

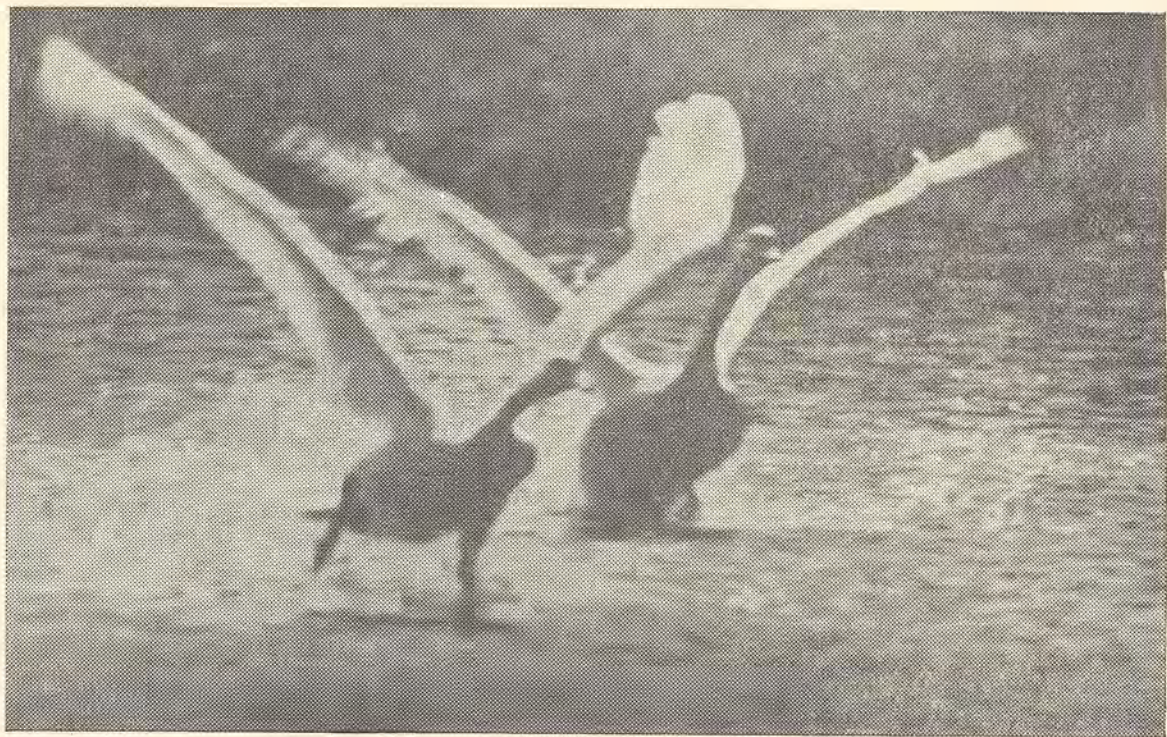
Пес залаял зло и раздосадованно, суетясь без толку по поляне. Еване строго прикрикнула на него и повернула назад, к дому, все думая об этих двух соболях, которые резвились под лучами солнца.

Продолжение следует

Весна

Фото А. Сабодаша (г. Минск)

ПОМОГЛА ВЕСНА ПОДСКАЗКОЮ

* *

Над селеньями и реками,
Над лугами и ручьями
Свистом, лаем, кукареканьем
Снова мир весну встречает.

Будто хмелем все напоено —
Хмелем, вьющимся по тыну.
С неба, словно из пробоины,
Свет живым потоком хлынул.

Всякой пташке, к солнцу ласковой,
Каждой ветке оробелой
Помогла весна подсказкою,
Что на свете дальше делать.

В честь весны стреляют залпами
Почки вдаль и тишь лесную;
За весну ростками слабыми
Все поляны голосуют,

И хотя в который раз она
Дарит мне привет весенний,
Снова я томлюсь и праздную
От ее прикосновенья.

* *

Брось рыбу в воду, птице небо дай,
Лягушку отпусти в ее болотце:
Иззябшему отдай свой малахай,
Голодному — последний каравай...
И сколько б лет ни пролетело — знай:
Как в старой сказке, все тебе зачтется.

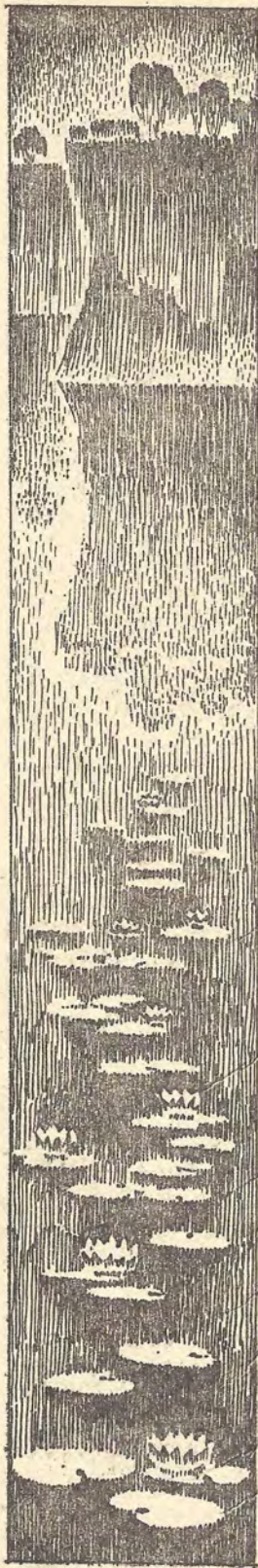
С чужой дороги камень убери,
Расчисти дно заглохшего колодца;
Дверь перед бесприютным отвори,
Оставь в зимовье соль и сухари...
Твори добро, вставая до зари,
И помни — это все тебе зачтется.

Не отмахнись от будничных забот,
Не погаси в чужом окошке солнца;
Отвадь чужое горе от ворот,
Под общим грузом стой, как весь народ...
А станешь делать все наоборот —
И все наоборот тебе зачтется.

Рисунки
В. Меринова

Берега

Правый берег — ох, высок,
Крутоплеч и крутобок!

Высоки его луга,
Высоки посевы.
Но совсем не свысока
Смотрит он на левый.

Левый берег низовой,
Левый стелется травой.

Но хотя низки на вид
Здесь хлеба и травы,
Не принижено глядит
Он на берег правый.

Знают-помнят берега,
Что одна у них река.

И судьба у них одна,
Как одна излука,
И нельзя им жить ни дня
Порознь друг без друга.

В музее

Взглядом пристальным и чутким,
Выбирая что древней,
Смотрят парни на кольчуги,
Я — с прикидкой — на парней.

В сажень — плечи,
Весла — руки,
И хоть бей кувалдой в груди!
Узковатые кольчуги
На таких не натянуть.

Ведь оно ковалось вечно —
Поколений полотно:
За кольцом еще колечко,
За звеном еще звено.

Да к тому ж добавить нужно,
Что и духом не слабей
Парни дюжие
Кольчужных,
Удалых богатырей.

А уж те
В своем пределе,
Не страшась ни гроз,
Ни сеч,
И любили,
И умели
Землю родины беречь.

* *

Ее нечаянно с гнезда я
Спугнул у тайного ключа:
Вспорхнула, к травам припадая,
И плачет, крылья волоча.

А я как будто впрямь поверил
В ее притворную беду
И, сам представляясь хищным зверем,
Прочь от гнезда за ней бегу.

Ей жутко —
с криком,
леденя,
Скользит, бедняга, в трех шагах.
Но ужас за гнездо
сильнее,
Чем за себя знобящий страх.

Бегу сквозь хвою и листву я
И думаю, что хоть убей —
Она погибнет,
торжествуя,
Что все-таки спасла детей.

Так можно ли добро прикончить,
С ним совладать в слепой борьбе,
Когда и этакий комочек
Так много сил несет в себе!
И сколько — что ни говори мы
О жизни —
вряд ли кто сочтет
Ее глубин неизмеримых,
Ее непознанных высот.

* *

Было небо чернее земли,
Не успевшей в ромашки одеться.
Мы на кладбище друга несли
На суровых льняных полотенцах.

И хотя мы несли шестером —
Всех нас гнула,
качала,

давила,
Точно поднятый каменный дом,
Из сосновых тесин домовина.

Помню —
кто-то сказал за спиной,
Как в мороз, языком костеняя:
— Чем ты легче для друга живой,
Тем в гробу для него тяжелее.

Шло дыхание из горла, как всхлип,
Надсажалось и падало сердце...
Это горе свое мы несли
На суровых, как жизнь, полотенцах.

* *

Чуть что — одна у старой речь
Про хлеб или про деньги:
— На черный день бы побережь,
На самый черный день бы!..

А внука, вспыхнув, как смолье,
С ней спорит огорченно:
— Ну вот опять ты про свое!
Да их не будет — черных!

Согнется бабка, как трава,
И бога просит глухо,
Чтоб вышла внученька права,
А не она, старуха.

* *

Покуда сын спиною жидковат,
Тяжелую лесину
У комля сам отец берет в обхват,
Веля к вершине — сыну.

А вырастет мужчина из юнца,
И, пробуя — легко ли,
Он сам, к вершине отослав отца,
На плечи взвалит комель.

Но и у сына подрастет сынок,
С рассвета жизни помня,
Что должен он во всяком деле в срок
Сменить отца у комля.

* *

По деревцу да по кусту,
А те — по сантиметру,
Лес в голубую высоту
Поднялся незаметно.

С трудом из брошенных семян
Вставал к ростку росточек,
Но смотришь — хлебный океан
Над пашнями рожочет.

По камню да по кирпичу
Наращивая стены,
На месте хижин и лачуг
Дома росли степенно.

Слагались песни по словцу,
По тихому словечку,
А дед их передал отцу,
А он их мне — навечно.

Паром

То катер прокатит,
То плот проскрипит.
А он на канате —
Как пес на цепи.

Так русло огромно!
Такая вода!
А ходу парому —
Туда да сюда.

Туда да обратно
Пускает канат;
Всего и отрады —
Туда да назад.

И как тут не бредить
Судьбою иной,
Где парус — как лебедь
Над синью сквозной!

Но он без попыток
Рвануть наутек —
Как тянущий нитку
Сквозь красны челнок.

С хозяйским расчетом,
Как начал давно,
Все ходит и ткет он
Судьбы полотно.

Суровая пряжа
В холстину идет:
Телеги с поклажей,
Да жито, да скот;
И плавают зори,
И плещет волна
В житейском узоре
Его полотна.

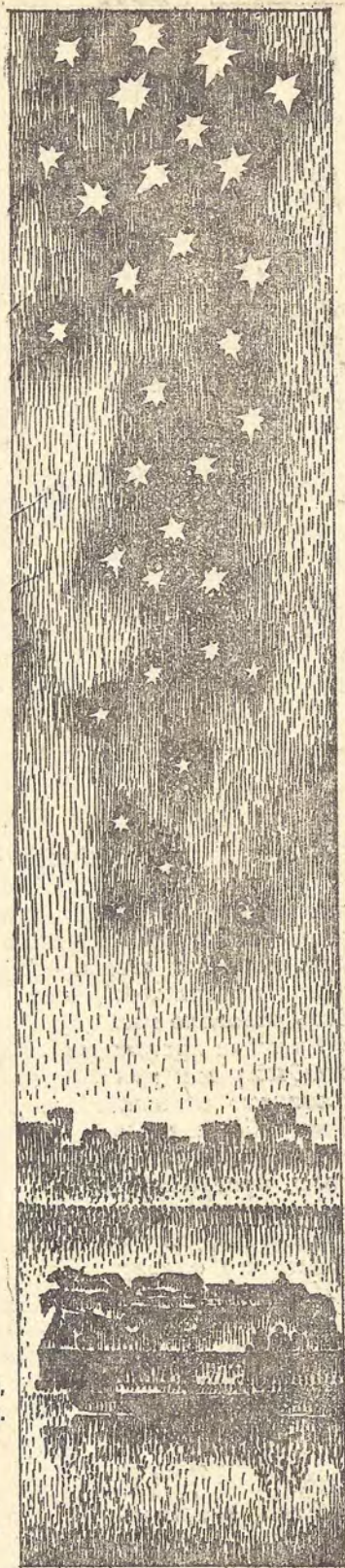
Когда же тут бредить
Судьбою иной,
Где парус — как лебедь
Над синью сквозной?!

Вновь грузы — на трапы.
Вновь нити — в судьбу.
И пота накрапы
Да чалка — на лбу.

* *

Как торф в глуби земной,
Пласты былого — в сердце.
А торф, он сам собой
Вдруг может загореться.

И надо ль говорить —
Известно всем, пожалуй, —
Как тяжело гасить
Глубинные пожары.

ОРЕНБУРГСКИЙ УНИКУМ

Алексей
ИВАНОВ

Фото А. Нагибина

Первый раз я побывал в Каргале, под Оренбургом, два года назад. «Тридцатый километр», то есть главная строительная площадка газоперерабатывающего завода, представляла собой изрытый экскаваторами пятачок степи. К терриконам вывороченного грунта пригнано несколько вагончиков — бытовок. Здесь работало тогда не более пятидесяти человек.

Времени прошло не так уж много, а перемены, происшедшие на тридцатом с того лета, впечатляют. «Пятачок» занимает теперь многие десятки гектаров. Здесь работают тысячи строителей.

Такая же по размерам стройка раскинулась и на левом, противоположном, берегу Урала. Уже в действии шестисоткилометровый газопровод Оренбург — Куйбышев. Десятки буровых продолжают пробиваться к газовому океану. Вступила в строй Каргалинская ТЭЦ... Что и говорить, на берегах Урала в Оренбуржье развернулась грандиозная стройка. Каждые сутки здесь осваивается больше полумиллиона рублей. Эта цифра уступает результатам рабочего дня только одной главной стройки страны — КамАЗу.

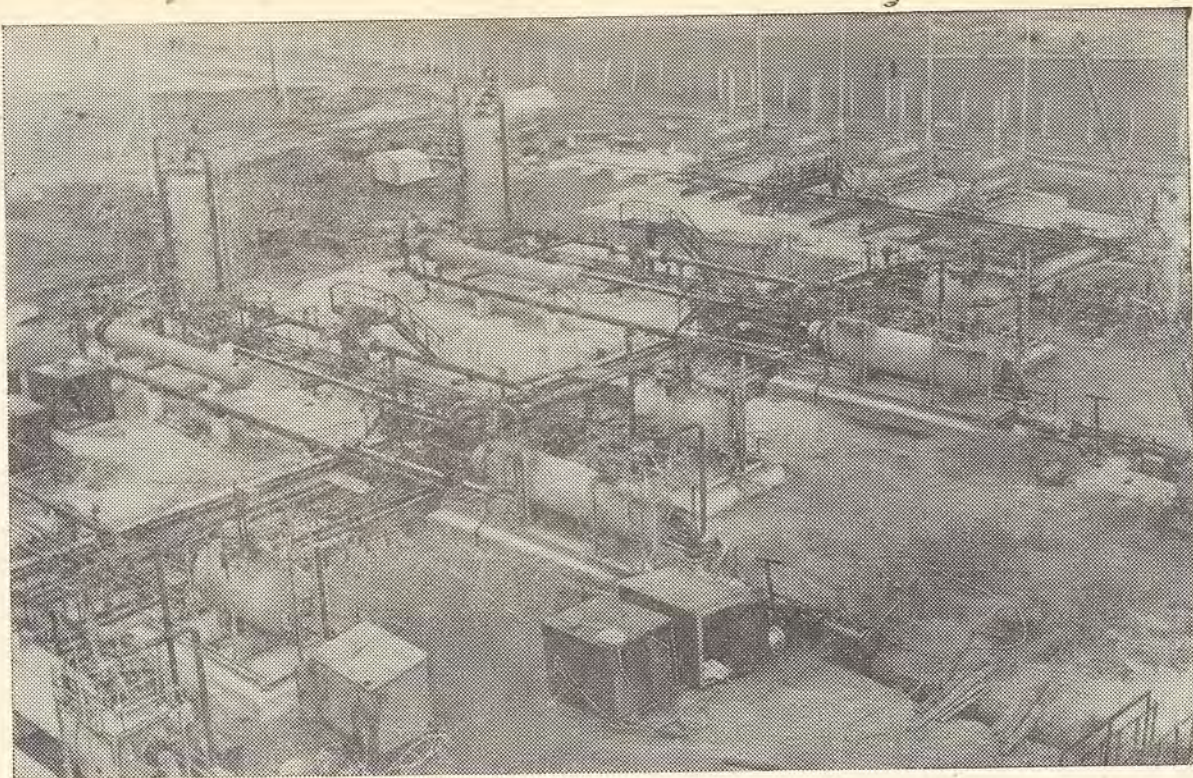
Вступила в строй первая очередь газопромышленного комплекса мощностью 15 миллиардов кубических метров газа в год. Нынче будет построена вторая, в 1975 году — третья. В перспективе мощность комплекса достигнет 100 миллиардов кубометров газа в год!

С чего все это начиналось?

1. Поправки к энциклопедии

Заглянем в энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, издававшийся в конце прошлого — начале нынешнего столетий. В статье «Оренбургская губерния» самое скромное по объему место занимает описание подземных богатств. Да и можно ли было полезные ископаемые, разведанные и осваиваемые в то время, называть богатством, если в основном это были местные строительные материалы. В довершение ко всему автор статьи констатировал, что «площадь губернии до сих пор с точностью не измерена...»

Через четыре года после выхода в свет последнего, 86-го тома энциклопедического словаря, то есть в 1911 году, в Одесской судебной палате были приговорены к ссылке в Сибирь молодые революционеры. Среди них находился мастер судоремонтного завода Иосиф Леонтьевич Рудницкий.

Один из газосборных пунктов

В 20-е годы Рудницкого, прошедшего к тому времени суровую школу сибирского геолога, пути-дороги привели в Оренбуржье. Приехал на станцию Халилово, осмотрелся вокруг — глухая сторона.

— Может, сразу билет в обратную сторону возьмешь? — спросил сердобольный начальник станции. — Сам видишь: ни огня, ни хаты. Тоска прогонит тебя отсюда.

Через несколько лет Рудницкий и его коллеги именно здесь обнаружили большие запасы железной руды. На базе этого месторождения развернулось строительство Орско-Халиловского металлургического комбината.

Поколение Рудницкого, донашивая на плечах шинели и бушлаты гражданской войны, ставило на ноги новые отрасли индустрии.

Отечественной никелевой промышленности тогда не было. Этот серебристый металл и сейчас называют металлом технического прогресса. А в каком дефиците был он в 30-е годы, когда Рудницкий в поисках никеля вдоль и попе-

рек исходил и извездил на своей лошаденке степи под Орском? И он нашел то, что искал. Комбинат «Южуралникель», «кормящийся» запасами найденного Рудницким месторождения, был и остается одним из крупнейших предприятий.

Тропы, проторенные геологом, превратились в улицы и проспекты молодого города Гая, а «застолбленное» им меднорудное месторождение — в шахты и открытые карьеры Гайского ордена Ленина горно-обогатительного комбината имени Ленинского комсомола.

В 1932 году Рудницкий появился на берегу озера Гай. Он поднимал с земли и внимательно рассматривал камни, позеленевшие от гайской воды. Лабораторные исследования утвердили геолога в мысли: где-то поблизости залегает медная руда.

И. Л. Рудницкий и его помощник В. И. Скрипиль пробурили в окрестностях озера до десятка скважин. А как приходилось тогда бурить? Над будущей скважиной устанавлива-

ли треногу. Под нею по кругу ходило несколько рабочих, вращая ворот. Промывочную жидкость заливали в скважину из ведра.

Примитивность бурильной техники мешала заглянуть подале, вглубь, а Рудницкого ждали новые дела. Но он был убежден, что медь надо искать именно здесь.

Дело первооткрывателя продолжили через несколько лет его молодые коллеги. Клад был открыт поистине драгоценный. Пять разведанных залежей, с легкой руки поэта названных пятью медными колоколами главной звонницы Урала, содержат в себе 10—20, местами до 30 процентов металла!

В восточном Оренбуржье в позапрошлом году экспедиция Оренбургского территориального геологического управления завершила разведку медноколчеданных руд месторождения «Весеннее». Продолжается разведка месторождений «Летнее» и «Осеннее». В этих названиях геологи, как и везде, проявили себя романтиками и поэтами.

— Из времен года в назва-

ниях месторождений не использована лишь зима,— пошутил я в разговоре с нынешним начальником геологического управления, лауреатом Государственной премии, кандидатом геолого-минералогических наук И. А. Шпильманом.

Вопреки моим предположениям, он ответил серьезно:

— Научный прогноз и полевая разведка дают основания считать, что будет найдено и «Зимнее». Домбаровский район в недалеком будущем станет не только поставщиком хлеба, но и житницей уральских предприятий цветной металлургии.

Дело Иосифа Леонтьевича Рудницкого продолжается. Новые большие запасы никеля разведаны в Светлинском районе. На востоке области открыто Киембайское асбестовое месторождение. В рамках Совета Экономической Взаимопомощи принято решение о строительстве горнопромышленного комплекса по добыче горного льна.

Благословенна азиатская половина Оренбуржья!

В свое время академик А. Е. Ферсман так писал об Оренбургской области: «...изучение этого громадного района принесет еще много неожиданностей и раскроет исключительную картину огромной области промышленного будущего». Прогнозы ученого касались и европейской части Оренбуржья.

2. От Волги к Уралу

Действительно, академик А. Е. Ферсман как в воду глядел. Ныне в недрах Оренбургского края учтены запасы 58 видов ископаемых. Большинство из них «приручено» — питают возникшую за полвека мощную индустрию. Велик соблазн сравнить нынешний выпуск продукции области с тем, что выпускалось Оренбургской губернией в 1913 году: за шестьдесят лет Оренбуржье в 180 раз умножило промышленный потенциал!

Интересно и другое. Две трети промышленной продукции производится в восточной, меньшей части области — в Медногорске, Новотроицке, Гае. На долю обширной и густозаселенной европейской части Оренбуржья приходится только треть.

А как был открыт уникальный Оренбургский газовый вал — крупнейшее месторождение Европы?

Нельзя сказать, что это открытие было неожиданностью. До Оренбургского вала на западе области было выявлено ни много ни мало 42 газовых месторождения. Однако даже все вместе взятые они не годятся в подметки своему сорок третьему собрату. Но они-то как раз и сказали геологам: уж коль лопата кладоискателя раз за разом выбрасывает из земли монеты — быть и полнехонькой кубышке.

Если подземные богатства востока области — это южная кайма древнего богача Урала, то запад — еще не известно чьи

Лагерь студенческих строительных отрядов

владения. Спор между седым великаном, хранящим звонкие металлы и драгоценные камни, и Волгой-матушкой, что прячет под кроной своих водных артерий куда более значительные сосуды нефти и газа, скорее всего решится в пользу Волги. Нефтегазоносная провинция — «Второе Баку» — охватила не только весь запад Оренбуржья, но и перешагнула границу между Европой и Азией.

Открытие крупнейшего в Европе газоконденсатного месторождения началось еще в тридцатые годы — за сотни километров от него. Первая промышленная нефть была получена близ тихого и захолустного городка с богатырским именем Бугуруслан. Он оправдал свое имя: уже тридцать шестой год подряд земля, на которой стоит нефтяной богатырь, питает нашу индустрию «черным золотом». И сейчас его недра дают более трех миллионов тонн ежегодно. Редкое долгожительство месторождения!

Но могли ли предполагать геологи, что Бугуруслан — это только начало? Увы, не предполагали. Вот почему, начиная с 1937 года, более двух десятилетий подряд изыскатели крутились только на этом пятке.

Поиски же в южных районах области велись без определенной системы. В тридцатые годы геолог П. И. Климов, пробурив несколько скважин у села Краснояр, что в трех десятках километров от Оренбурга, записал в отчете: «Изыскания продолжать бессмысленно». Он не мог знать, что именно здесь, но на более значительной глубине затаился газовый океан. После Климова под Оренбургом перывали многие геологи. Все они были единодушны в своих заключениях: район геологически очень сложный, мощная толща солей «маскирует» характер залегания более глубоких пластов.

После войны был «рассекречен» второй нефтяной король — Бузулук. Сейчас его месторождение — самое крупное в области. В прошлом году из него было выкачано 6,6 миллиона тонн нефти. Затем был открыт огромный Сорочинский нефтяной «сосуд». В 1973 году на разведочной буровой в Александровском районе вырвался фонтан газа. Чуть раньше здесь была обнаружена нефть.

За последние десять лет раз-

На строительной площадке газзаводов

веданные запасы «черного золота» увеличились в десять раз!

И все-таки под лопату кладоискателей, шедших с запада области, от Бугуруслана, к центру, природа подбрасывала не более как пригоршни монет. Ларь с драгоценностями был надежно упрятан под солевую толщу именно в центре, на стыке двух континентов.

Именно здесь и начались поиски подземных богатств.

3. «Тринадцать» — счастливое число

Ученые пришли к выводу, что самым перспективным следует считать Оренбургский район, где подсолевые толщи ближе всего подходят к поверхности и где они наиболее благоприятны для скопления углеводородов.

Однако первые две скважины оказались пустыми. Начали бурить третью скважину под несчастливым номером 13. Буровым мастером здесь был ныне известный всему Оренбуржью Степан Дмитриевич Иванов.

Недавно местный поэт Михаил Клипиницер написал о нем стихи, а композитор Давид Генделев переложил их на музыку.

Мы вспоминаем снова
Тот славный год не зря,
Бригаду Иванова,
Шестое ноября.
Ребятам тем отважным
Сначала не везло:
Тринадцатая скважина —
Неважное число...

Да, вспоминают 6 ноября 1966 года не зря. На следующий день оренбуржцы с прекрасным настроением садились за праздничные столы. Но не было среди них Степана Иванова и его товарищей. В пожухшей осенней степи они несли свою нелегкую вахту, и не было счастливее их никого на свете. Это был второй день победы: из скважины № 13 вырвался мощный фонтан газа.

Начальник геологического управления И. А. Шпильман вспоминает:

— Все надежды, вернее расчеты, говорили о том, что именно тринадцатая будет счастливая. Поэтому поставили сюда многократно проверенный коллектив бригады во главе с опытным мастером. К концу лета бур достиг полутораклометровой глубины. И вот глинистый раствор принес из-под земли еле приметный запах. Запах этот — не только радость открытия, но и тревога. Газ, если действительно это газ, рассуждал мастер, мог находиться под высоким давлением. Нужна величайшая осторожность.

Бурильщик открыл задвижку. Ровный, мощный гул газовой струи поглотил все звуки. Газ зажгли. Огненный факел взметнулся вверх на десятки метров. Дрожала земля под ногами. Давление, как потом было установлено, в 200 атмосфер выталкивало газ из скважины.

Это было началом. Я смотрю на геологическую карту области. Пестрота и плотность точек и кружочков, обозначающих разведанные месторождения полезных ископаемых. Чуть ниже красного кружка областного центра, под синей жилкой Урала, — заштрихованный про-

долговатый прямоугольник со сглаженными углами. Наложись мизинец, и нет пятнышка на карте, хоть оно и самое большое из всех. Это и есть газоконденсатное месторождение: в длину — сто километров, в ширину — двадцать.

В Оренбург переезжают сразу две экспедиции — Предуральская и Абдулинская. На предполагаемом «золотом пятчке» было сосредоточено около двух тысяч человек, вооруженных приборами, научной аппаратурой, мощной техникой.

Бурильщики проходят десятки скважин, раз за разом расширяя границы «золотого пятчка», мастерски и с великой предосторожностью подбираясь к газовому пласту. Ведь его давление достигало двухсот атмосфер. Такая сила заставляла держать ухо востро. Крепкий урок был извлечен из того случая, когда на одной из разведочных буровых произошел выброс газа. Многих сил, великого нервного напряжения стоило укрощение газового факела, в котором за одни только сутки сгорали миллионы кубометров голубого топлива.

Первая цифра запасов месторождения была утверждена Государственной комиссией в 650 миллиардов кубических метров газа. Разведанные в прошлом году запасы газа составили без малого два триллиона кубов. Однако геологи на сей счет улыбаются с хитрею: дескать, под Оренбургом еще столько же. Дайте, мол, срок, и разведка подтвердит это.

4. Этот чудесный газ

О событиях 1966 года Степан Дмитриевич Иванов вспоминает неохотно: и давно это было, и слишком часто просили его рассказывать о первой газовой струе. А вот о сегодняшних заботах — пожалуйста!

— Поленились мы тогда взглянуть поглубже. Вернее, не поленились — слишком большая радость была. А когда поостыли, геологи сказали: мол, под первым слоем второй должен быть. Словом, пирог слоеный. Вот вторую начинку и колупаем сейчас, — Степан Дмитриевич

кивнул на ревшую дизелями буровую.

Ко всему привык Степан Иванов: к славе, к трудностям колевой жизни, к опасностям, которые подстерегают буровиков, когда раствор из глубин земли приносит запах сероводорода... К одному привыкнуть не может Степан Иванов:

— Бурил скважины в Сибири. Тайга, глухомань. Ребята мои работали в Средней Азии. Кругом песок раскаленный, за сотни километров жилье. А здесь вот — пшеница кругом, комбайны рядом с буровой ходят. После вахты домой, в областной центр, за час добираться. Красота!

Оренбургский газовый вал — самая дешевая кладовая топлива в стране. Экономисты скрупулезно подсчитали и обнародовали на удивление всем такие цифры: затраты на геологоразведочные работы на тонну разведанного условного топлива составили чуть больше полтора копеек. А в целом по СССР за последние годы эта величина не опускалась ниже 37 копеек.

Экономисты подсчитали, что строительство Оренбургского газопромышленного комплекса окупится через 1,5—2 года! И еще несколько сухих, но впечатляющих цифр. 1000 кубометров оренбургского газа, поданного в район Москвы, стоит 4 рубля 6 копеек, тюменского — 9 рублей 31 копейка, узбекского — 16 рублей 50 копеек.

Месторождение уникально не только размерами, своей географией, но и химическим составом газа. В нем большой процент сероводорода — бесценного сырья для получения серы. Он богат конденсатом — жидким газом. В нем содержатся пропан, бутан, этилен...

Однако океан топлива скоро и щелкнул по носу: дескать, открыли меня задаром, так попробуйте голыми руками взять.

Был построен мощный газосборный пункт, от него на Зинскую ГРЭС, что в Татарии, протянули 500-километровый газопровод. Вскоре возникли трудности. Как раз те свойства газа, которые считались благом, были и причиной всех бед. Газ шел по трубопроводу под колоссальным давлением. В трещинах и порах труб накапливался атомарный водород. И неизбежны взрывы...

И ученые, и строители, и промысловики столкнулись с такими проблемами, которых не

существует на газовых месторождениях в тюменской тундре или в песках Узбекистана. Нагущенный сероводородом оренбургский газ потребовал особых условий — иного оборудования, иной организации добычи и переработки, специальной стали, особой сварки труб, термической обработки каждого стыка...

Строительство первой очереди Оренбургского газопромышленного комплекса мощностью 15 миллиардов кубометров газа в год закончено. Но это только начало. Слава геологов притихла, по всем предположениям, перед новым скачком. Героями дня стали строители.

5. Первый подъем

Этот блокнот, помятый, испорченный вкривь и вкось торпливым почерком, с пометкой: «4 октября 1972 года. Камиль Рашитов. Подъем первого абсорбера на газзаводе», я бережно храню.

Да, тот день был особым. До сих пор стройка гордилась миллионами кубометров перелопаченного грунта, сотнями проглянувших из-под земли фундаментов. С того дня изрытая степь стала «прорастать» оранжевыми свечами абсорберов, дисорберов, печей, факелов.

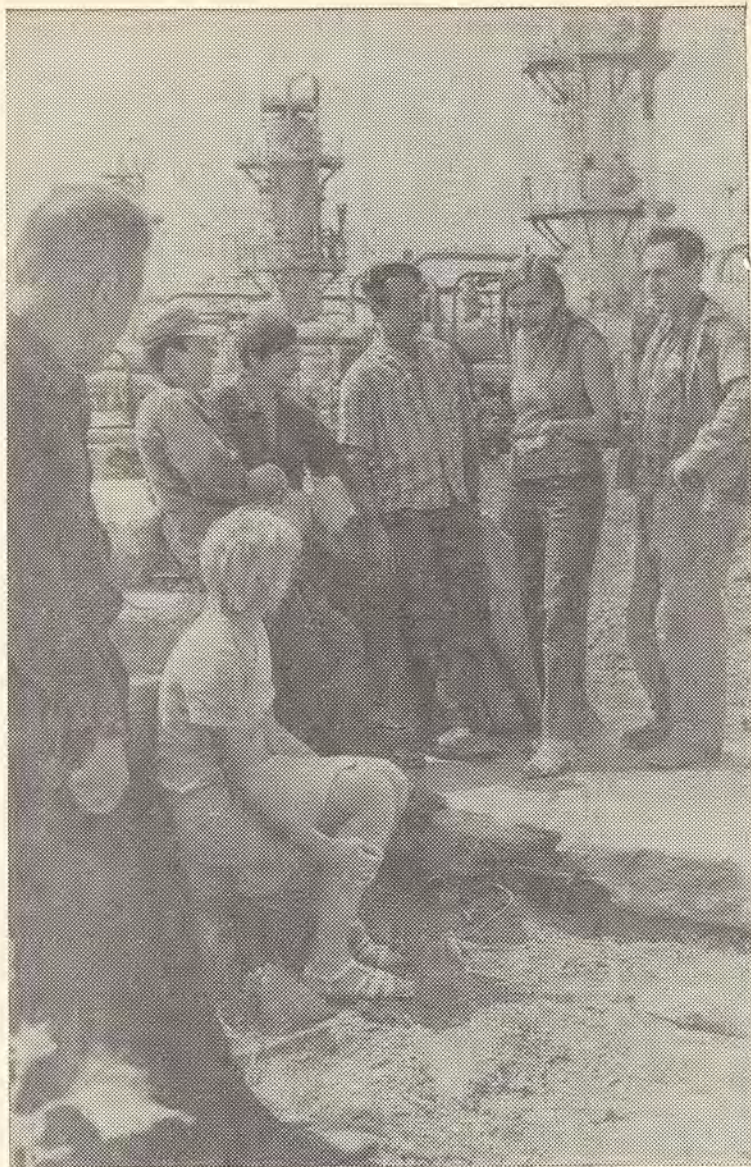
Первую такую свечу и поставила на фундаменты бригада такелажников Камилля Рашитова из треста «Востокнефтезаводмонтаж». Высота свечи — три пятиэтажных дома, вес абсорбера, предназначенного для очистки газа от серы и других ценных примесей, 250 тонн.

Помню, как тогда, в полдень, строители пошли на обед. Их объекты были разбросаны по всей площадке, но на сей раз дорога на обед для каждой бригады пролегла через место монтажа абсорбера.

А такелажники собрались около лебедки на первый в эту смену перекур. Нарочито ленивая беседа о посторонних вещах плохо скрывала волнение.

Около самой колонны присел бригадир Камиль Рашитов. За спиной у него — антенна рации, в руке — микрофон. Абсорбер уже был поднят «на попа», но висел еще на мачтах. Своей «юбкой» он занял только половину фундамента.

Вот по радио снова понес-

Людмила Жолобова — секретарь комсомольской организации строительного управления СУ-4 треста «Оренбурггазстрой» и члены лучшей комсомольско-молодежной бригады монтажников Василия Ивановича Кузьмина

лись бригадирские команды, такелажники притушили недокуренные папиросы и — по местам. Оставалось сместить машину всего лишь на полметра в сторону и чуть-чуть «крутнуть» по оси.

Выдалось окно, и я подошел к бригадиру.

— А что тут рассказывать? — говорит Рашитов. — Сами все видели. Никаких ЧП. Все по графику. Обкатывали эту операцию на летучках, — Рашитов снова взялся за микрофон.

До весны прошлого года такелажники Рашитова поставили

на фундаменты все тяжеловесное сверхгабаритное оборудование первой очереди газонеперерабатывающего завода. Оставалось уже немного: смонтировать и установить шесть факелов, что предназначены для сжигания газа в аварийных случаях.

Во втором моем блокноте такая пометка: «27 мая 1973 года. Камиль Рашитов. Подъем первого факела».

Присев на корточки и набрасывая шепкой на песке чертеж, Камиль говорил тогда мне:

— Представим, что несколькими муравьям нужно поставить «на попа» пшеничную соломинку с тяжелым колосом на вершине. Перед ними узел проблемы. Надо ведь не только поднять и поставить. Главное при этом — не согнуть и, из-за божьей воли, не сломать нежный стебель.

Шевр — громадная А-образная конструкция для подъема факела — покоился пока в строго вертикальном положении. Его основание соединялось с «юбкой» факела на не менее громадном шарнире, вмонтированном в бетонный фундамент. Тросы в руку толщиной шли с середины и верхушки факела и сливались в пучок на маковке шевра. Шевр должен был падать вниз, уступая свою вертикаль факелу. Словом, все просто. Этому простому делу должны были помочь шестеро такелажников, три бульдозера да одна лебедка.

А факел был хорош. Своим стройным туловищем, покрытым термостойкой серебрянкой, он перечеркивал целый гектар изрытой бурой степи. Его лесенки и площадки напоминали коленца стебля и только что прорезавшиеся листья. А что касается наконечника, так он впрямь выглядел тугим колосом. Камиль не ради лирики сравнил этот аппарат с пшеничным стеблем.

Рашитов говорил, что наконечник, или газостатический затвор, составляет около трети общего веса аппарата. А габариты факела таковы: высота 95 метров, диаметр всего лишь 70 сантиметров, толщина степок, увы, 11 миллиметров.

— Но мы же не муравьи, — сказал бригадир. — У нас техника, а главное — инженерная мысль работает.

Камиль Рашитов глянул на часы и махнул рукой Сарье Хабирову — машинисту лебедки. Тот плавно нажал на рычаг. Хрустнули суставы тросов — все замерло. Было 10-40 утра. Шевр чуть-чуть подался к лебедке, потянул за собой факел. Тот на ладонь приподнялся на своем ложе. Снова знак рукой, и лебедка замерла. Бригадир объяснил мне:

— Пусть часок повисит. На тросы сейчас самая большая нагрузка. Лишний раз испытаем их надежность.

11-30. Рашитов снова подал команду. Факел медленно поднимал голову над бурными пла-

стами земли. Надсадно поскрипывал шарнир.

И вдруг — треск, грохот. Толпа специалистов и зрителей, изнуренных солнцем и ожиданием, встrepенулась.

— Сорок пять градусов. Камешки из трубы факела покапались, — успокоил всех Камиль. Он подошел к фундаменту и рукавицей из-под надвигающегося днища смел мусор, который минуту назад наделал столько шума.

Постановиванием напоминает о себе тудяга-шарнир, шуршат тросы в блоках, свистит в оснастке степной ветер. Подъем идет нормально. Сарья Хабиров, не спуская глаз с бригадира, говорит:

— А что волноваться-то? Не надо волноваться. Двадцать лет аппараты ставлю на фундаменты. Если б друг на друга ставил, так монтажники по ним до Луны долезли бы.

На противоположном конце поля бульдозер помалу натягивает подстраховывающие тросы. Барабан лебедки наматывает уже ослабевший канат.

13-35. Шевр лег на землю. Факел накрыл днищем фундамент и замер в строго вертикальном положении. На 95-метровой высоте бьется на упругом ветру алая капелька: флага не было, и кто-то из такелажников прицепил свою нарукавную повязку.

Бурные поздравления с победой. Я пожал руку герою дня — Камиллю Рашитову. Ладонь у него влажная, пальцы мелко подрагивают. Начальник управления на колене строчит приказ о премиях Камиллю, Сарье, Александру Казакову. Представителю технадзора, приехавшему сегодня из Москвы, кто-то сует в руки кусок хлеба с любительской колбасой. Тот благодарит заботливого доброго человека и с аппетитом ест. Не удивительно: ему было не до еды, пока он не убедился, что проект его института блестяще реализован.

Два месяца готовились монтажники к этому двухчасовому подъему. Нужно было построить фундаменты, изготовить оснастку, насобирать на якоря более трехсот тонн железобетонных блоков. Бригада слесарей-монтажников Василия Михайловича Максимова собрала факел, сварив десяток стыков.

— Сделали аккуратно, — сказал Рашитов. — Радиогра-

фическая проверка показала: качество сварных швов отличное.

Французская фирма вместе с факелами прислала и рекомендации по сборке и установке. Предлагалось многое: поставить 50-метровые мачты, соорудить леса, поднять наконечник и на высоте снизу подстыковать все десять частей, монтировать факел при ветре не больше, чем три метра в секунду. В институте Гипронефтьспецмонтаж подумали и сказали:

— Дорого, опасно, долго.

Четыре конструктора за два месяца изготовили целый том чертежей, показали свой проект подъема представителям иностранной фирмы. Те, в свою очередь, подумали и ответили:

— Попробуйте.

Проба состоялась. При ветре временами до 20 метров в секунду. Отличная проба!

Через два месяца, когда надстройкой высоко в небе застыли все шесть факелов, стерлитамакские такелажники уезжали домой.

На главной строительной площадке бригаде устроили пышные проводы. Секретарь парткома «Оренбургэнерго-строя» В. К. Максименко не поспешил на похвалы.

Я поймал Камилля после торжеств.

— Что хмуришься, Камиль?

— А что они, как невесту на выданье... Все равно же на вторую очередь приеду.

— А сейчас куда?

— В Стерлитамак. Там на химзаводе оборудование ждет.

— Не надоело так?

— Что так? — не понял Рашитов.

— Ну, ездить с места на место.

— Да хотел бросить.

— Что же удержало?

— Скажу, смеяться будешь.

— Не буду.

— Сам видел. Как подъем, так начальство съезжается. Я к каждой операции, может, как артист к открытию театрального сезона, готовлюсь. Все загода продумаю, в уме повторю...

— Счастливо тебе, Камиль, — на этот раз рука его спокойна и суха.

— Скоро опять увидимся, — говорит Камиль.

ЛЕДОХОД

Рассказ

Станислав РОМАНОВСКИЙ

Рисунки В. Бубенщикова

В субботу ночью на Каме дрогнул лед, река задвигалась, задышала, звезды над ней померкли, как в банном пару, а днем, в воскресенье, собралось на ее берегах много народа — смотреть ледоход.

В этот день Алеша с матерью были в прикамском городе — покупали обувь на лето — и ледохода не слышали: в городе своего шума хватает.

На главной улице они встретили знакомого грибника Андрея Ивановича Заиконникова, что бывал у них на кордоне. Шел он в брезентовом плаще с балахоном и нес длинный шест на плече.

Он узнал Алешу с матерью, поздоровался и пожаловался:

— Ни одной рыбы не поймал. Сак из рук вырывает.

— Кто? — спросил Алеша.

— Кама! На Каме ледоход.

Мать спросила:

— Иваныч, урожай нынче будет?

Старик Заиконников поставил шест на землю, оперся о него, как древний воин о копье, и ненадолго задумался.

— Честно тебе скажу, Александровна, — ответил он, — урожай будет. — Помолчал и прибавил: — Старухи будут обижаться.

Алеша знал, что старик Заиконников по своим приметам погоду предсказывает правильно, но для пущей важности к своим предсказаниям всегда прибавляет что-нибудь неопределенное. Вроде: «Железо будет ржаветь» или «Старухи будут обижаться». Но как это понять, как проверить?..

Заиконников взвалил шест на плечо и пошел домой, а Алеша с матерью поспешили на реку.

На берегу Камы людей — не протолкнуться. И гул голосов.

Мать сказала:

— Что-то льдины еле шевелятся.

Гражданин в шляпе объяснил:

— Затор. Сейчас лед взорвет.

Алеша потащил мать вперед, чтобы лучше видеть и слышать, как все это будет.

Затор виделся широким, с пол-Камы, ледовым выступом. Течение прибывало к нему льдины, и они, подминая друг друга, лезли вперед, становились на ребро и крошились, и далеко слышался веселый домовитый треск. Будто бабушка Устинья большим косарем щипала лучину на самовар, да не на один, а с запасом.

На льдины затора вышли четыре солдата в зеленых стеганках. Над ухом Алешы, так что мальчуган вздрогнул, кто-то объявил громовым голосом:

— Товарищи, здесь оставаться опасно: будет взрыв! Прошу отойти к старым ивам!

Громовой голос принадлежал обыкновенному человеку с короткой трубой-усилителем.

— Товарищи, здесь оставаться опасно, — повторил он. — Прошу отойти к старым ивам.

Громовому Голосу пришлось много раз объяснять, что к чему, и сердиться, пока народ, все до одного человека, не откатился к старым ивам, посаженным вдоль дамбы сто с лишним лет назад купцом-пароходчиком Стахеевым. Не им самим, конечно, а его работниками.

Пожарники — маленькие юркие фигурки — долбили лед, протягивали провода.

— Эх ты! — вскрикнул Алеша.

От берега к затору, к взрывникам, побежал маленький мальчик в красном костюмчике — очень приметный на белом льду.

Толпа закричала на разные голоса, и, перекрывая их, грянул Громовой Голос:

— Мальчик в красном, вернись! Сейчас же вернись!

Но мальчик только прибавил ходу. За ним кинулся какой-то рослый парень, еле поймал, за руку привел к берегу.

— Чей ребенок? — спросил Громовой Голос.

— Это бакенщицы сын, — ответили ему. — Она зубы дергать ушла, а он не пошел, здесь бегаёт.

— Присмотрите за ним, — попросил Громовой Голос и повернулся к Каме.

На ледяном бугре, наверное в самом центре затора, остался один человек. Он нагнулся здесь, нагнулся там и, не оглядываясь, что есть духу побежал к берегу.

Вскоре на ледовом бугре беззвучно выросло высокое ледяное дерево. Оно заиграло светом в прозрачных ветвях своих, стало опадать, и тяжкий взрыв, от которого пошатнулась земля под ногами Алеши, потряс окрестности. Откликнулось эхо, зазвенели ледяные осколки.

Народ подался к реке, и за общим гулом невозможно было разобрать, о чем предупреждает теперь Громовой Голос.

Алеша с матерью к реке подошли последними. Люди ходили по берегу и по прибрежным льдинам, и Алеше страсть как захотелось поближе посмотреть на воду, на затор после взрыва. Он ступил на льдину — она не покачнулась.

— На земле стоим и ладно, — сказала мать, но все же вслед за сыном боязливо шагнула на лед.

На реке после взрыва слышался ровный шум, будто в улье весной ожили пчелы. Это течение относило от затора льдины и даже целые острова. Гуще и сильнее пахло открытой камской водой.

— Ну вот, — сказал человек в шляпе, который невесть как оказался опять рядом с Алешей. — Путь расчистили, теперь скоро и пароходы пойдут!

На краю льдины у самой воды Алеша увидел мальчика в красном. Тот высматривал что-то в глубине. Алеша подошел и тоже стал смотреть. Вода была с парком и сверху светлая. Но светлынь ее скоро переходила в темноту, и эта темнота была не дном, а водой глубинной и смотреть на нее после зимы можно долго.

— Эх ты, — огорчился человек в шляпе. — Подлецика оглушило... Не туда смотрите!.. А ты, мальчик в красном костюме, отойди от воды.

В воде на границе с темнотой колебался, поблескивая, широкий рыбий бок.

— Мама, вон он! — радостно закричал Алеша.

В это время мальчик в красном костюмчике оступился и без всплеска с головой ушел под воду.

Алеша оцепенел, только крепче зажал в пальцах веревку, которой была завязана покупка — коробка с летней обувью. А рядом в светлой воде, неглубоко, брезжило и расплывалось красное облачко.

Алешина мать нагнулась, обеими руками поймала под водой красное облачко и вытащила его на лед. Мальчик часто моргал, но реветь не собирался, с удивлением прислушивался, как по лицу, по губам стекает влага, и улыбался, оттого что столько людей смотрело на него.

Советы посыпались, как горох:

— В тепло его!

— Чугун картошки сварить и над паром его держать, пока не пропотеет...

Мальчик все улыбался, и вдруг — никто пошевелиться не успел — юркнул в толпу, как в лес, пропал, и вот уже он карабкается по дамбе, домой бежит, к бабенке.

— Мать увидел, — сказал кто-то. — Вон она идет.

— Попадет ему на орехи...

— Алеша, — спросила мама, — ты у меня коробку с обувью не видел?

— Вот она, — сказал Алеша. — В этой руке моя коробка, в этой — твоя. Когда ты его вытаскивала, я подобрал...

Они потихоньку выбрались из толпы.

— Рукава-то у тебя мокрешеньки, — сказал Алеша.

— Ничего, выжмем.

Они зашли за старую, с полым, обожженным нутром иву, вместе отжали рукава пальто, расправили их, чтобы не морщились, и мать похвалила Алешу:

— Сильный!

— Хорошо кормишь, — ответил он солидно.

Мать улыбнулась.

Отсюда хорошо была видна Кама, льдины шли по ней ровно, а посередине уже просматривалась темная полоса стрежня...

В автобусе, впереди себя, Алеша услышал разговор двух старух:

— Там, говорят, какая-то женщина ребенка из воды вытащила. Нырнула, говорят, в чем была, и со дна его достала. Наградить ее будут.

— Молодая женщина-то?

— Да нестарая...

Тут вмешался полный мужчина.

— Не женщина это, — на весь автобус авторитетно сказал он, — а Виктор Васильич Крутиков, пожарный. — И прибавил, понижая голос: — Племянник мой.

Алеша посмотрел на мать. Она приложила палец к губам: не говори, мол, ничего, ради бога, что было, то прошло...

— Кем он работает? — спросил кто-то полного мужчину. — Племянник-то твой?

— Я же сказал, — ответил тот, — Пожарник он, пожары тушит.

Автобус оживился:

— Ах, пожарник!

— Тогда понятно, пожарники, они — и в огонь, и в воду...

Автобус ехал ходко, за окном плыл крутосклон, рассеченный оврагами, и в них дотаивал серый снег. Алеша держал на коленях коробку с новой обувью, и ему очень хотелось сказать людям, что ребенка спасла его мама, вот она сидит. Не верите — рукава еще влажные.

Но он промолчал. Подумал: доброе дело само за себя скажет.

И неудобно к тому же говорить при всех взрослому человеку, что он ошибается, хотя вообще-то против пожарных Алеша ничего не имел.

Несколько лет следопыты Трехозерской восьмилетней школы Талицкого района Свердловской области вели поиск, посвященный истории родного села. Ребята беседовали со старожилками, с первыми пионерами и комсомольцами села, работали в архивах, собирали документы, газеты, журналы — реликвии давних лет.

Они выяснили, что около ста лет назад в Трехозерке насчитывалось всего 114 жителей — об этом сообщала некогда запись на верстовом столбе, стоявшем у въезда в село; что первым председателем Трехозерского сельского Совета был Д. Ф. Микушин, а первым комсомольцем стал Алексей Горбунов. Его комсомольский билет хранится сейчас в музее.

Знакомясь с историей села, молодежь видит, как изменился их район, каким богатым хозяйством стал их колхоз.

Три звездочки на воротах дома № 94 по улице Карла Либкнехта в городе Верхняя Салда Свердловской области означают, что три человека из этого дома ушли защищать Родину в годы Великой Отечественной войны, три брата: Александр, Василий и Сергей Карабан. Долгие годы не знали родные, где могила Василия. И вот недавно они получили письмо из поселка Чална Карельской АССР, того поселка, который защищал воин-уралец.

Несколько лет по заданию местного архива и Государственного архива республики карельские ребята устанавливают имена солдат и офицеров, погибших в боях за поселок, разыскивают их родных.

Пять лет работают по заданию Государственного мемориального музея Я. М. Свердлова члены клуба «Поиск». Следопыты побывали в городах Сысерти, Нижняя Тура, Реж Свердловской области, ездили в Нарымский край. Ребята привезли много фотографий о пребывании Я. М. Свердлова в этих местах.

Рефераты членов клуба «Поиск» «Большевики в Нарымском крае», «Деятельность Я. М. Свердлова на Урале» отмечены грамотами на городских чтениях.

История грузинского города Цители-Цкаро уходит в далекое прошлое. Солидный, хотя и неизмеримо меньший, возраст и у краеведческого кружка средней школы города. Тридцать лет совершают ребята походы по родному краю. Одно поколение следопытов сменяет другое, и каждое новое поколение краеведов, историков, археологов вносит свой вклад в существующий музей. Среди многих интересных экспонатов, найденных следопытами в экспедициях, особое место занимает меч. Ребята показали его ученым, и те определили, что меч принадлежал, по-видимому, одному из воинов легендарного римского полководца Помпея, приходившего в Кахетию в 66 году до нашей эры. В музее можно познакомиться с историей канала, построенного еще в XII веке при царице Тамаре, и со многими другими экспонатами.

Село Унэгтэй Бурятской АССР интересно уже своим названием. Оно означает «лисыя нора». Именно с объяснения происхождения имени села и начинается альбом «Наш Унэгтэй», составленный юными сельскими следопытами. Здесь же собраны старинные песни, частушки, описания местных национальных обрядов.

Унэгтэйские ребята составили и альбом «Никто не забыт, ничто не забыто». Он посвящен землякам — участникам Великой Отечественной войны, рассказывает о том, кто где воевал, какие подвиги совершил. В школьном музее хранится священная земля, привезенная из Кронштадта, Севастополя, Волгограда, где, не щадя жизни, сражались унэгтэйцы.

В третьем альбоме — «Наши земляки на страже Родины» — собрана переписка ребят с комсомольскими организациями тех частей, где служат выпускники местной школы. Командующий Краснознаменным Тихоокеанским флотом адмирал Н. Смирнов к пятидесятилетию Бурятии прислал в подарок следопытам флотский бинокль.

МИТЬКА, МОРЯЧОК И Я

Рассказ молодого рабочего

Михаил СИДОРОВ

Рисунки В. Бубеницкова

Нам с Митькой, если сложить вместе, всего лишь тридцать шесть лет. Оба безусые и безбородые. Митька брился несколько раз, но ничего на его румяных щеках пока так и не растет. Мы уже второй раз встречаем Новый год в цветнолитейном цехе.

Три токарных станка расположены треугольником, вершину которого венчает Митькин ДИП. Левый угол занимаю я, правый — Антипин. Между собой Антипина мы зовем Папашей. У него маленькое морщинистое лицо и лысина на всю голову. После гудка Папаша словно прирастает к месту. Митька презрительно сплевывает: «Деньгу заколачивает старик!»

А мне старик нравится. Работает не топясь, а горки готовых деталей всегда вдвое больше наших. Меня это удивляет. Я потихоньку приглядываюсь к тому, как он работает, но пока никаких особых секретов раскрыть мне не удалось. Еще он покорила меня своим разноголосым свистом. «Голубятник!» — подумал я, когда впервые услышал Папашины трели. В детстве я мечтал о голубях, но заводить стеснялся, потому что не умел свистеть.

Митьку, конечно, никаким свистом не удивишь. Сплюнув, он процедил сквозь зубы: «Для соловья-разбойника жидковат». Он имел в виду невзрачную фигурку старика.

Вершина нашего треугольника часто бездействует. Митьке не стоит у станка. То он около электрокарщиц, то около пирометристок, на плавилке. Когда Митьки долго нет, у нас с Папашей происходит немой диалог. Он как-то по-особому коротко свистнет, и мне чудится, будто он меня на-

звал по имени. Я оглядываюсь. Он кивает на станок-сироту. Я пожимаю плечами: не знаю, мол, где. Он укоризненно качает головой: «Лодырь твой друг».

Мне тоже иногда хочется отвлечься и уйти. Но Папаша словно ловит меня на этой мысли. Он издает боевой, задорный свист. Я улыбаюсь, смотрю на него. Он показывает: «Крути!». И я кручу.

И вот сегодня Папаша вдруг не пришел. Я работал и все время поглядывал направо. Что могло случиться? Потом от Митьки узнал, что старик ушел на пенсию. «Вакантное место», — проговорил Митька, и в темных, опущенных густыми ресницами глазах его мелькнуло мечтательное выражение. Я сообразил, что ему хотелось бы встать на Папашино место.

Митькино сообщение меня огорошило. Никогда не приходила мысль, что настанет время — и Папаша не будет рядом. Папашин станок стоял начищенный. Вчера он особенно тщательно его обтирал. Теперь я догадался, что это была его последняя приборка.

Кого поставят на его место? Митьку, наверное. Когда накануне он травил анекдоты в присутствии мастера Ильи Филипповича, или Луи Филиппа, как мы его называли между собой, то мастер смеялся дольше всех. В эти минуты я ненавидел его смеющийся рот. А Митька, видя довольного Луи Филиппа, сиял. Обточив с десяток деталей, Митька куда-то ушел. Считал, что он заслужил такое право. И мне было завидно. Почему я так не умею, как Митька? Он заметный, а я что? Конечно, его поставят.

Но Луи Филипп поставил меня.

«А... а Митька?» — чуть было не сказал я, но спохватился и пролепетал:

— А-а... если не справлюсь?

— Справишься, Глеб, ты парень старательный. На твоё место завтра придет новенький.

Митьки не было, когда я перебрался на Папашино место. Рука моя предательски дрогнула, палец не сразу попал на пусковую кнопку.

Митька пришел, когда я уже вовсю работал.

— Ты что это забрался не на своё место? — спросил он.

— Мастер поставил, — как можно равнодушнее проговорил я. — Вместо Папашина...

— А-а... — Я видел, как у него дрогнули губы. Мне стало жалко Митьку, и в то же время я ликовал. Митька постоял, сплюнул несколько раз. Видя, что я увлекся работой и не намерен разговаривать, отошел к своему станку. До обеденного перерыва он не отлучался никуда. Детали с каким-то жалобным звоном падали в его кучу. Лопатки на его спине, словно лопасти снегопогрузчика, ритмично дергались под тесной курткой. Он со стуком опускал ключ, которым

зажимал деталь, рывком посылал шпиндель задней бабки.

Удивительно, каким послушным был Папашин станок. Мы с Митькой никогда не видели, чтобы при отжиме Папаша стучал молотком по детали. Цанга работала безукоризненно. Сейчас по привычке я хватался за молоток, который принес с собой, но отжатая деталь сама падала в мою руку. От этого было смешно и радостно. Хотелось, чтобы Митька оглянулся хоть разок. Посмотрел бы, как работает цанга. Я собрал губы, как это делал Папаша, и, неожиданно для самого себя, свистнул. Получилось!

Я дурачился от радости. Под свист запускал станок, под свист останавливал его. Свистел до тех пор, пока не заболели губы.

После обеденного перерыва пришел Папаша. Одет он был во все черное: пальто с каракулевым воротником, шапка из того же меха, брюки навыпуск. Из-под шарфа виднелись удивившие меня полоски морской тельняшки.

— Ну что, Стручок, поставили тебя? — спросил он подходя. Он меня так называл из-за моего роста и худобы.

— Да, Лука Григорьевич. — Я впервые назвал его по имени и отчеству. И подумал, что Папаша, наверное, был моряком. Просто так старик не нарядится. Как я потом узнал, он приходил в красный уголок, где должны были состояться проводы.

Он потрогал блестящие рукоятки станка, словно попрощался с ними.

— Почаще смазывай цангу, — сказал он. — Работай, не ленись. Может, и дружок потянется за тобой... Ну ладно, бывай, — и пожал мне руку.

...Из цеха вышли вместе с Митькой. Подняв воротник короткопалого пальто, Митька шел, пиная снежные комья. Он делал вид, что мой переход на Папашино место нисколько его не задевает.

— Что это ты всю смену свистел? — спросил он.

— Дурачился.

— Ты же не умел?

— Научился.

— У старикашки?..

Я не ответил.

Везло нам на моряков. Только проводили Папашу — пришел другой, прямо со службы. Когда Луи Филипп подвел новичка к моему станку и сказал, что здесь его рабочее место, он, не торопясь, обошел во круг и шутливо спросил:

— Шпиндель-то вертится?

— Ну, а как же, — в тон ответил я.

Морячок, оказывается, токарил до службы.

— Добро,— сказал он и помахал мне рукой.

Обточив первую деталь, он попытался ее отжать. Цанга на отжим не поддавалась. Он подошел ко мне:

— Скажи-ка, браток, где тут у вас кубрик со слесарями?

Я показал. Через пару минут он вернулся в сопровождении слесаря Горбункова. Морячок подвигал отжимной рукояткой. Сжатый воздух с остервенением пшикал, но цанга оставалась неподвижной, словно была припаяна.

— Эх, молодо-зелено,— сказал Горбунков.— А ты ее молоточком, Р-раз— и в ящик!

— Э, нет,— поводит пальцем морячок.— У нас на атомной сколько раз тукнешь молотком, столько и нарядов вне очереди получишь.

— Как это?— удивился Горбунков.

— А так. Не тюкай, где не надо, на то есть механик. Делай, папаша! А я пока осмотрую гавань. Минут через тридцать вернуться.

И ушел вразвалочку, помахивая клешами. Слесарь бросился было к Луи, но, сообщив, что встреча эта ничего хорошего ему не сулит, вернулся, крикнул помощника. К приходу морячка деталь отскакивала, как выстреленная.

Я с восторгом глядел на своего соседа— здорово он с Горбунковым разделался!

...Мы уже месяц работаем с морячком. Фамилия у него Ермилов. На своей атомной он нырял в глубины всех океанов. Любимая его песня— «Гавана— Куба»... Иногда, чтобы как-то развлечься, я, как Папаша, издаю призывный свист, морячок понимающе улыбается и приветственно вскидывает кулак.

Митьку он назвал камбузником. Не знаю, замечает Митька или нет, но его анекдоты в последнее время даже Луи Филиппом воспринимаются уже не с таким интересом, как прежде.

В перерыве бакелитчик дядя Вася донимает меня:

— Ты, Глеб, что так? Антипина, вроде, сменил, а норму выполняешь только на сто пять?

— Не вошел еще в форму,— отвечаю.

— Хохрякова бы сюда,— подсказал кто-то. Это Митьку, значит.

Дружный хохот спугнул пару голубей, прижившихся над нашими головами.

— Что-то не видать его.

— Сейчас прискачет. Учует дымок.

И действительно, в проходе появился Митька.

— Ну, что я говорил?

Голубей опять шаркнуло в сторону.

— О чем это вы?— спросил Митька.—

А слышали?..

Митьку одного я никогда не видел. Он обязательно с кем-нибудь «базарил». И в этот момент забывал обо всем. В прошлую субботу, например, произошел такой случай. Был объявлен комсомольско-молодежный субботник по наведению чистоты в цехе. Луи отвел нашу троицу в самый дальний угол, показал, что надо убирать, что оставить, и ушел. В помощь нам была дана блондинистая девчонка на электрокаре.

— Давайте, братцы, по-быстрому. Мне к часу в институт,— сказал Ермилов.

Нагрузив первый электрокар, мы с Ермиловым остались готовить хлам на второй. Митька вызвался сопровождать машину.

Не так скоро, как нам хотелось бы, но, наконец, он приехал, стоя на площадке электрокара. Блондинистая поминутно прыскала, очевидно, подзаряженная серией анекдотов.

Вторая поездка продлилась дольше первой. Ермилов поглядывал на часы. Мне тоже надо было спешить. Вчера утром я написал записку Нине из соседнего подъезда, пригласил ее в кино. Долго я собирался это сделать, все никак не решался. Сегодня я нашел в своем почтовом ящике ответ: она согласна! Билеты были у меня в кармане. Теперь все зависело от Митьки: если он будет и дальше тянуть в таком духе, то Ермилову не видать института, а мне — Нины.

Появившийся, наконец, Митька сказал, что на разгрузке не успевают, вот он и задерживается.

На третий раз у Ермилова лопнуло терпение, и он послал меня посмотреть, что там с разгрузкой. С разгрузкой было нормально. Наша машина стояла пустая. Митька тянулся к уху блондинистой и что-то ей заливал.

Наша уборка затянулась. Ребята с соседних участков уже помыли руки и ходили вокруг, подковыривая нас с морячком.

— И что ты, Хохряков, в рабочие ударился? — в сердцах говорил Ермилов Митьке. — Тебе по базарной бы части пойти. —

Ермилов зашвырнул концы, которыми обтирал руки.

— Распределения туда не было, — ответил Митька.

Если бы Ермилов не был среди нас новичком, разговор был бы веселее. Это можно было определить по желвакам, ходившим по бледным щекам морячка.

В раздевалку шли порознь: мы с Ермиловым впереди, Митька, посвистывая, плелся в хвосте. Прибранный участок сверкал чистотой, а на душе было нехорошо. Вдобавок на нас же накричала наша блондинистая помощница, обнаружившая, что подружки ее давно ушли. Была половина первого.

— Что этому Ермилу надо? — спросил Митька, когда мы вышли из цеха и направились к проходной.

— Ты же подвел его... Да и меня.

— А тебя-то чего?

— Ничего.

— Эх, трудяги-работяги. Все-то им некогда. На работе торопятся, в выходной торопятся.

Митька подставил мне ножку, и я неловко плюхнулся в снег.

Неделю мы не разговаривали. Сегодня он подошел ко мне, сбил запутавшуюся в моих волосах стружку.

— Ну, хватит. Плюнь, а?

— А ты в следующий раз...

— Ну, что ты!

Мы закурили. Не мог я долго сердиться на Митьку. А, наверное, не надо было прощать. Хоть и друзья мы с первого класса.

С первого класса я прилип к нему, а он ко мне. Может, оттого, что мне, чересчур серьезному, не хватало его веселости, а ему, наоборот, моей серьезности. Не знаю.

Школу мы оба закончили кое-как. Но здесь-то на кое-как не проедешь.

ЗАВЕТНЫЕ КЛАДЫ

*ты взойди, взойди, красно солнышко,
Над урочищем добра молодца,
Что Степана свет Тимофеича,
По прозванью Стеньки Разина...*

Старинная казачья песня

Почти в самом центре Руси — на землях Северского княжества — берет свое начало река Северский Донец. А приносит свои воды она к Дону у станицы Раздорской — некогда стольного казачьего городка, вотчины Ермака и Степана Разина...

На Дону есть две станицы Раздорских — одна возле устья Северского Донца, другая — на реке Медведице. Названы они так неспроста.

Первый раздор учинили в седую старину домовитые казаки. Хотели вольных людей под свое начало взять. Думали: соберем голы перекатную, шки да сабань им в руки — будем на разбой посылать, а награбленное добро в сундуки прятать. Только вышло-то по-другому. Увел Ермак Тимофеевич всю голытьбу от домовитых казаков вверх по Дону, а потом и в Сибирь с ними подался, завоевывать неведомые земли. С той поры и поделились казаки на низовых и верховых. Домовитые от Раздорской станицы вниз по

Дону осели, хоромин себе понастроили, пленные турки да пришлые люди на них работали. А голытьба селилась вверх по Дону, кормилась охотой да рыболовством.

Как гласят справочники, Раздорский городок упоминается в летописях с 1571 года. Но еще за три десятка лет до этого ногайский мирза Кельмагмет жаловался Ивану Грозному, что понастроили казаки городков на его земле. Грозный ответил ему так: «Казанцы, азовцы, крымцы и иные — баловни казаки, а и наших украин казаки, с ними смешавшись, ходят, и те люди — как вам тати, так и нам тати и разбойники». Дипломатом он, Иван Грозный, был неплохим — хан ничего возразить ему не мог...

Поначалу располагался Раздорский городок на песчаном острове посреди Дона, а потом перенесли его на крутое правобережье — место понадежнее на случай паводка, — и стал он казакам стольным городком. И доныне спуска-

ются крутыми террасами с высокого живописного холма прямо к Дону и Спорному Донцу (название тоже память о «раздоре») узенькие улочки и переулочки древней станицы.

Ничего особенного вроде бы и не заметишь на этих пыльных, неказистых улочках. Приземистые курени, обветшавшие плетни, колоколенка без куполов, затравивший майдан... А побродить по кривым улочкам, порасспросишь да поразузнаешь, что и как тут было в старину, — станица предстанет иной: гордой, своеправной. Уж чего-чего, а удали да славы ей не приходилось занимать...

Мне показывали за околицей место, прозванное Ермаковой рощей. Когда-то тут росли вековые дубы, сейчас — балки да заповитые озера, а место все ж зовут рощей, в честь Ермака, державшего здесь, по преданию, совет с казаками перед сибирским походом. Рядом лиман — прозван Петровским: когда-то русский

флот на пути к Азову имел здесь стоянку.

А в урочище возле Спорного Донца — Стенькин камень. Огромный валун. А у его подножия — горячие родники. О их происхождении легенда рассказывает так.

Похоронив любимого своего есаула Наумова, заплакал Разин, слезы проникли через камень, и у подножия его забили три родничка чистой, свежей воды. Вокруг камня росли чудесные цветы. Сорвал Стенька один цветок, полюбовался им и задумался. Думал атаман о том, как сделать простых людей счастливыми, чтоб земля кровью человеческой, слезами сирот, жен и матерей не поливалась. С камня того, рассказывают, Степан Тимофеевич речь перед своим войском держал и слово дал вызволить людей из неволи...

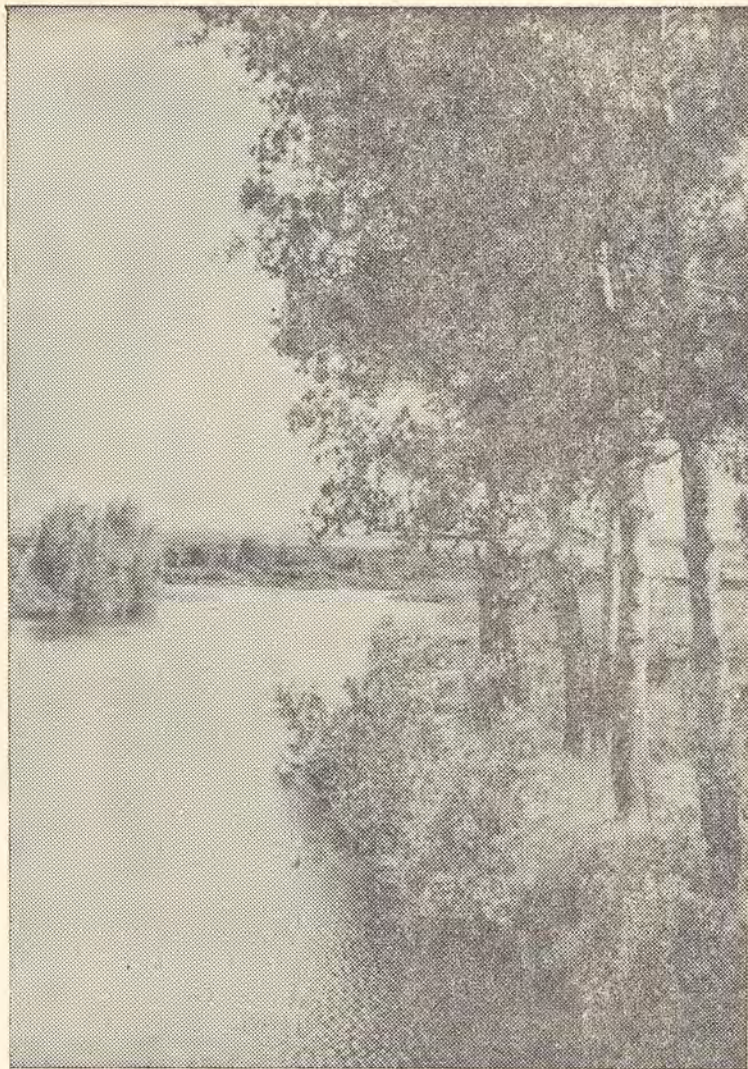
В Новочеркасске, в Музее донского казачества, я видел памятник Разину, изваянный его земляком и большим художником Евгением Вучетичем: мятежный атаман думает беспокойную думу, сидя на этом самом заветном камне.

Стенькин камень помнит, наверное, еще те времена, когда казаки не ходили под царем, а были сами себе хозяевами на вольном Дону. От поры той дошло до нас предание о разинском кладе. Если вдуматься, ничего вымышленного, пожалуй, в удивительной этой истории нет.

А история такая.

В двадцати километрах от города Морозовска, там, где студеные ключи изливаются в степную речушку Кумшак¹, стоит древний Браткин курган. Наречен так курган, рассказывают старожилы, в честь есаула Степана Наумова. Есаул был Разину дорожке брата. Он даже лицом и статью на него смахивал. Разин завещал ему: «Прилучится за меня быть тебе — надевай кафтан, как мой черной, шапку бархатную и саблю держи, как я, да голоса не давай народу знать: твой голос не схож с моим. В бой ходи, как я...» Под Симбирском Наумов спас Стеньке жизнь, потому и почитал атаман есаула выше родного брата Фролки.

¹ Кумшак впадает в Дон перед Северским Донцом, тоже справа.

Урочище близ бывшей станции Константиновской. Не здесь ли зарыт разинский клад?

Из Пяньшина-городка пришел Наумов со своим отрядом в верховья Кумшака и сложил голову в неравной схватке. Похоронили его в чистом поле посреди трех дорог, курган насыпали, который с тех пор зовется Браткиным.

Рассказывают также, будто в кургане зарыт разинский клад. Лет сто или двести назад копали курган охотне до кладов люди, только нашли или нет — никому неизвестно. Но документы, в которых упоминается разинский клад, указывают не только на Браткин курган, но и на многие другие тайники.

Известно, например, что в 1914 году в Царицыне, близ церкви Троицы, провалилась на четыре

метра в глубину целая гора. На дне провала оказались гробы и скелеты. Полагали, что это — провал над тайником Разина, который шел от церкви до самой Волги, куда приплывали расписные челны казачей вольницы с добычей. Есть будто бы разинские тайники и на воспетом в народных песнях утесе, что возле Саратова, и на острове Буяне у станции Багаевской на Дону. Ни под пытками, ни перед царским судом не выдал Разин места, куда запрятал свои сокровища.

В трудах спелеолога И. Я. Стеллецкого описан такой факт. Один отставной русский офицер нашел в 1904 году в старых бумагах покойной бабушки «подлинную

кладовую запись» Степана Разина. Он начал раскопки в указанном месте, открыл целую систему подземных галерей с мощными дубовыми подпорками. Дальнейшие поиски были прекращены из-за начавшейся русско-японской войны.

В 1910 году в Петербурге объявился новый претендент на разинский клад — шестидесятидвулетний есаул из Области Войска Донского. Он явился в столицу и представил «чрезвычайной убедительности» документы. В «сферах» они произвели целую сенсацию, а сообщение о некоем «кургане Стеньки Разина» облетело все русские газеты. Может, это как раз и был Браткин курган?

Наконец, уже в наше время старый казак Очупенков из Аксайской станицы указывал археологам приметы разинского кургана. Разин будто бы берег сокровища для простого люда. А чтобы богачи не прибрали их к рукам, зарыл золото и жемчуг в потаенных местах.

А вот что удалось узнать о разинских кладах из печатных источников.

Во время осады Симбирского кремля (в октябре 1670 года) Разин был ранен саблей. Казаки перенесли «батюшку», который «в память не пришел», на струг и отправились вниз по Волге, а затем на Дон. Всю зиму Разин пролежал в своем курене в Кагальницком городке. Восстание еще продолжало бушевать во многих областях страны, но над мятежным атаманом уже сгущались тучи. Каратели казнили названую мать Разина — Матрену Говоруху. По церквам читали «анафему» Разину и его сподвижникам. В апреле 1671 года атаман Корнило Яковлев велел обложить Кагальницкий городок сухим камышом и дровами и зажечь. Степану и его брату Фролу пришлось сдаться на милость Яковлеву. В народе много говорили о несметных сокровищах, якобы собранных Разиным в своем курене, но, кроме трех пар часов да искусно вырезанной из кости модели Царьграда, там ничего не нашли.

Уже в наши дни в «Славянских записках», изданных в Оксфордском университете, английский историк С. А. Коповалов опубли-

ковал новые сообщения о подробностях казни Разина, изложенных в неизвестной до этого диссертации Иоганна Юстуса Марция, написанной в 1674 году. Марций жил в России и был свидетелем крестьянской войны. И вот как описывает он последние минуты Разина:

«Ему сначала отрубили руки, а затем ноги. Он с такой стойкостью перенес эти удары, что не проронил ни стопа, не выказал какого-либо знака боли на лице. Он был так непреклонен, что не только не пожелал смирить свою гордыню, но и не побоялся и более тяжелых мучений. Лишенный рук и ног, он увидел своего законного на место казни. И он выкрикнул, сохранив выражение на лице и голос, как у обычного человека: «Молчи, собака!..»

В архивах сохранилось и другое любопытное свидетельство. Брат Разина Фрол, сломленный пытками, перед казнью выкрикнул будто бы «государево слово». Так поступали в то время доносчики, извещавшие, что им ведома государственная тайна, открыть которую можно лишь царю. Исполнение казни было приостановлено, и Фрол выдал властям тайну похороненных: рассказал, что перед походом на Царицын Разин собрал «воровские» («прелестные») письма и ценности, «...покал в кувшин в денежной и, засмоля, закопал в землю на острове реки Дону на урочище на Прорве под вербой, а та-де верба крива посередки, а около ея густые вербы, а того-де острова вокруг версты две пяди».

После того, как Фрол дал свои показания, на Дон были посланы «для сыску воровских писем» царский стольник Григорий Косогов и дьяк Андрей Богданов. Они ехали вместе с возвращавшимся из Москвы в Черкасск крестным отцом Стеньки — атаманом Войска Донского Корнилом Яковлевым Ходневым — тем самым, что предал царю своего крестника. Вся эта свита направлялась к урочищу Прорва (названному так по прорвавшемуся из прежнего донского русла протоку). Но найти заветный остров с кривой вербой оказалось не так-то просто — слишком много их в районе Раздорской и Константиновской станиц.

В записной книге московского стола Разрядного приказа под номером семнадцатым появилась после этой поездки запись о том, что царские гонцы «тех писем искали накрепко с выборными

донскими казаками и под многими вербами копали и щупали, но не сыскали».

Фрола еще пытали, но он так и не помог властям: запомнил, где оно, заветное место. Жизнь себе он тоже не выторговал: казнил через пять лет. И кто знает, может, он намеренно не сказывал доподлинного места: хотел пожить дольше.

Не открыл тайны и автор «воровских» писем — поп из Верхне-Чирской станицы Никанор Иванов.

О разинском кладе в народе ходило немало легенд. И места назывались разные. В конце прошлого века побывавшему на Дону писателю и журналисту В. Гиляровскому рассказывали, что под Новочеркасском, в Персвановке, жил старый учитель из казаков Иван Иванович, который знал будто бы, где захоронен клад. От царских сыщиков место тайна, а приметы указывали ложные, чтоб рыли и ничего не нашли.

Может, клад все-таки был? Неспроста же упоминался он едва не во всех преданиях и быльщинах о Разине. Неизвестно лишь, где он был зарыт. Все дело в том, что до сих пор никто не знает достоверно место разинского городка. Ростовский ученый А. А. Тимошенко после многолетних раскопок считал, например, что городок этот располагался на острове Жилом, в устье Кагальника. Сам остров Жилой невелик: не больше двух километров в длину, но зарос сплошь густым лесом — попробуй найди там остатки кривой вербы!

По другим сведениям, клад зарыт не на острове, а на правобережье Дона. Между хуторами Ведерниковым и Кастыркою есть курган, который никогда не затопляется в половодье. Старожилы именуют его «Городком». Когда-то на кургане жили люди, а потом переселились на взгорье, где теперь хутор Куликовка. Еще совсем недавно Куликовка называлась иначе: Упраздно-Кагальницкий хутором. Стало быть, Кагальницкий городок был штурмом «упразднен» и сожжен, а жители его перебрались на новое место. Не ключ ли это к разгадке?

Но мог ли разинский городок располагаться здесь? По-видимому, да. Возле Раздорской станицы много пересохших ериков. В прежние времена все они были полноводны и могли вместе с До-

ном, Донцом и Кагальником составлять неодолимую водную преграду, столь необходимую повстанцам для защиты от возможного нападения на городок царских войск.

Раздорский старожил Георгий Михайлович Хрустев высказал такие предположения насчет разинского клада, что в них трудно не перепутать был с небывью (руками-то не пощупаешь, как он мне сказал). Фрол Разин был, по его разумению, не таким уж трусом, хотя и не таким орлом, как Стенька. Минутный, быть может, страх и обуял Фрола, когда увидел он окровавленного брата-богатыря. Но слова «Молчи, собака!» сделали свое дело. А последующие пять лет жизни Фрола нам мало известны. Лишь одно ясно: показания давал он бестолковые, бессвязные, точного места, где зарыт клад, не называл. Знал, что клад будут искать, будут называть и приметны, а еще знал, что сообщники Разина наверняка успеют клад перепрятать. Ну, а место для клада, скорее всего, было выбрано в стороне от городков и станов. На Дону много «прорв», урочищ, островов, а кривых верб еще больше. Фрол мог тут говорить, что только вздумается — все равно поверят. А верба кривая... Может, Фрол и не вербу имел в виду, а речку Кривую? Есть такая возле Николаевской станицы. За ней остров, озера и озера... Есть и прорва там своя. Могло ведь так статься, что Фрол, измученный пытками, говорил медленно, слово за словом, с передышками, с обдумыванием. Мог он, забывшись, чуть было и не назвать речку Кривую, но спохватился и перевел название реки на кривизну вербы. Тем более, что на Дону почти все вербы кривые, а речка Кривая, возможно, только одна...

Тот же Георгий Михайлович в подтверждение своего домысла сообщил мне, что у прорвы Кривой издавна были кельи-землянки набожных старцев, вырытые под обрывом, и что сам он встречал там одного «анахорета», говорил с ним и тот сказал, что, кроме него, два старика тоже «битают в кельюшках».

А не могло случиться, что Разин посадил на Кривой «охранителей» своего клада под видом богомольцев, почти «святых», так сказать? Шло время, охранители клада перемерли или покинули свой опасный пост. Обычай же, чисто религиозно-фанатического характера, мог остаться, — в кель-

ях объявились новые «квартиранты».

Конечно, логические рассуждения еще не факты, но они как-то запрашиваются сами собой...

О Разине раздорские старожилы расскажут вам и многое другое. Вот, скажем, какова судьба Тимофея — сына Стеньки? Степан Злобин в романе о Разине привел Тимофея на эшафот. А это, мол, неправда. Ведь Тимофей был еще мальчонкой, когда отец его уходил «за зипунами». При Разине казакам ни сеять, ни пахать не позволялось: начнут казаки в земле рыться — все геройство свое растеряют. А сыну Тимофею Разин приказал заложить сад и ухаживать за ним, пришлось подчиниться отцовской воле. Одна из груш этого сада до сих пор живет в Константиновске — шинами железными окована, на подворье Макаровых по улице Карташева. Хозяин этой усадьбы вам еще и про хутор Кастырку расскажет — его тоже вроде бы Тимошка Разин основал: нарубил с друзьями бревен в лесу, плоты сделал, приплыл к острову и хутор новый заложил, чтоб людям «кастырить» — в отместку за казненного отда...

Тимофей был Разину родным сыном, но был у атамана еще и пасынок Афонька — лицо тоже небезынтересное. В древних актах есть показания донских казаков, ездивших от Войска Донского в Москву за ежегодным жалованьем, и там говорится о набеге на Дон татарских войск из Азова. Выслали казаки против бея небольшой отряд, а татары весь его пленили. Попал в плен и «Стеньки Разина пасынок Афонька». Вскоре его выкупили из плена. Было это спустя двенадцать лет после разгрома разинской вольницы. По-видимому, Афонька имел какой-то вес у казачьей верхушки — его бы не выкупили просто так. Может, и он причастен был к кладу отчима, не закапывал ли его вместе с отчимом?

Редактор районной газеты, раздорский старожил Иван Васильевич Прокопов тоже оказался ревнителем разинского клада. Расспрашивая станичников о завётом кувшине, он, между прочим, совершенно случайно нашел в Раздорской следи еще одного клада — запорожского. Поведал ему про то

человек, в семье которого тайна передавалась из поколения в поколение «от самого Калныша».

Могло статься, речь здесь шла об имуществе последнего кошевого атамана Запорожской сечи Петра Калнишевского. Когда сечь по царскому указу была «взята приступом» и прекратила свое существование, атаман, по преданию, бежал в Раздоры — один из богатых казачьих городков, поддерживавших тесную связь с верхушкой Запорожской сечи. Подтверждает это и одна из песен, записанных в Запорожье:

Ой полети, та полети, черная галко,
Та на Дон рибу істи,
Ой принеси, да принеси,
черная галко
От Калныша вісті...

Кстати, вполне достоверно известно, что с бегством Калнишевского исчезли и следы запорожской казны. По этому поводу существовали самые различные легенды. Одна из них вела к Переяславу, другая — к Корсуню, третья — к реке Подпольной. Так или иначе, но найти сокровища до сих пор не удалось.

Известно, что Калныш не покинул Дон добровольно. По требованию Екатерины II кошевой «вредного скопища» — Запорожской сечи — Петр Калнишевский, войсковой писарь Иван Глоба и войсковой судья Павел Головатый были разысканы и препровождены под конвоем в Москву. Уже совсем недавно найдены свидетельства о том, что кончил свою жизнь Калнишевский узником Соловецкого монастыря в 1803 году — ста двенадцати лет от роду.

Не осталась ли часть сокровищ Калныша в Раздорской станице, — там, где намеревался он укрыться от царских воевод? И не тайну ли Калныша хранит до наших дней казачья семья в этой станице?

Но клад последнего запорожского атамана мог быть зарыт и не в Раздорском городке, а где-то по дороге, что вела с Хортицы к Донцу.

Здесь мне придется сделать отступление. Несколько лет назад я познакомился в Таганроге с Николаем Самойловичем Овчаровым — фрезеровщиком комбай-

нового завода. Он рассказал мне о предании, которое уже больше столетия переходит в его семье от дедов к внукам.

Было так.

Прапрадед Николая Самойловича был привезен с семьей в Приазовье из Рязанской губернии крепостным. Помещик намеревался «осваивать дельну», миллионы гектаров которой веками лежали нетронутыми на необозримых просторах Дикого поля.

Деревушка и помещицья усадьба были заложены у слияния двух ручьев родникового происхождения. На этом месте еще была небольшая рожища. Шли годы, деревушка росла. И однажды Овчаровы вздумали вырыть во дворе колодез, чтобы не таскать воду из «копанки» у ручья. Когда яма достигла двух аршин глубины, заступ наткнулся на что-то твердое. Вытащили один обгоревший обрубок толстого дерева, другой, тре-

тий, а поленьям, казалось,—и конца нет. Вся земля на двухметровой глубине оказалась заваленной обгоревшими пеньками и сучьями.

— Место это, знать, нечистое... — растерялся Овчаров-старший. — Вылезай, сынок, наверх, забрасывай яму. Выкопаем колодез в другом месте...

Так и сделали. А много лет спустя зашел во двор к Овчаровым усталый и запыленный путник. Был он стар и немощен. Когда напояли и накормили его, разговорился. Вспомнил, как пятьдесят или шестьдесят лет назад отряд запорожских казаков, торопившихся уйти от погони, зарыл будто бы в этих местах — триста шагов от криницы — богатые сокровища.

Странник ушел, а предание в семье Овчаровых осталось. Пытался ли кто-нибудь из них еще раз добраться до тех обгоревших бревен, что лежали на двухметровой

глубине, и узнать, что скрыто под ними? Вероятно, нет. Люди набожные, Овчаровы не хотели «осквернять» свои руки прикосновением к тем, пусть даже несметным сокровищам (если они действительно спрятаны), что добывали запорожцы «разбойным путем».

Давайте поразмыслим.

Запорожская сечь действительно по приказу Екатерины II была взята царскими войсками приступом. Атаман Калнишевский успел с небольшим отрядом бежать на Дон, захватив сечевую казну. Какими же были пути-дороги беглецов?

Пока отряд двигался по Дикому полю, ему ничто не угрожало. Но вот он стал приближаться к низовьям Дона. Здесь было уже небезопасно. К тому времени (1775 год) была поднята из руин дважды разрушавшаяся Троицкая крепость на Таганьем Роге. В крепости — довольно большой гарнизон, причем сторожевые посты выставлены на десятки верст вперед. Стоит лишь появиться в степи неизвестному отряду, как на сторожевых курганах запылают сигнальные костры.

И тогда атаману приходит в голову мысль — не рисковать, попытаться пока пробраться до Раздорского городка налегке, а сокровища до поры до времени припрятать. Тем более, что и место рядом — укромное, приметное. И вот уже сняты с лошадей вьюки, наполненные золотыми и серебряными чашами, чеканной монетой. Уже присыпаны сокровища тонким слоем земли, и тут седоусый атаман приказывает собрать на месте бивуака все, что могло бы оставить следы. Убрано все, до последней головешки, присыпаны землей костры. Даже золу сжарили в яме...

А вернуться за припрятанными сокровищами не довелось. Две-три сумы с золотом, притороченные к седлам, — вот все, что удалось Калнышу привезти в Раздорский городок. И те пришлось прятать — уже сгущались тучи над головой мятежного атамана...

Вот как она складывается, бывальщина, про забытые донские клады.

Ермак. Скульптура Е. Вучетича

Но в Раздорской станции расскажут вам и про другие потерянные сокровища.

Когда Ермак Тимофеевич отправлялся в Сибирь отвоевывать

у татарского хана Кучума «страны полунощные», богатые «мягким золотом», был у него в войске есаул по фамилии Суриков.

Уходил Ермак с дружиной на Волгу, а потом и в Сибирь, из Раздорской станицы. Не только есаул Суриков был из раздорцев, но и другие сподвижники атамана — Иван Кольцо, Никита Пан, Богдан Брязга. На Иртыше Петр Суриков был с Ермаком рядом, чудом избежал смерти. Потом он исправно нес в Сибири караульную службу. Уже не сам, а с сыном, тоже Петром. Случилась как-то сеча, выбили татары Петру-младшему глаз стрелой из лука. Чтoб не путать отца с сыном, прозвали младшего Петра Кривым.

У Петра Кривого были сын Иван и внук Василий, а у Василия — тоже сын Иван и внук Василий. Самый младший — Василий Суриков — стал великим художником. И наверное, не случайно мечтой его жизни стала картина о Ермаке.

Целых триста лет минуло со времени похода Ермака в Сибирь, но никто еще из живописцев не решался воспеть подвиг донцов. К тому времени Россия уже знала и оценила такие шедевры Сурикова, как «Утро стрелецкой казни», «Меншиков в Березове», «Боярыня Морозова», «Взятие снежного городка». А художнику по-прежнему не давали покоя легенды и были о покорении Сибири. Много раз начинал он набрасывать эскизы и откладывал в сторону. Понимал, надо «все увидеть, перечувствовать самому, ко всему прикоснуться, что хочешь писать». Оставив все дела в Москве, отправляется он в 1891 году сначала в далекие места своего детства — Сибирь. И все-

таки написать картину о донцах, не побывав на Дону, он не мог.

На Дон Суриков выехал в мае 1893 года. Остановился он в станице Раздорской в доме казаков Шуваевых. За два месяца побывал во многих станицах и хуторах, беседовал с казаками, наблюдал и изучал их жизнь. Здесь художник нашел то, что искал: натуру для Ермака и его сподвижников. Прототипами героев будущей картины стали раздорские казаки Макар Агарков, Кузьма Запорожцев, Дмитрий Сокол, Арсений Ковалев. С Агаркова, например, художник писал есаула Ивана Кольцо, а с Ковалева — Ермака. Этюды эти хранятся, как известно, в фондах Третьяковской галереи.

Копию своей картины «Покорение Сибири Ермаком» Суриков подарил раздорским казакам. Старожилы помнят, как долгие годы — вплоть до революции — в станичном правлении висела эта картина и все, кто приходил сюда, отыскивали на полотне своих соседей и знакомых. Потом картина исчезла. Ходили слухи, что ее видели казаки-эмигранты на аукционе в Париже...

В Раздорской школе я познакомился со страстным краеведом Леонидом Тимофеевичем Агарковым. По-видимому, он один из потомков того Макара Агаркова, что позировал Сурикову. Так вот, в руки Леонида Тимофеевича попала находка, оказавшаяся столь же удивительной, как и неожиданной: фотография знаменитого батареица Арсения Ковалева. Начали рассматривать снимок и — поразительная вещь! — оказалось, что это фотокопия с портрета, выполненного акварелью. Специалисты-искусствоведы, увидев снимок, заключили: акварель выполнена

кистью очень талантливого художника и имеет большое сходство с образом Ермака на картине Сурикова. Тот же орлиный нос, лохматые брови, зоркие глаза.

Не будем торопиться с выводами, но очень вероятно, что Агарков нашел копию неизвестной акварели великого художника. Но где же сама акварель?

Затерялись следы и еще одной суриковской картины. В переписке с родными художник упоминал, что в Раздорской он написал портрет станичного атамана. Больше того, сохранилось даже предание о том, что, увидев свой портрет, атаман сказал Сурикову: «Ловко изобразил ты меня, казак! Ну, жди теперь, Василий Иванович, осенью получишь от меня бочонок с вином нового урожая...»

Но вот беда: ни в одном из каталогов картина эта не значится. Где же она?

Атаманом в Раздорской станице был в ту пору урядник Иван Ильич Бударин. В Ростове-на-Дону мне посчастливилось отыскать его дочь Анну Ивановну Розину. В 1893 году было ей всего шесть лет, сейчас за восемьдесят, но она хорошо помнит, по рассказам родных, что Суриков бывал у них и действительно писал портрет отца. В 1934 году Анна Ивановна переехала в станицу Елизаветинскую, а дом сдала в аренду. Картина осталась в Раздорской и в годы войны бесследно исчезла.

Бесследно ли? Может, она и поныне хранится в какой-нибудь казачьей семье, и владелец ее даже не подозревает, каким он обладает сокровищем?

Вл. МОЛОЖАВЕНКО

УРАЛЬСКАЯ

АКАДЕМИЯ

250 лет назад во время царствования Петра I в России была учреждена Академия наук. Интерес Петра I к наукам поразила ученых Парижа, где русский царь побывал в середине 1717 года. В декабре 1717 года французская Академия наук избрала Петра I своим членом. Таким образом, сам Петр I был первым академиком. Правда, свое согласие на избрание он дал лишь в феврале 1721 года в виде особой благодарственной грамоты и презента — новейшей карты Каспийского моря, составленной по его указам с участием Ф. И. Соимонова. Кстати, Ф. И. Соимонов очень много сделал для изучения истории России, изучения и освоения, в частности, огромнейшей территории Сибири. В 1759 году Ф. И. Соимонов подписал «Карту южной части Сибири от реки Исети до начала реки Амура...» Петр I отдает распоряжение о строительстве каменного помещения для Академии наук и организации академической библиотеки, в которую он передает приобретенную для него лично 36-томную «Историю Византии». Много величайших открытий — от закона сохранения материи до покорения космоса — сделано русскими учеными за 250 лет. И ныне советская Академия идет в авангарде мировой науки.

Когда и с чего началась наука на Урале? Если рассуждать не формально, то и на Урале наука имеет тоже 250-летнюю историю.

Экземпляры печатных указов об открытии Академии наук были направлены в начале 1726 года в Тобольск и Екатеринбург при указах Сената и Берг-коллегии.

28 апреля 1726 года состоялся приговор Сибирского обербергамта, находившегося в

Екатеринбурге, об уведомлении всех подчиненных мест (команд) и о выставлении в пристойном месте города печатного листа об открытии Академии наук, «дабы о том всяк был известен».

На Егосихинском горном заводе, положившем начало будущему городу Перми, печатный указ об открытии Академии наук получили в августе 1726 года.

Сибирский обербергамт и горные заводы Урала много помогали Академии наук в оснащении научных экспедиций материалами, специальными изданиями и отчасти квалифицированными специалистами — мастеровыми людьми и чертежниками. Именно поэтому Екатеринбург посещали многие участники академических экспедиций.

В 1725—1730 годах действовала первая Камчатская экспедиция, возглавляемая Витусом Берингом. На Урале для этой экспедиции брались материалы и припасы.

В Екатеринбурге побывали знаменитые полярные исследователи и географы — В. И. Беринг, А. И. Чириков, А. Д. Красильников, С. П. Крашенинников и С. И. Челюскин. Особый интерес представляют документы, связанные с пребыванием на Урале штурмана С. Челюскина, — подорожная от Тобольска до Екатеринбурга, его доношение в Сибирский обербергамт и реестр припасов, изготовленных на горных заводах Урала для второй Камчатской экспедиции.

На горных заводах Урала изготавливались материалы, инструменты и приборы для Петербургской Академии наук.

В числе первых членов-корреспондентов Академии наук были уральцы — П. И. Рычков и А. М. Карамышев. В 1763—1765 годах главным начальни-

ком канцелярии Главного правления сибирских, казанских и оренбургских заводов был горный деятель, естествоиспытатель А. Е. Мусин-Пушкин. Затем он стал президентом Берг-коллегии, был избран членом Петербургской, Берлинской, Стокгольмской и Туринской академий наук.

На материалах изучения горного дела в Сибири и на Урале широко развернулась творческая деятельность академика И. Ф. Германа (1755 — 1815 гг.). В числе его основных трудов можно выделить «Минералогические исследования Урала» и «Сочинения о сибирских рудниках и заводах».

В 1733—1743 годах действовала вторая Камчатская экспедиция, известная также как «Великая Северная экспедиция». В задачу этой экспедиции входило изучение уральского севера, в частности, территории нынешней Свердловской области. Исследованиями занимались академики — натуралист и химик И. Г. Гмелин, историк Г. Ф. Миллер. В декабре 1733 года они посетили Екатеринбург.

В августе 1742 года в Екатеринбург вновь приезжал академик И. Г. Гмелин, оставивший затем в своем «Путешествии» знаменательные строки: «... кто хочет познакомиться с горным и заводским делом, тому стоит только посетить Екатеринбург».

В 1768—1774 годах были организованы комплексные экспедиции Академии наук, известные под названием «Оренбургской посылки». Участники экспедиций оставили многочисленные труды в виде своих «путешествий», «записок» и «дополнений» к ним. Были обследованы и описаны многие районы Южного, Среднего и Западного Урала. В числе руко-

водителей отрядов и участников экспедиций были видные ученые — академики или будущие академики — П. С. Паллас, И. И. Лепехин, И. П. Фальк, И. И. Георги, Т. С. Мальгин, Н. Я. Озерецковский, Н. П. Соколов. Их труды до наших дней не утратили научного значения.

В 1818—1825 годах Петербургская Академия наук издала «Полное собрание ученых путешествий по России» в семи томах. В этом труде — немало уральских материалов. В 1940 году Академия наук СССР издала «Материалы», посвященные академическим экспедициям XVIII—XIX веков.

Минералогические материалы, собранные экспедицией академика И. Г. Гмелина, привлекли внимание М. В. Ломоносова. Он завершил и дополнил каталог Гмелина и затем опубликовал его.

В 1761 году Ломоносов приступил к составлению обширного труда — «Минералогия российская». Великий ученый обратился к промышленникам и горным деятелям. В сборе материалов для Академии наук, по призыву Ломоносова, участвовали многие казенные и частные горные заводы Урала. В числе первых представили образцы руд и их описания Екатеринбургская — золотых производств горная экспедиция, Екатеринбургская и Каменская заводские конторы. Характеристику богатств недр Урала М. В. Ломоносов поместил в своем труде «О слоях земных». В труде Ломоносова «Первые основания металлургии или рудных дел» обобщен мировой опыт теории и практики горнозаводского дела, использованы и уральские материалы.

А разве не учеными были тагильские мастера Ефим Алексеевич и Мирон Ефимович — отец и сын — Черепановы, знаменитый златоустовский металлург Павел Петрович Амосов?

Многие десятилетия в Екатеринбурге функционировало Уральское общество любителей естествознания — УОЛЕ. По сути это был созданный энтузиастами на общественных началах многоотраслевой академический институт или даже филиал Академии. УОЛЕ объединяло ученых, исследователей, знатоков-краеведов — всех людей пытливого мысли. Обще-

ство имело свой богатый музей, ежегодно издавало сборник научных трудов, которые были широко известны и весьма авторитетны.

В 1899 году научную экспедицию на Урал возглавлял великий ученый Дмитрий Иванович Менделеев. Он написал после путешествия по Уралу: «*Вера в будущее России, всегда жившая во мне, прибыла и окрепла от близкого знакомства с Уралом, так как будущее определится экономическими условиями, а они энергией, знаниями, землей, хлебом, топливом и железом, более чем какими бы ни было средствами классического свойства*».

В 1932 году родилась Уральская Академия. Тогда в Свердловске состоялась выездная сессия Академии наук СССР. На ней было принято решение: «*Помочь Уралу, его промышленности и его научным учреждениям созданием единого организационного центра, который сумел бы идеи теории подчинить проблемам практики, а практические задачи осветить новыми данными теоретической мысли*».

Четко сформулирована в этом документе двуединая глобальная задача науки.

Первым президентом Уральского филиала Академии наук СССР стал академик Александр Евгеньевич Ферсман, неутомимый искатель богатств, талантливый организатор, писатель.

В семейном архиве академика А. Е. Ферсмана сохранилось письмо, отправленное им на Урал 17 августа 1934 года. Жена академика Екатерина Матвеевна Ферсман любезно предоставила это письмо редакции журнала «Уральский следопыт». В нем председатель президиума Уральского филиала Академии наук СССР разбивает идею сближения науки с производством:

«...задумываясь над будущим развитием нашего учреждения, я не могу не видеть, что правильный масштаб и правильное развитие мы сможем получить лишь в случае сближения науки и техники, лишь путем гораздо более тесного сближения с промышленностью, чем это было до сих пор и чем это вообще имеет место в практике нашей Всесоюзной Академии.

Мне хочется мыслить на Урале не об Академии наук, а об Академии науки и

техники», где бы выковывались научные основы технической мысли, где бы могли ставиться и решаться большие проблемы научных основ технического овладения Уралом».

В начале тридцатых годов Уральская академия была невелика — всего две лаборатории входило в состав филиала. С годами наука на Урале крепла, расширялась ее база, росли институты.

Уральские ученые внесли заметный вклад в развитие советской науки. Утвердились в науке уральские школы физиков, математиков, геологов, химиков, биологов. Их труды получили признание. Работая на переднем крае науки, ученые УФАНа ни на минуту не забывали и завет академика Ферсмана — крепить связь с производством. И в этом плане уральские физики, геофизики, биологи, металлурги, химики, математики добились больших успехов.

Три года назад на базе УФАНа в Свердловске был создан Уральский научный центр. Президентом Уральской Академии наук стал видный физик-теоретик академик Сергей Васильевич Вонсовский.

Уральский научный центр, объединяя под своим флагом 12 академических институтов, координирует научные работы, проводимые и в высших учебных заведениях, и в отраслевых исследовательских институтах Уральского региона.

В институтах и отделах УНЦ ныне работают 570 кандидатов наук, 90 докторов, 11 членов-корреспондентов Академии наук СССР. Пять уральских ученых — Сергей Васильевич Вонсовский, Станислав Семёнович Шварц, Николай Николаевич Красовский, Виссарион Дмитриевич Садовский, Исаак Яковлевич Постовский — избраны действительными членами Академии наук СССР — академиками.

А. ГРИГОРЬЕВ,
А. ФИЛАТОВ

ТУРИСТЫ (гравюра)

Ю. ПОЛУЭКТОВ (г. Свердловск)

ВЕЛЬБОТЫ У МЫСА ДЕЖНЕВА

НА КРАЮ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Чукотка. Мыс Дежнёва. Холодные воды Берингова пролива. Ясным полярным днем далеко на горизонте можно увидеть самый восточный остров нашей Родины — остров Ратманова. Там за восьмиклометровым кусочком земли проходит государственная граница СССР. А за проливом — горы Аляски...

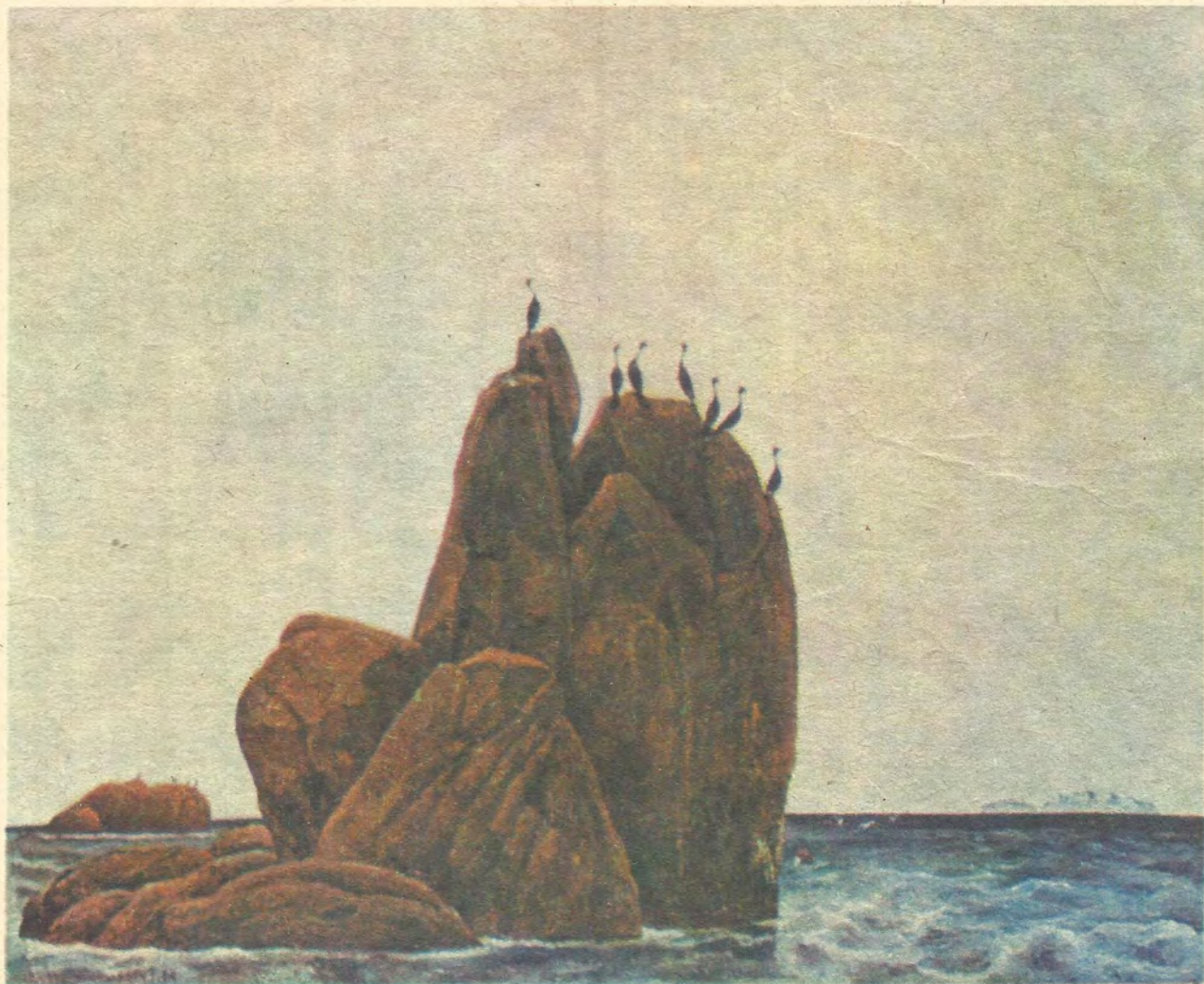
Свердловский художник Михаил Гумённых побывал в этих краях. Множество этюдов, зарисовок, набросков привез он из путешествия.

А дома, в мастерской эти впечатления воплотились в живописные полотна, на которых предстает суровая, полная северной экзотики природа Чукотки.

БЕРИНГОВ ПРОЛИВ

БУХТА ЛАВРЕНТИЯ

В СТРАНЕ НАСЕКОМЫХ

Записки энтомолога

Тайна снять-травы

Мир живых существ нашей планеты... Даже просто созерцать его — великое наслаждение для любителя природы, а если он вооружен к тому же терпением и лупой (не говоря уже о микроскопе), то, наверное, он — самый счастливый человек на свете. Ему уже нет нужды отправляться за Неведомым в дальние путешествия — чудеса приходят к нему сами. Вот они — только приглядись получше! — на столе, на окне, в траве у тропинки. А бывает и так: хочешь раскрыть одну тайну, а попадаешь «совсем в другую дверь», оказываясь вдруг свидетелем, а то и открывателем таких чудес, о которых и не подозревал.

В наших краях — окрестности города Исилькуля Омской области — в иные летние дни в тех уголках леса, где травы уцелели от косыбы, раскидистые зонтики борщевика буквально истекали нектаром и можно было даже пробовать нектар на вкус, приложившись языком к сладкому, аромат-

ному и липкому соцветию. А вот другие зонтичные — дягиль, морковник, сныть — хоть нектара дают меньше, но для насекомых куда привлекательней. Дикие зонтичные нектароносы — незаменимая кормовая база для множества видов так называемых наездников — перепончатокрылых насекомых, родственных осам.

Личинки наездников паразитируют в телах насекомых-вредителей, и от наличия в природе необходимого количества нектара зонтичных, таким образом, конечно зависит урожайность многих сельскохозяйственных культур, благополучие трав и лесов. Для привлечения наездников кое-где уже применяют несложный способ: в междурядьях, на межах и под плодовыми деревьями сеют укроп (бывший «сорняк»!), и это повышает урожайность.

Чтобы разглядеть, где и как у зонтичных образуются, хранятся и «выдаются» насекомым капельки сладкого угощения, я собрал как-то букет цветущих зонтиков разных диких растений, чтобы затем хорошенько разглядеть цветки в бинокулярный микроскоп. В лаборатории поставил банку с бу-

Лично я не захотел бы жить в мире без птиц, без лесов, без животных — всяких, малых и больших.

Джералд Даррелл. Зоопарк в моем багаже

кетом на стол, снял головку микроскопа со штатива и, действуя ею как биноклем, «с руки» стал обследовать букет.

Как и всегда в таких случаях, я тут же забыл о цели наблюдений. Букет превратился в дивную страну, с прохладными зелеными закоулками между стеблями и листьями, с круглыми и гранеными стволами-колоннами, возносящимися вверх. Если поведешь биноклем выше по стеблю, то он вдруг разделится на несколько стволов помельче, а те, в свою очередь, дадут начало новым ветвям. Все дышит прохладой, какой-то особенной, зеленой, убедительной жизнью... А там, еще выше — какие-то сказочные, неземные растения, которыми предстают в бинокляре нехитрые цветочки сибирских скромных травок. Очаровательно-белые, желтовато-янтарные, с нежными тычинками и толстенькими, но полупрозрачными лепестками. А каждый лепесток, оказывается, красиво изогнут, напоминает коринфские капители древнегреческих храмов.

Настоящий рай для художника! Путешествую я со своим биноклем по этим кинопланетным

дебрям», и вдруг вижу: непорядок! Лепестки некоторых цветков дягиля и сныти испещрены мельчайшими коричневыми точками — не иначе это помет каких-то неяршливых и неблагодарных едоков нектара — насекомых. Однако что это? Частички «помета» вроде бы шевелятся? Интересно! Я сорвал цветок, положил его на столмик микроскопа. И увидел... нескладанно махоньких, совершенно микроскопических пиявочек, которыми был усеян цветок. Они шевелились и при этом напоминали то рыбок, то восклицательные знаки, прикрепленные узким концом к растению. Некоторые из них покачивались, медленно и ритмично изгибая тельце в стороны. Иногда одна пиявочка сидела на другой, и эта странная пирамида тоже качалась, как будто что-то искала и ловила в воздухе около цветка.

Я так и думал, что это какие-то крохотные необычные черви, пока не увидел, применив более сильное увеличение, что тельца их явно сегментированы и снабжены головой, в которой просвечивают острые жвалы-крючочки. Значит, мои зверушки относятся к членистоногим! Но откуда и как они попали на цветы?

Несколькими днями раньше мы с сыном Сережей насобирали прейнтереснейших насекомых, относящихся к группе наездников, — довольно крупных, горбатых, с плотным телом металлически-зеленого, почти черного цвета и чрезвычайно блестящим, сияюще-черным брюшком, которое, если смотреть сверху, тонкое, а сбо-

ку — странным образом треугольное. Наезднички были очень смирные, и мы собирали их руками, как темно-зеленые драгоценные камушки, аккуратно разложенные для нас на зонтиках сныть-травы, морковника и дягиля. И тогда я отметил интересную подробность: насекомые эти восседали на еще не распустившихся бутончиках, значит сладкий нектар их не интересовал. Так вот, не связаны ли эти два явления: странные насекомые на зонтиках и микроскопические «червячки» на их цветах?

Проверить это оказалось делом нетрудным. Чистое, просмотренное растение морковника помещено в банку, туда же вытряхнуто несколько наездничков. И вот результат: через несколько дней в бутонах — кучки овальных микроскопических яиц. Еще неделя — и яйца сделались такими же самыми пиявочками, стоящими торчком и напоминающими вопросительные и восклицательные знаки.

Было ясно: это начало какой-то неведомой цепи. «Пиявочки» несомненно заняли такие позиции, чтобы прицепиться к насекомому, которое сядет на цветок, а прицепившись, отправится в чье-то гнездо и там продолжить (или завершить) свой цикл развития. Но в гнездо какого насекомого?

Они мгновенно и ловко перескакивали на любой движущийся у цветка предмет — кончик иглы, бумажку, пинцет, стоило лишь приблизить приманку на досягаемое расстояние. Но, убедившись, что это обман, пиявкообразные личинки проявляли признаки тревоги и начинали ползать по игле или бумажке, забавно к ней прицепляясь то головой, то хвостиком.

Шли дни. Личинки явно не росли, ничем не питаясь и все так же рассевшись по краям уже завядших лепестков, терпеливо тянулись в пространство, слегка покачиваясь. Кого я только не сажал на цветок с пиявочками: диких пчел, лесных клопов, мух, жуков — все думал, что угадаю

хозяина. Иногда брал в пинцет отдельную ножку или усик насекомого и под микроскопом подсовывал их личинкам. Правда, некоторые из них прицеплялись к приманке и ползали по ней, но «всеобщего энтузиазма» я не замечал и, в общем, так ничего и не добился.

Взрослые наезднички тоже не давали ключа к отгадке и вскоре после откладки яиц погибали. Вскрыв брюшко одного из наездничков, я обнаружил массу яиц, еще не отложенных, они имели какие-то отростки, которыми, вероятно, должны были при откладке крепиться к растению. Благодаря этим шейкам яички были удивительным образом похожи на... гусят.

Мои же терпеливые зверушки — родившиеся личинки наездничков — отказывались от всякой еды: меда, сладкой воды, мясного сока. Они ждали таинственного Хозяина, который бы увез их куда-то для дальнейших превращений. Пришла уже и осень, отцвели последние цветы сибирских луговин и опушек, погибли и мои невольники — наезднички, похожие на зеленоватые блестящие угольки, и их крохотные, невидимые глазом личинки. Остались лишь рисунки в моем альбоме, скупые строчки записей да неразгаданная тайна.

А недавно я все выяснил. Увы, не сам: помогли книги, хотя разгадка была совсем рядом. Что

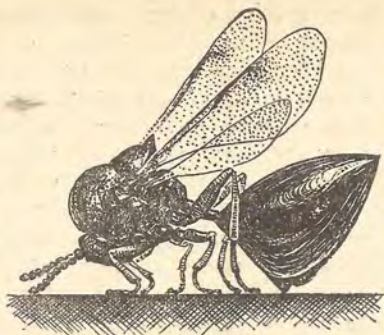

мешало мне подsunуть своим питомцам вместо мух, клопишек и жуков муравья, тем более, что тут же, рядом с цветами, проживало несколько семей муравьев разных видов?

Цикл развития эвхаритид (так зовутся эти наездники) оказался таким. Микроскопическая личинка — планидий, — едва коснувшись тела работяги-муравья, пришедшего на растение за сладким лакомством или для охоты на нектаролюбивую шестиногую дичь, прикрепляется к волоскам его тела, едет с ним в муравейник, а там переползает на муравьиную личинку. Тогда уж малютка-планидий превращается в обычную червеобразную личинку и проникает внутрь жертвы. Паразит растет, питаясь внутренностями хозяйки. Если бы он оставался снаружи, то муравьи-няньки его бы обнаружили и уничтожили. Личинка муравья успевает перед смертью свить себе традиционный шелковый кокон. Но из него выходит уже не муравей, а крылатая взрослая эвхаритида, которая быстро выбирается из муравейника и улетает.

Эвхаритиды изучены в экологическом и иных отношениях слабо, как и подавляющее большинство других «невзрачных» и «беспольных» насекомых, на самом деле являющихся определенными промежуточными звеньями сложнейших цепей живого мира. Муравьиным семьям, по-видимому, эвхаритиды существенного урона не наносят: в общем-то, лишь немногим планидиям удастся попасть к муравьиным личинкам, причем муравьи должны быть строго определенных видов. Во всяком случае все муравьиные семьи на наблюдаемом участке были многочисленными и бодрыми. Для растений же крохотные пиявочки — планидии эвхаритид — совершенно безвредны.

Теперь мне стало понятным преимущество необычайно горбатой, вооруженной шипами грудки эвхаритиды и гладкого полированного брюшка с острыми кромка-

ми. Такое бронированное существо выберется, конечно, целым из самого воинственного муравейника. Возможно также, что острия, шипы и прочные покровы необходимы для быстрого рассекания муравейника при выходе наездника из его недр. Только пребыванием в муравейнике можно объяснить столь необычную для наездников форму тела эвхаритиды. Для того чтобы отложить яички на поверхность растения, никаких особых приспособлений насекомому не требуется.

Подгибая брюшко эвхаритиды к спинке, убеждаешься в очень точном совпадении деталей некоего копательно-режущего инструмента, в который превращается тело наездника на определенных этапах его жизни. Уточнить мои предположения помогут несложные опыты. Нужно зарыть наездника в грунт и посмотреть через стеклянную стенку, как он станет выбираться наверх. Таких наблюдений еще никто не проводил, бионики же до наездников пока не добрались.

Собранные нами наездники были довольно крупными. Это означало, что сравнительно маленькой личинки рыжего или лугового муравья для развития одной эвхаритиды недостаточно и что наездники воспитаны на более объемистом пайке. Подозрение мое падает на древоточцев-кампонотусов, чью семью я частенько навещал на опушке и откуда не раз брал небольшие

отводки для поселения в лабораторных муравейниках. Обидно: материал для успешных экспериментов находился в лаборатории на том же самом рабочем столе, а в голову совсем и не приходило посадить на цветок с планидиями хотя бы одного муравья-кампонотуса, жителя замысловатого стеклянного дворца, специально устроенного для наблюдений!

Однако паразитирование эвхаритид именно на этом виде муравьев — пока что не более, чем моя догадка, которую нужно еще проверить и проверить.

Только вот трудность: все без исключения опушки и поляны наших лесов стали сплошь и тщательно обкашивать. Многие травы не успевают обсемениться, многие насекомые лишаются пищи — нектара. От этого растительный и животный мир полян и опушек несет невосполнимый урон. Разрываются многие, большей частью тончайшие и неведомые нам звенья хрупких природных взаимосвязей, таинственные, но благотворные союзы трав и насекомых. Вывод напрашивается сам собой: хотя бы часть этих травяных джунглей надо сохранять.

И первый, правда еще очень маленький, шаг уже сделан. Именно в этой местности, о которой здесь идет речь, в одном из колков омской лесостепи, неподалеку от городка Исылкуля, организован первый в своем роде небольшой заказник, где охраняются шмели, муравьи, дикие пчелы и другие насекомые. Здесь уже не косят траву и остаются нетронутыми даже мертвые деревья — естественные прибежища диких пчел и некоторых муравьев. Под заказник отведена площадь около шести гектаров. Идею эту одобрили и поддержали заместители министра сельского хозяйства СССР И. Кузнецов и Б. Рунов, председатель Сибирского отделения ВАСХНИЛ академик И. Синягин и многие другие ученые.

Но таких микрозаповедников нужно устраивать больше, взяв под охрану маленькие уголки, не имеющие хозяйственной ценности. На неудобных землях — на склонах гор, обочинах дорог, в небольших оврагах, которые, казалось бы, ни на что, кроме свалок, непригодны, — живут (или могли бы жить) разнообразные мелкие, иногда редкие, животные. Немало еще можно встретить и мест, где уцелели интересные травы и кустарники. Если удастся сохранить их на этой небольшой территории невыкошенными и не съеденными скотом — значит, создан еще один микрозаповедник. Создание таких небольших охраняемых участков в местах обитания мелких интересных и полезных организмов — задача посильная и кружкам юннатов, и клубам любителей природы. Шефство же над заповедником с большой охотой возьмет и школа, и завод, и комсомольская организация. За счет такой малой формы охраны природы — если она станет массовой — может намного возрасти общая площадь строго охраняемой природы в целом по стране.

А первый в стране энтомозаповедник, что в Омской области, уже дал много ценного научного материала. С его разнообразными и многочисленными шестиногими обитателями уже произошло столько интереснейших приключений, что для описания их нужна отдельная книга, над которой я недавно начал работу.

Здесь, в заказнике, на невыкашиваемых теперь белых и желтых соцветиях зонтичных, неподалеку от подземного города кампонотусов, я очень надеюсь вновь увидеть черно-зеленые драгоценные камешки — таинственных эвхаритид и разгадать их загадку до конца.

Гроза

Громадная туча, низкая и тяжелая, неслышно закрыла солнце, но густая духота жаркого летнего дня не унялась даже в этой

широкой тени, уже захватившей полнеба и полземли. И лишь когда оборвался громкий металлический стрекот, который беспрерывно неся из глубины куста, в природе сразу что-то резко изменилось, остановилось, наступила тревожная предгрозовая тишина, и все живое, спохватившись, заметалось в поисках убежища. А музыкант — большой зеленоватый кузнечик с пестрым узором на крыльях — осмотрелся, переступил цепкими ногами, повернулся на ветке головой вниз, повел усами и спрыгнул под куст, в бурьян, тотчас скрывшись в густой листве у самой земли.

Когда раздался, как увертюра, первые нарастающие удары грома, кузнечик уже сидел в надежном убежище. Рядом с крапивной зарослью богатырь-лопух раскинул свои гигантские листья, и под самым нижним, у земли, царил зеленый полумрак: свет пробивался сюда только сбоку, сквозь густую траву, а сейчас, когда небо заволкло тучами, здесь было особенно темно. Лист, хотя был и старым, не имел ни единой дырочки, что было не совсем обычно, так как сочные вкусные листья лопухов почти всегда продырявлены личинками различных насекомых. Но все объяснялось просто: неподалеку находилась небольшая

колония рыжих лесных муравьев, и лопух входил в их охотничьи уголья. Вот потому темно-зеленая крыша временного убежища кузнечика оказалась совершенно целой, что было сейчас как нельзя более кстати.

На лист упала первая тяжелая капля, и он вздрогнул, будто испугавшись. Упала другая, третья... Фиолетово-желтое пламя вдруг дважды полыхнуло где-то сверху, на миг высветив кузнечика, затаившегося под листом, серую ночную бабочку-совку, длинноногого, по-видимому, хищного клопа мрачной наружности, и еще каких-то мелких насекомых, заранее почуявших грозу и успевших вовремя скрыться.

Вслед за желто-лиловым всполохом рванул удар неимоверной силы. Совка, трепеща крыльями, сорвалась с места и упала к ногам кузнечика. В другое время тот, будучи существом вполне всеядным, не преминул бы воспользоваться даровой дичью. Но до охоты ли сейчас было? Перепуганная насмерть бабочка металась по зеленой пещере, низко и неровно гудя крыльями. Когда молния вспыхнула снова, нервы ее не выдержали, и она бросилась в узкий просвет между стеблями травы, навстречу своей гибели. Огромная капля тотчас ударила ее в крыло, разорвав его в клочья, и совка, кружась, упала вниз. Тяжелые водяные шары колотили по бабочке, вбивая ее в мокрую землю и смывая пыльцу с растрепанных остатков крыльев.

Где-то в вышине, в клубящихся отрогах тучи, сталкивались друг с другом миллиарды блестящих капель, сотрясенные громовыми ударами, и, тяжелея, сразу проваливались вниз. На поляну низвергался ливень, какого давно не было в этих краях. И только тот, кто сидел в надежном, хорошо защищенном убежище, мог быть спокоен за свою судьбу.

Вдруг под спасительный лист юркнул еще один гость, совер-

шенно мокрый от дождя. У него был странный, необычный для современных насекомых земли облик. Длинным телом, переходящим сзади в тонкий хвост, он напоминал пресмыкающееся, а массивная голова, как бы вставленная в длинную трубчатую шею, смотрелась совсем чужой — будто предназначалась для какого-то другого животного, но по ошибке или недосмотру была приставлена этому насекомому. Четыре одинаковых сетчатых крыла, сложенные на спине домиком, тоже казались чужими: они были нежны и красивы. Странное существо это напоминало одновременно и стрекозу, и ящерицу, а передней частью тела смахивало на верблюда.

Отряхнув крылья, необыкновенное насекомое повертело головой во все стороны и начало приводить себя в порядок. Случайно приблизившись к кузнечнику, верблюдка (так называлось это существо) отпрянула назад, возбужденно закрутила хвостом-яйцекладом и вдруг бросилась на кузнечика, превосходящего ее по силе во много десятков раз, ни дать ни взять, как Моська на Слона.

Оторопевший великан подался было в сторону, но верблюдка повторила атаку. Одного движения мощных челюстей кузнечика было бы достаточно, чтобы покончить с нахалкой, но связываться с ней вовсе не хотелось. Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы не случилась неожиданная катастрофа. Под тяжестью воды, скопившейся на середине листа, зеленая крыша вдруг прогнулась, наклонилась, поехала в сторону, и холодный душ окатил и верблюдку, и кузнечика, и всех постояльцев, устроившихся под лопухом. Потолка у зеленой гостиницы — как не бывало, и, сбиваемые крупными каплями дождя, бедняги-насекомые со слипшимися усиками и крыльями кинулись кто куда, в поисках хоть какого-нибудь сравнительно сухого местечка.

Но особой нужды в этом, пожалуй, уже не было: ливень прекратился так же внезапно, как и начался. Клубящаяся темная туча, громыхая, уходила к востоку, отрывая за собой синее-синее небо. Дождь лил уже где-то над городом, и выглянувшее из-под туч солнце вдруг свершило чудо: темные пряди бороды, растущей из грозного облака, перечеркнула наискосок короткая, но удивительно яркая и многоцветная полоска радуги.

Шмели, цветы и охрана природы

Зачем живут на свете шмели, дикие пчелы, осы? Вопрос странный. Каждое существо живет вроде бы для того, чтобы питаться, расти, плодить себе подобных — не так ли? Вот и шмели: летают, кормятся на цветах, размножаются, казалось бы, в этом как бы и весь смысл их существования. Но это не так. Природа издавна связала крепчайшими узами многих насекомых с растениями, причем узами обоюдными, отличными от тех, что мы видим у насекомых-вредителей, питающихся частями живых растений. Но посмотрите когда-нибудь на шмеля, работающего на цветке клевера, шалфея, львиного зева. Он достает нектар из глубоких узких трубочек цветков своим длиннущим хоботком так сноровисто, движения его так быстры и четки, насекомое так слито с цветками в своем удивительном действии, что убеждаешься: и шмель, и цветок — это единый механизм, совершенный, очень сложный и даже сразу не совсем понятный.

Нектар нужен для питания личинок насекомого. И для того, чтобы привлечь шмеля к цветку, он и сладок и залит в яркий пахучий сосуд. Но, доставая его, шмель вынужден протереть своей мохнатой спинкой тычинки. И прилипшие пылинки, когда на-

секомое ползет уже в другой цветок, должны попасть на его пестик. Только так может произойти перекрестное опыление у многих растений, нуждающихся в посещениях насекомых иногда строго определенных видов. Эти растения имеют в цветке специальные приспособления, подогнанные к насекомым в результате многомиллионлетней совместной эволюции. Вместе с цветком совершенствуется и шлифуется конструкция аппаратов для сбора нектара и пыльцы у насекомых — хоботки, ножки, волоски на различных частях тела. Это одно целое — душистый яркий цветок хитроумной формы и крылатый его клиент — басовитый толстый шмель или юркая маленькая дикая пчела.

И нередко, лишенный одного из этих звеньев, живой механизм этот гибнет: исчезли переносчики пыльцы — и перестало плодоносить растение.

А цветы — наберемся смелости это признать — были созданы вовсе не для наслаждения нашего взора и обоняния, а для насекомых, и им, порхающим и жужжащим, мы обязаны появлению на земле всех покрытосеменных растений. Так говорит наука.

Цветок без насекомых — зачастую мертвый орган, пустоцвет, и убедить меня в обратном — даром что я художник — не сможет даже самая изысканная его окраска. Но вот когда над цветущими растениями порхают, реют, жужжат насекомые, эта

картина близка мне, жива и понятна. Она всегда волнует. Кипение жизни, многообразной и взаимосвязанной, растительной и животной, примитивной и разумной — это есть высшее совершенство материи, высшая красота. Как часто картины эти полны и другого, практического смысла: тысячеголосое гудение тружениц-пчел над цветами сулит высокий медосбор, а множество шмелей на клевере и люцерне означает высокий урожай семян этих ценных культур.

Но, увы, картина эта становится все более и более редкой. За несколько последних десятилетий шмелиное население в зоне культурного земледелия резко убавилось, и, как результат, упали урожаи семян клевера, этой ценной кормовой культуры. Медоносная же пчела не всегда охотно работает на клевере — хоботок ее для таких цветков несколько коротковат.

Шмели и некоторые дикие одиночные пчелы служат также первоклассными опылителями люцерны, люпина и многих других культурных и диких растений. Так отчего же исчезают шмели?

Главных причин, как считают ученые, три: разрушение искон-

ных мест их обитания распашкой и вытаптыванием, истребление ядами-инсектицидами, губящими полезных насекомых вместе с вредными, и лишение шмелей естественной кормовой базы на определенных фазах развития шмелиной семьи, приспособленной не к искусственным, а к природным сезонным сменам цветущих растений определенных групп, большей частью теперь повсеместно выкашиваемых на сено.

Ученые давно сошлись на том, что надежнее всего сохранить исчезающую фауну диких опылителей в небольших заповедниках-резерватах, созданных во время в тех местах, где еще обитают колонии шмелей и диких пчел. Но создание таких очень небольших охраняемых участков сразу наталкивалось на трудности. Многие не понимали: зачем охранять каких-то крошечных козявок?

Прошло три года, а узаконить шмелеград, о котором рассказано в предыдущих главах, не удавалось. Но исследования и эксперименты шли своим чередом. Удалось установить, что шмели очень охотно заселяют небольшие подземные ульи — ящички, наполненные паклей и ватой, чтобы напоминали они старые мышиные норы, в которых в природе гнездятся многие виды шмелей¹. И население поляны, заселяя эти ульи и размножаясь в них, намного возросло.

Зато над шмелиным заповедником нависла серьезная угроза: он не подходил ни под одну статью законов. Борьба за благополучие мохнатого племени стала трудной и, увы, неравной. Неужели заповеднику суждено погибнуть?

Но вот — постановление об охране природы. Шмелеград заметили, оценили — и признали. Решение Омского облисполкома

№ 856 от 21 декабря 1972 года гласит:

«В целях проведения опыта по охране, привлечению и размножению шмелей — природных опылителей культурных и диких растений, исполком областного Совета депутатов трудящихся решил:

1. Принять предложение Исылкульского райисполкома от 20 марта 1971 года № 50 об организации заказника площадью 6,5 га на земельном участке совхоза «Лесной» без исключения его из состава земель совхоза.

2. Обязать Исылкульский райисполком и совхоз «Лесной» обеспечить сохранение заказника и оказать необходимую помощь в проведении опытов по одомашниванию шмелей».

А наука уже планирует в заказнике следующий опыт: создать избыток заселенных шмелями ульев, чтобы их можно было перевозить на поля, нуждающиеся в длиннохоботных насекомых-опылителях, или в местности, где они вымерли. Исследования будет проводить теперь лаборатория биометода Сибирского научно-исследовательского института сельского хозяйства.

Омский заказник для насекомых-опылителей пока что единственный в нашей стране. Но пути к созданию микрозаповедников найдены, и дело теперь за следопытами-натуралистами, которые выявят места обитания диких пчел, шмелей, муравьев, мелких птиц, рептилий, полезных зверушек, «застолбят» их, нанесут на карты и подготовят для представления в исполкомы нужные бумаги.

Может, это будет и трудно, и ново, и непривычно, но зато это — охрана природы. Пусть маломасштабная, но настоящая, активная и увлекательная. А главное — вполне всем доступная.

¹ Устройство таких ульев подробно описано в моей статье в № 2 журнала «Биология в школе» за 1973 год.

ЕДИНСТВО

ЖИЗНИ

Человек не может жить без природы: он дышит воздухом, пьет воду, питается дарами природы, отдыхает на ее лоне, обогащается эстетически, наблюдая ее жизнь.

Из века в век человек, трудясь на земле, получает все большие и большие урожаи. Они удивили бы наших прадедов. Но даже теперь огромное число людей на земле — из них триста миллионов детей — страдает от хронического недоедания. А через несколько десятилетий, по прогнозам, население земного шара удвоится.

Человеку нужна природа. И он будет добиваться еще большей продуктивности в сельском хозяйстве, будет осваивать новые земли, выводить лучшие сорта полезных культур, использовать ресурсы морей и океанов.

Но еще в большей степени природа нуждается сегодня в человеке, не в потребителе, а именно в человеке, в его внимании и бережном отношении.

Все чаще и чаще раздаются тревожные голоса о загрязнении окружающей среды, о бессмысленном уничтожении природных богатств.

Истребление вредителей химикатами спасло миллионы гектаров посевов, но поблизости загрязнились реки и водоемы, стали гибнуть леса, рыбы и птицы. Химические препараты были обнаружены в продуктах питания человека, а всем известный ДДТ найден в подкожном слое жира у пингвинов! Ядостойкость же насекомых повышается, и борьба с ними далека от завершения.

Многие читатели, наверное, слышали о биологической защите — использовании естественных для вредителей врагов. Но немногие представляют себе, как сложна она и к каким неожиданным последствиям может привести. Поставили, например, лабораторный опыт с колонией хлебной моли — анагасты, вредителя мучных продуктов. Сначала измерили порцию пшеницы, съедаемой личинками анагасты, когда число их постоянно и внешнего воздействия нет. Потом ввели в колонию естественных врагов анагасты, и порция пшеницы стала поедаться в два раза медленнее. Но вот в колонию ввели других врагов — паразитов личинок анагасты и потребление возросло. С введением же безвредных бактерий, вызывающих эпизоотию (эпидемию) среди моли, скорость уничтожения пшеницы возросла почти в три раза. Моль теперь откладывает яиц гораздо больше, чем раньше, словно рассчитывая на уничтожение части личинок, развившихся из яиц.

Попробовали ввести одновременно два вида хищников, каждый из которых по отдельности мог нанести колонии значительный урон. Хищники быстро вымирали, а моль увеличивала свою численность в 10—20 раз. Этот опыт ясно показал, что взаимодействие даже небольшого числа видов нельзя предугадать, зная только их индивидуальные особенности.

Много раз люди пытались перевозить некоторые виды растений и животных из одного места в другое. В одних случаях эти пе-

ревозки приносили пользу, а в других — оборачивались серьезными последствиями, которых никто не мог заранее предусмотреть. Так, завезенные в Австралию кролики быстро расплодились, повсеместно уничтожая травяной покров, и стали настоящим бедствием для страны.

Переселенные на Аляску домашние олени тоже неизменно быстро увеличили свою численность и за три десятка лет составили стадо в шестьсот тысяч голов. Но потом оказалось, что лишайники — основная пища оленей зимой — восстанавливаются очень медленно, и численность оленей начала катастрофически падать. Через два десятка лет осталось всего лишь двадцать пять тысяч животных.

А как часто, вырубая леса и осушая болота, люди рассчитывали получить плодородные земли, но начиналась эрозия почвы, земля иссыхала, и на ней уже вообще ничего не росло.

Во всех таких случаях человек обнаруживает, что его расчеты были неточными. Мало знать просто географию местности, ее почвенный состав, метеорологические условия и состав растительного и животного мира. Надо обязательно знать, как действует каждый отдельный фактор — будь то изменение температуры или рост какого-нибудь лишайника — в сложной системе других факторов, потому что природа даже небольшого участка леса, например, есть сообщество большого числа растений и животных, где все уравновешено и зависит друг от друга. Уничтожение одного звена или

вмешательство извне способны нарушить равновесие и привести к непредвиденным результатам.

Законы природы неумолимы, их нельзя отбегнуть, их надо постигать, чтобы избежать в дальнейшем ненужного труда и невосполнимых потерь. Изучение природы как сложного комплекса, как структуры издревле признавалось необходимым, но только недавно, после долгого накопления фактов, построения биологических теорий и развития молекулярной биологии, оно вылилось в серьезные научные изыскания, образуя сравнительно новую науку — экологию.

В Средне-Уральском книжном издательстве в 1972 году вышла книга «Единство жизни» академика С. С. Шварца — директора Института экологии растений и животных Уральского научного центра Академии наук СССР, первого института в нашей стране и второго в мире. В книге популярно изложены проблемы, над которыми работают сегодня ученые-экологи всех стран, направления и перспективы их дальнейших исследований.

Имя «экология» новой науке дал в 1866 году известный ученый прошлого века Э. Геккель. Тогда под экологией понималось изучение животных в естественной среде обитания. Сегодня же изучение образа жизни животных и растений составляет лишь часть науки, впрочем, немалую. Чтобы исследовать, например, образ жизни обыкновенной домашней мыши, необходимо знать ее сезонные перемещения, как размножается она и как растет молодой, родившийся в разное время и в разных условиях, знать изменения в поведении мыши в зависимости от питания и еще многое другое. Если же не знать всего этого, жизнь домового мыши останется неизученной, и мы не сможем, в частности, успешно бороться с нею. Борьба же вслепую приносит только вред.

Академик С. С. Шварц пишет, что «специфика экологии заключается прежде всего в том, что она изучает реакцию того или иного вида животного или растения на изменение условий существования с учетом его образа жизни. В одинаковой среде виды, ведущие разный образ жизни, по существу, подвергаются воздействию разных условий существования». Так, например, ящерица геккон, проводя всю жизнь в пустыне, не знает дневного зноя, от которого она сразу бы погибла только потому, что ведет ночной образ жизни. Зато другой обитатель пу-

стынь — ящерица круглоголовка — отлично приспособилась к самой невыносимой жаре. Если ее поместить в обычный террариум, она через несколько недель умрет — кроме обогрева ее лампой, необходимо подогреть обязательно и песок.

Но как ни интересны и многочисленны проблемы исследования образа жизни отдельных видов животных и растений, все же главные очертания придает современной экологии другой ее раздел, где изучается жизнь совместно обитающей группы животных одного вида с некоторыми общими для них свойствами. Такую группу называют популяцией. Виды и существуют обычно в форме популяций.

Вот какие результаты дало изучение жизни популяции американских лягушек-лопатоног. Эти лягушки откладывают икру в быстро пересыхающих водоемах. Из икры выходят головастики двух типов. Одни питаются растениями и мелкими беспозвоночными, а другие пожирают своих собратьев. В большинстве, хоть и с потерями, головастики-«вегетарианцы» благополучно заканчивают развитие вместе со своими опасными сородичами. Но если водоемы высыхают и пищи не хватает, эти головастики гибнут, а головастики-хищники выживают, поедая своих собратьев.

Изучение лягушек-лопатоног представляет чрезвычайный интерес — выяснилась важность в жизни вида биологической разнородности, которая охраняет его от вымирания и, как показали другие эксперименты, помогает пережить критические для популяции периоды, увеличивает численность или расширяет для нее жизненное пространство.

Но самым интересным было открытие явления, называемого «эффектом группы». Оказалось, что в популяции рыб, моллюсков, насекомых быстро развивающиеся особи выделяют особые вещества — продукты жизнедеятельности, которые замедляют рост других индивидов своей семьи, но не оказывают такого же угнетающего влияния на «чужаков». Этот механизм поддерживает в группе совместно обитающих животных разнородность, очень полезную, как мы узнали из случая с лягушками-лопатоногами, для жизни группы в целом.

Жизнь любого вида не протекает изолированно от всего мира, она всегда связана с обстановкой и является частью природного комплекса (будь то море, степь,

лес или болото), который называется биогеоценозом. И, конечно, экологам интересуют биогеоценозы наряду с проблемами экологии особи и экологии популяций. Многие биологи науки, изучающую биогеоценозы, биогеоценологию рассматривают отдельно от экологии, другие же считают биогеоценологию третьим разделом экологии.

Ученые делят все виды растений и животных на четыре уровня в зависимости от переработки солнечного тепла и воспроизводства продуктов, необходимых для жизни.

К первому уровню относят растительный покров. Он преобразует энергию солнца, синтезирует органические вещества, перерабатывает углекислый газ и выделяет кислород. И хотя растения используют менее одного процента энергии солнечных лучей, падающих на землю, этой использованной энергии хватает на воспроизводство 80 миллиардов тонн биомассы ежегодно. А вес, например, планктона — мельчайших организмов океана — превосходит вес всех людей на земном шаре. Дважды в сутки в природе повторяется грандиозное событие: планктон поднимается к поверхности океана с глубины в несколько сот метров, а потом погружается обратно.

Ко второму уровню относятся виды, для которых растения служат пищей, то есть травоядные животные. Ими в свою очередь питаются представители третьего уровня — хищники. А к четвертому уровню принадлежат бактерии, поддерживающие свою жизнедеятельность за счет энергии мертвых тканей организмов. Они осуществляют круговорот веществ в природе. Без них на земле жизнь была бы невозможна.

Домашние олени, завезенные на Аляску в начале нашего века, нанесли существенный урон лишайнику — нижнему уровню биогеоценоза полуострова — и обрекли себя тем самым на голодную смерть. А опыт с хлебной молью — анагастой — показывает, как сложна совместная жизнь даже совсем небольшого числа видов. Что же приходится говорить о жизни сообщества, состоящего из сотен видов? Такое сообщество, обладая сложнейшим переплетением функций многообразных видов, подвержено еще и влиянию климатических, географических, геологических и многих других факторов.

Но можно все-таки выделить несколько влиятельных видов — членов сообщества, которые опре-

деляют жизнь сообщества в целом. Их называют видами-доминантами. Изучив их, можно получить общую картину жизни сообщества.

В апреле на Северном Кавказе стоит устойчивая теплая погода. А леса стоят голые, насекомых почти нет, не очень много и птиц. Отчего? Причина простая. Преобладающая порода леса — бук. Для него Кавказ — север, и он начинает зеленеть только с установлением жаркой погоды. А пока нет зелени — спят листогрызущие

насекомые, рано начинать летний сезон животным, питающимся насекомыми, нет опылителей растений — рано цвести цветам.

Невлиятельные члены сообщества тоже очень важны для жизни среды в целом. Иногда уничтожение такого вида может привести к вспышке численности вредителей — его жертв. А вредители способны уничтожить доминантные виды и вывести систему из равновесия.

Кроме того, на связи в сообществе влияют и физиологические

особенности каждого организма, процессы, происходящие в его тканях и клетках. С другой стороны, эти особенности сами зависят от законов сообщества. Получается замкнутый круг.

Об этом многообразии связей и зависимостей, в которых проявляется единство жизни и знать которое человеку совершенно необходимо, ярко и глубоко рассказал в своей книге академик С. С. Шварц.

Г. СОКОЛОВА

УРАЛ И СИБИРЬ В ЖИВОМ СЛОВЕ

В 1972 году в Новосибирске вышла интересная книга — «Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири». Ее авторы-составители — Н. Т. Бухарева и А. И. Федоров — собрали около 4000 устойчивых оборотов из ста источников — записей устной речи, статей диалектологов, этнографов, историков. В словаре отражены обороты огромной территории — от Тюмени до Камчатки. Это первый опыт фразеологического словаря Сибирской Руси.

Очень интересно сравнить обороты, бытующие в Сибири, с оборотами уральских говоров. Урал и Сибирь — смежные земли, между ними трудно провести границу. Поэтому вполне естественно ожидать, что в их говорах обнаружатся одинаковые слова и словосочетания. И действительно, если мы возьмем «Словарь» сибиря-

ков и наш «Словарь русских говоров Среднего Урала», то увидим немало общего. Таково выражение — *большину взять* — *взять верх, добыть первенства*. Уральский пример: «Не удастся новой сношке *большину взять*» (Каменский район, с. Суворы). Примечательно, что сибирский пример взят из уральского словаря: «*Поборолся, он поборол. Ну, большину взял*» (Тюменская обл., Исетский район).

Если даже оставить в стороне уральский материал, использованный сибиряками в своем «Словаре», то все равно полных совпадений между обоими словарями имеется немало.

Вот, например, выражение *баярковы пимы*; сравним значение уральское: «Валенки из поярки (шерсти первой стрижки ягнят), обычно белые, нередко вышитые» — и сибирское: «Тонкие валенки, кото-

рые расшиваются цветными нитками»; «Боярковы пимы, их нитками вышивали, теперь фетровы зовут» (записано в Новосибирской области). Точно так же совпадают выражения: *брякать языком* — *болтать* (отмечено на Урале и в Хакасии); *ботало* — *осиновое, худое, деревянное, несветное, несчастное* — *о болтливом человеке* (отмечено по всему Уралу и Сибири, разница только в вариантах сочетаний); *кричать на всю еснину* — *кричать очень громко* (отмечено в Каменском районе Свердловской области и под Тобольском).

Выражение *валовый* на язык в сибирских говорах означает человека неразговорчивого, молчаливого: «Ну, зятек попал *валовый* на язык: два слова в день скажет». Уральское *валовой*, *валоватый* значит *толстый, неповоротливый*: «Да он у вас *валовой*

парень-то, не своротишь», если же речь идет о животном, то это прилагательное означает **ленивый**; женский род — **валовая** — стельная (о корове), жеребая (о лошади): «Корова валова ли, стельна говорят» (отмечено в Верхотурском районе).

В Сибири есть совершенно оригинальные обороты, отражающие особенности быта, нравов и деятельности людей. Таковы, например: **барловая доха** — доха из шкуры дикой козы; **Алеша бесконвойный** — человек с причудами; **белая тайга** — чистые высокие березовые насаждения; **белолысовый ремень** — ремень из нечерной шкуры; **белый месяц** — народный праздник у бурят, монголов, китайцев — встреча первого месяца нового года, **саргу содрать** — ограбить, **старобытные улицы** — улицы старой застройки. Такие обороты на Урале не известны.

Есть в сибирских говорах и малопонятные выражения. Так, например, о человеке многолетнем говорят, что у него **борона ребят**. Откуда взялось такое выражение? Видимо, в основании его лежит сравнение: ребят много, как зубьев у бороны. Есть и такое: «Ждали-ждали и все жданы съели» — долго ждали и перестали ждать. Что же такое жданы? Это слово не встречается в других сочетаниях. Может быть, имелось в виду следующее: ожидая кого-либо, люди припасали для него еду, убедившись, что ожидание напрасно, эту долю еды съедали. Интересно, что оборот о жданах бытует и на Урале.

Нередко сравнение уральских и сибирских оборотов помогает понять те непонятные слова (устаревшие или заимствованные), которые в них имеются. Так, в сибирских говорах есть выражение **борошнистая невеста** — невеста, у которой много платьев и других вещей, но не денег. Уральские говоры дают пояснение: **борошень** — пожитки, скарб, обиходное имущество. Значит, слово **борошнистая** образовано от **борошень**. А

вот обратный пример. На Урале широко распространена фамилия **Подкорытов**. Она кажется несколько странной. Почему именно **Подкорытов**, а не **Закорытов** или **Надкорытов**? Сибирский «Словарь» дает путеводную нить: «Посадить под корыто брата или сестру — женившись (выйдя замуж) раньше старшего брата (сестры), тем самым опозорить их» (был же такой нелепый предрасудок в старину!). Значит, **Подкорытов** — это сын или потомок «посаженного под корыто». Заметим, однако, что, возможно, и на Урале есть этот оборот, только он еще «не пойман» исследователями. Еще один пример. На Урале говорят: «Знаешь ты чучу!» — давая понять, что человек ничего не знает. А в Сибири: «Чуча тебя возьми» в смысле «Черт тебя возьми». Что эта за таинственная чуча? Составители сибирского «Словаря» приводят мнение этнографа Г. Пейзена, в 1857 году изучавшего население Минусинского и Канского округов Енисейской губернии: «Когда-то была здесь чудь, народ, который, по преданиям, будто бы при виде белой березы убивал себя». Если это мнение содержит ядро истины, то слово **чуча** становится более понятным: из **чуд-ча**.

Однако не всегда сопоставление уральских и сибирских говоров проясняет смысл устойчивых словосочетаний. Есть совершенно загадочные обороты. Так, о некрасивом человеке иркутяне говорят: «Братское чувырло». **Чувырло** — это некрасивое лицо, но почему оно братское? Не от названия ли села Братское (ныне город Братск)? Отметим, что А. П. Чехов, проезжая через всю Сибирь по пути на Сахалин, писал, что чем дальше углубляешься в Сибирь, тем меньше встречаешь красивых людей. Это понятно. Дореволюционная Сибирь была местом каторги и ссылки. А половица говорит: «Кто на каторге не бывал, тот мордья не видал».

Заканчивая этот маленький рассказ об интересном слове си-

бирских фразеологизмов, мне хочется заметить, что назрела необходимость создать словарь подобного рода на материале уральских говоров. Пока что мы имеем неполный (лишь два первых тома из четырех) «Словарь русских говоров Среднего Урала», в котором фразеологические обороты — только деталь, частная задача. Исследование уральской фразеологической сокровищницы — дело будущего, надо думать — не очень отдаленного, и тут большую помощь ученым могут оказать следопыты, записывая в походах по краю примеры народной фразеологии.

В. ЖИТНИКОВ, доцент

И. С. Белостоцкий

ПЯТЬ СЫНОВЕЙ БЕЛОСТОЦКОГО

Есть в Тракторозаводском районе Челябинска улица имени Белостоцкого. Свое название она получила в 1968 году в честь старейшего большевика Ивана Степановича Белостоцкого, первого почетного гражданина города.

Ученик В. И. Ленина в партийной школе Лонжюмо, под Парижем, член первого большевистского ЦК РСДРП(б), участник трех революций, Иван Степанович Белостоцкий после гражданской войны много лет проработал на Урале. Десять лет он заведовал Уральским областным отделом здравоохранения, а в

1930 году партия послала его на строительство Челябинского тракторного.

В годы Великой Отечественной войны Иван Степанович руководил одним из цехов Танкограда, а его сыновья — Владимир, Игорь, Валентин, Олег и Артем — защищали Родину с оружием в руках. Под Ленинградом и в Сталинграде, в Карелии и на Украине, в Молдавии и Закавказье, на всех фронтах били врага отважные братья Белостоцкие. Всей семьей вносили они вклад в великое дело Победы.

...Я сижу в квартире младшего из братьев, Артема Ивановича Белостоцкого. Сегодня он один из ведущих инженеров Челябинского тракторного завода.

Артем Иванович показывает мне фотоснимки военных лет. Молодые мужественные лица.

Двое в летной форме. Это Олег и Валентин. Они были летчиками. Игорь — артиллерист. Владимир и Артем — пехотинцы. Снимки 1943 года. Тридцать лет минуло с тех пор. Выросли уже дети у братьев. Есть внуки.

...Старшие братья, Владимир и Игорь, с детства увлеклись геологией. Оба поступили в Свердловский горный институт. Стали геологами.

Владимир был призван в армию в 1939 году. Начал службу на Дальнем Востоке. Воевал с белофиннами. Участвовал в героической обороне Ленинграда. Прошел с боями до Будапешта. Закончил войну капитаном. Боевые ордена и медали — награда Родины за мужество пехотинца, за его отвагу.

Сейчас Владимир Иванович живет в Свердловске, отдает свои

Владимир

Игорь

Валентин

силы любимой геологии. Выросли у него два сына-близнеца, Олег и Валентин. Оба служат в армии, в одном танковом экипаже.

А Игоря Ивановича, тоже геолога, война застала в Таджикистане. Там он проводил геологические съемки местности.

В первые же дни войны пришел в военкомат:

— Направьте на фронт. Я спортсмен, лыжник. Знаю карты, топографию.

Его направляют в действующую армию. Под Сталинградом у станции Сиротинской, он был тяжело ранен. Три долгих месяца лежал в госпитале. А потом — опять бои. В мае 1945 года в составе танкового десанта капитан Игорь Белостоцкий освобождает Прагу. Сейчас Игорь Иванович живет в Москве. Он кандидат геологических наук, автор многих научных трудов.

Валентина Белостоцкого с детства влекло небо. Мастерил планеры, любил прыгать с парашютной вышки, занимался в аэроклубе. Даже когда поступил в Свердловский индустриальный институт, он не перестал увлекаться авиамоделизмом. По-прежнему участвовал во всех состязаниях. Летал сам на планерах.

Когда началась Великая Отечественная война, студент-выпускник индустриального института добился перевода в академию имени Жуковского. Он стал военным летчиком-инженером.

Я держу в руках сложенный вчетверо, протертый от времени листок. Много таких извещений приходило в суровые военные годы: «Старший лейтенант Валентин Иванович Белостоцкий в бою за социалистическую Родину, верный военной присяге, проявив героизм и мужество, погиб 23 января 1945 года в Молдавской ССР под г. Бельцы и похоронен в Бельцах».

Немного не дожидаясь Победы, стоит сегодня в городе Бельцы памятник на братской

могиле. Золотыми буквами горит на памятнике имя и Валентина Белостоцкого, отважного летчика, до конца выполнившего свой долг перед Родиной.

Олег Белостоцкий перед самой войной только закончил десятилетку. А уже через несколько дней, в начале июля 1941 года, получил направление в летное училище. Пригодились знания, полученные в Челябинском аэроклубе.

И вот, наконец, первый боевой вылет. За ним второй, третий. По нескольку раз в день вылетал Олег Белостоцкий на перехват немецких самолетов. Участвовал в боях за освобождение Кавказа. В одном из боев его самолет был подбит. Раненый и контуженный летчик все же сумел дотянуть до аэродрома, но приземлился неудачно, повредил позвоночник. Долго пришлось пролежать ему в госпитальной палате, прежде чем смог подняться. Но летать врачи больше не разрешили. С трудом добился назначения преподавателем в Батальское авиационное училище.

В 1945 году старший лейтенант Олег Иванович Белостоцкий был демобилизован. Сейчас он работает начальником одного из отделов Министерства авиационной промышленности.

...Самый младший из братьев, Артем, еще ходил в школу, когда началась война. Он тоже был влюблен в авиацию. Завидовал братьям, сражающимся против фашистов, и все свободное время проводил в Челябинском аэроклубе.

Однажды, это было уже в начале 1943 года, когда Артем учился в 10-м классе, кто-то из ребят сказал, что идет набор в авиационное училище. В тот день Артем отправился в военкомат. Прошел комиссию, получил повестку. А когда через несколько дней, простившись с родителями,

пришел на пункт отправки, оказалось, что группу направляют не в авиационное училище, а в пулеметную школу. Недолго гонялся Артем. Он добился направления в маршевый батальон, который как раз в это время формировался.

Калининский фронт. Осень. Тяжелые, кровопролитные бои. Здесь, на Смоленщине, Артем Иванович принял последний бой.

До сих пор хранит он свою «похоронку». Она пришла в Челябинск, когда тяжело раненый Артем лежал в госпитале.

Когда рота пошла в наступление, вражеская пуля насквозь прошла его. Он упал. Его посчитали убитым. Очнулся Артем Белостоцкий только под утро. Пуля попала под ключицу и, пройдя между ребер, вышла под левой лопаткой. Кровь заеплась. Страшно мучила жажда. Попробовал ползти, но тело не слушалось. Вновь он потерял сознание. Когда опять пришел в себя, вокруг было темно. С большим трудом прополз несколько мет-

Слег

Артем

ров и снова потерял сознание. Вот так, то приходя в себя, то впадая в беспамятство, полз Артем пятеро суток. Обнаружили его солдаты соседней части. Затем — санбат, фронтовой госпиталь и эвакуация в тыл.

В 1944 году Артем Иванович Белостоцкий, демобилизованный как инвалид 2-й группы, приехал в родной Челябинск. Здесь он за-

кончил политехнический институт и сейчас работает на знаменитом тракторном.

...Это рассказ о пяти братьях Белостоцких. О советской семье, которая в трудное для Родины время жизнью и кровью своей приблизила час великой Победы.

Вот какое у меня к вам дело, дорогие следопыты!

Перед войной мой брат Володя, Владимир Иванович Лыкосов, 1923 года рождения, закончил шесть классов и решил поступать в летное училище. Туда без семилетки не принимали. Они с другом подделали документы, прошли медицинскую комиссию, но... тут их разоблачили.

Володя поступил в школу ФЗО в г. Серове, получил специальность составителя поездов и, проработав некоторое время на железной дороге, 13 марта 1942 года ушел в армию.

После окончания Тюменского пехотного училища он был направлен на фронт в звании младшего лейтенанта

Помню, получили мы от него открытку на серой грубой бумаге. В нижнем правом углу очень мелкими буквами было написано: «Сталинград». Потом было еще письмо, в котором он сообщал, что 19 ноября они идут в бой. После этого мы от него вестей не имели. Но один его фронтовой друг позднее описал бой, во время которого Володя

якобы был ранен. По словам Володиного друга, это был жестокий бой. Командир роты был убит, и тогда роту в бой повел Володя. «Это последнее, что я запомнил перед ранением, — писал Володин фронтовой друг. — Очнулся я уже в госпитале. О судьбе Володи больше ничего не знаю».

Последний адрес брата: полевая почта № 815, часть 120/254.

Когда он уходил в армию, мне было девять лет.

Мы с мамой обращались в архив Министерства обороны СССР, нам ответили, что младший лейтенант Владимир Иванович Лыкосов в списках пропавших без вести и уержших от ран не числится.

Может быть, волгоградские следопыты помогут отыскать следы Володи? Может быть, откликнется его однополчанин?

С надеждой

Клара Ивановна Коденцева.

Мой адрес: 624480, г. Карпинск, ул. Луначарского, 78, кв. 15.

Аркадий ФОРМАНЮК

ОДИССЕЯ ИГНАТА ВАГИНА

Рисунки Н. Мооса

В егере Игнате Вагине больше всего меня пора-
жало, я бы сказал, преступно-халатное отно-
шение к домашним обязанностям. Когда кто-то за-
икался, что вот, мол, и сено пора уже косить, Игнат
равнодушно отвечал:

— Баба накосит.

И правда, «баба» накашивала.

В тайге Игнат преображался. Мочало ли под-
рядится загатавливать, либо решничать начнет —
ворочает, как медведь. А про охоту уж и говорить
нечего.

Окрестные жители Игната, несмотря на его ве-
сельный характер, недолюбливали и за глаза называли
«Пленником». Дело в том, что егерь во время войны
попал в плен и что его будто бы вызывали в город
«для уточнения обстоятельств».

Во время наших бесед у костра мы эту тему
деликатно обходили. И как же я был удивлен и об-
радован, когда в одно прекрасное утро Игнат явил-
ся ко мне в новом пиджаке, с новеньким орденом
Красной Звезды...

...Из всей роты их осталось только двое: Игнат
и комиссар. Был еще бронейщик Фокин, из чуваш-
шей, но тот в счет не шел: Фокин умирал в углу тран-
шеи, умирал в сознании и оттого особенно трудно.
Ранение было в живот. Фокин лежал, прикрыв чер-
ными веками налитые кровью глаза, и время от вре-
мени взывал: «Братцы, добейте! Добейте же!»

Только что была отбита третья атака немецких
танков. На склоне высоты в разных местах дого-
рали машины, где-то справа и слева бухали разрывы
снарядов. Там еще шел бой.

Игнат, оглохший от шума, трясущимися руками свертывал махорочную сигарку. Кругом лежала изрытая, обожженная земля. Рядом с траншеей чудом уцелели три молодые березки. И когда в их опаленных кронах вдруг зазвенела птичья трель, это было так же противоестественно, как все, что совершалось вокруг.

Комиссар — высокий, коротко остриженный, нервно ерошил грязной рукой желтые волосы. Его тянуло взглянуть на Фокина, но он нарочно заставлял себя глядеть в другую сторону, чтобы не надирать душу. И потому, услышав птичью трель, он обрадовался возможности на миг оторваться от того страшного, что их окружало:

— Поет!

Игнат, хорошо понимавший состояние командира, обрадованно добавил:

— А у нас чичас по ночам перепела по всей ночи бьют. А дергачи: дерг-дерг! И так до утра. Благодать...

И оба посмотрели в небо, словно надеясь там увидеть перепелов и дергачей.

— Давай уходить, комиссар! — после недолгого молчания предложил Игнат. — Возьмем Фокина и уйдем. Иначе, этово-самово, — хана!

Игнат и комиссар Данилов знали друг друга с первых дней войны, оба были с Урала, вместе отступали от границы, и Игнат был уверен, что комиссар не посчитает его слова за проявление трусости: отход — самый разумный выход из теперешнего положения.

Данилов посмотрел в землю, раздул тонкие ноздри, сказал раздумчиво:

— Уходить нельзя. Приказа нет. Других подведем.

И признав справедливость комиссаровых слов, Игнат стал готовиться к предстоящему бою. Он выбрался из своего окопа и, пригибаясь, пошел по траншее... Мертвые солдаты безучастно глядели широко открытыми глазами прямо в раскаленное солнце. Обшарив их подсумки, Игнат мысленно отметил, что почти все убитые лежали головой к немцу. В двух местах вражеские танки были подорваны возле самых траншей, но там не было видно погибших бойцов. Только на ветках кустов темнели куски шинелей да в одном месте валялся кирзовый солдатский сапог. Игнат понял, что сапог не пустой, и машинально снял с головы каску. Кто из солдат лег под танк со связкой гранат, установить уже было невозможно. Да и ни к чему.

Игнат мысленно представил себе, как он, обвязанный гранатами, бросается под гусеницы, и ему стало страшно. Он опустился на колени, прижал лицо к сухой, пахнущей польнюю земле и зарыдал без слез. Но, к его удивлению, эта вспышка отчаянья принесла облегчение.

К комиссару он возвратился уже успокоенный и готовый к смерти.

— Вот, — сказал Игнат, выгружая десяток противотанковых гранат.

— Не густо, — хмуро заметил Данилов, раскладывая перед собой автоматные и пулеметные диски, которые он тоже насобирал в окопах. — Вся надежда на это, — кивнул он на противотанковое ружье, стоявшее поодаль. Подразумевалось, что стрелять из него будет Игнат, снискавший себе славу лучшего снайпера роты.

— Фокин говорил, прицел не тово...

— Спроси у него.

Тревожить умирающего было совестно, но разговор касался главного дела всей их теперешней жизни, и Игнат с комиссаром верили, что Фокин поймет это.

Прямо начинать разговор было неловко, и потому Игнат, по понятиям деревенской своей вежливости, дипломатично спросил:

— Вроде бы тебе полегчало?

Фокин безучастно промолчал.

Тогда Игнат спросил прямо:

— Прицел будто у ружья поврежден? Пристреливать некогда...

Это уже был деловой вопрос, и Фокин счел необходимым ответить на него:

— Бери на четыре деления вправо, — и снова закрыл глаза.

По высотке ударила немецкая артиллерия. Игнат прижался к стенке окопа.

Когда артналет окончился, комиссар крикнул из соседнего окопа: «Живой?» — и чуть кивнул головой.

Игнат в ответ ему тоже мотнул головой, и в этом заключалось все их мужское прощание.

Танков было семь, и два из них Игнат подбил в горячей стремительности боя. Остальные повернули назад, и вслед за ними отошла пехота. Верно, немцы думали, что на высоте все еще много наших сил.

И тогда комиссар, перебираясь в окоп к Игнату, устало и восхищенно сказал ему:

— Ну, быть тебе, Вагин, в героях!

В этот миг взметнулся черный вихрь земли, и свет померк в их глазах.

...Словно ветер загудел в еловой чащобе. Забрякало железо о железо. Шли танки. Это было первое, что услышал Игнат, возвращаясь к жизни.

Еще не открывая глаз, он вспомнил, что идет бой, и на всякий случай постарался плотнее прижаться к земле. Но тут кто-то больно ткнул его в бок, а русский голос сказал насмешливо: «Вставай, вояка!»

Игнат помедлил подниматься, потому что голос внушил ему непонятное подозрение. Однако тот, кому принадлежал этот голос, не дал Игнату времени на раздумья, ткнув его в бок еще раз покрепче. Игнат открыл почти ничего не видевшие глаза, оперся дрожащими руками о землю и, не удержавшись, встал на колени.

— С этого и надо было начинать, — одобрил его позу тот же голос.

Игнат мотнул головой, разлепил оплывшие веки и увидел перед собой пожилого немецкого офицера. И сразу же рванулся вверх, несколько раз пошатнулся, но устоял. Он глянул налево — Данилова не было. «Значит, убит», — обрадовался солдат. Потом медленно повернул налитую свинцовой болью шею направо и увидел комиссара.

Данилов стоял, развернув плечи и откинув назад голову. Левая рука у него была голая.

— Комиссар? — спросил его офицер.

— Да, комиссар, — твердо сказал Данилов.

— Ну, а ты? Тоже коммунист? — повернулся немец к Игнату, и в его глазах мелькнула насмешка.

— Партийный, — гордо ответил Игнат.

— «Партийный», говоришь? — передразнил немец неуклюжего русского солдата, простоватое выражение лица которого уже о многом говорило ему. — Это из каких «партийных»? Из тех, что лаптем щи хлебают?

Игнат молчал.

Офицер потянулся к кобуре, достал пистолет, выстрелил Данилову в живот — чтобы тот дольше мучился. Потом обернулся к Игнату, резко выбросил вперед руку, прицелился в лицо и — опустил пистолет. По изменившемуся взгляду немца можно

было догадаться, что его осенила какая-то новая мысль.

— Никто не поверит, что ты коммунист, — сердито сказал он. — Я знаю: таких, как ты, в партию не принимают. Признайся, тебя насильно заставили воевать. И докажи, что ты — враг коммунистам. Возьми лопату и добей его, — немец кивнул в сторону Данилова.

И тут же один из окружающих их немцев, молодой невысокий унтер-офицер с легкой походкой танцора, принес лопату и потянул Игната за рукав к лежащему комиссару. Другой немец достал фотоаппарат и приготовился снимать. Данилов, очевидно, был уже без сознания. Он лежал на правом боку, неестественно откинув назад золотоволосую голову. По углам губ пузырилась кровавая пена.

Игнат зажмурил глаза, вздохнул, широко размахнулся и изо всей силы обрушил лопату на голову унтер-офицера. И в тот момент, когда удар должен был достичь цели, Игнат почувствовал, как больно дернулась его правая рука, ноги оторвались от земли, а тело взметнулось в воздух. Ударившись о землю, он услышал громкий смех. Это хохотали немцы. Как затравленный зверь, Игнат, шатаясь, поднялся на ноги. Правое плечо его жестоко ныло, перед глазами вспыхивали красные, желтые и синие звездочки. Унтер-офицер снова подошел к Игнату и с дружеской улыбкой протянул ему лопату, сказав при этом:

— Нох аймаль.

— Предлагает повторить, — перевел офицер.

Немцы снова захохотали. Унтер-офицер опять что-то пролопотал, указывая на Данилова, и сунул Игнату в руки лопату.

— Комай яму, — перевел офицер.

Игнат понял, что заставляют рыть могилу. Уже ничего не видя, он взял лопату и принялся копать сухую землю. Дело продвигалось плохо, унтер-офицер прокричал: «Шнель! Шнель!». Это слово Игнат понимал, но быстрее не работалось.

— Подожди! — приказал офицер. — Подними лопату.

Игнат апатично подчинился. Высокий немец щелкнул фотоаппаратом.

— Подними лопату. Держи так. Посмотри сюда, — офицер подтолкнул Игнатову голову в сторону Данилова. Снова щелкнул затвор фотоаппарата.

Данилов захрипел, дернулся несколько раз всем телом и затих.

«Помер, — подумал Игнат и прошептал про себя: — Царствие небесное!»

С могилой Игнат провозился до самого вечера, и было удивительно, что никто его больше не торопил. Выкопав широкую яму на двоих, он сказал солдату, приставленному для охраны: «Все».

Немец показал на Данилова. «Велит свалить», — догадался Игнат. Осторожно подтащил комиссара к краю могилы, сам соскочил на дно и на руках береж-

но опустил Данилова в могилу. Потом выбрался наверх.

Немец снял автомат. Игнат через силу поднял голову: сейчас выстрелит!

— Форвертс! — солдат ткнул пленника в спину дулом автомата.

«В стороне хочет решить», — понял Игнат, шагая в глубину леса.

Вышли на дорогу. Немец остановил попутную машину, и до рассвета ехали в неизвестном направлении. Наконец впереди, у речки, показались строения поселка. По углам поселка — вышки с навесами. Справа — еще домики, возле них — машины, бегают солдаты. Немец повел Игната туда, где вышки.

«Лагерь для пленных, — сообразил сибиряк. — Стало быть, убивать сразу не будут».

В лагере было тихо, видно, пленных еще не будили на работу.

Посреди центральной площади он увидел круглую будку из белых досок. Около нее стояли немецкие офицеры, разговаривали. Среди них Игнат еще издалека узнал того, который убил Данилова. Рядом с офицером стояли два солдата в немецкой форме с белыми повязками на левой руке. Игнат видел их только со спины, но сразу по каким-то неуловимым признакам определил: русские, из предателей.

— Иди сюда, — подозвал знакомый офицер.

Игнат подошел к будке и увидел, что вся она кругом оклеена... его портретами. Сверху красными буквами крупно: «Иван Петров — верный сын русского народа». И ниже под портретом: «Иван Петров добровольно перешел на сторону своих освободителей». Еще ниже снимок: Игнат замахивается лопатой на Данилова. И подпись: «Иван Петров убивает своего комиссара-еврея».

Немцы выстроили пленных на площади против будки. Игната вывели на середину, дружески, чтобы все видели, хлопали по плечу. Рядом с ним встал комендант лагеря — седеющий старик, красноносый, с грозным, как у голодного коршуна, взглядом. Комендант говорил по-немецки. Переводчик на лету ловил его слова и быстро переводил пленным:

— Сегодня я разрешаю окончить работу на два часа раньше. В наш лагерь прибыл героический сын русского народа Иван Петров, который осознал бесполезность сопротивления победоносным германским войскам, убил своего командира-еврея и добровольно сдался в плен. От вашего имени я приветствую гостя...

Игната поместили в барак, где старостой был пленный, судя по изодранному, в черных пятнах, комбинезону, — из танкистов. Правая сторона лица у него была в сплошных красных рубцах, вместо уха — черный ошметок. На вытекшем глазу — повязка из синей тряпки. Кисти рук большие, разбитые работой, в клочьях шелушащейся кожи, из-под которой про-

глядывали розовые пятна заживающего тела. «Тут будешь спать», — глядя в пустоту мимо Игната, показал ему староста место на нарах.

Когда переводчик ушел, Игнат, улучив минуту, подошел к старосте и, задышав от того невысказанного презрения, которым были полны к нему все обитатели барака, заговорил, глотая слова:

— Не Иван я, а Игнат... Понимаешь — Игнат! И не убивал... Это они нарочно подстроили...

Староста повернулся к Игнату левым боком, глянул, как подбитый орел, мутным зрачком на него и ответил равнодушно:

— Нам не положено обсуждать приказы господина коменданта.

И потому, что танкист назвал коменданта господином, Игнат понял: ему не верят.

Игнат махнул рукой на все. Ел досыта, курил немецкие сигареты, на работе дремал в тени ольхового кустика. К нему подходил ефрейтор Майснер из охраны, по прозвищу Большой Швайн. Беседовали. Большой Швайн угощал сигаретой, растягивал в улыбке белую, откормленную в тылу физиономию: «Иван корошо». Хитро прищуривал свиные глазки: «Комиссар тук-тук!» и добродушно смеялся.

Большой Швайн, хоть и из эсэсовцев, никого еще не убил. Только как рассердится, подойдет к нарушителю, повернет к себе, посмотрит в глаза, не мигая, да как ахнет в солнечное сплетение, либо в чело. Прозвище даду ему за то, что у него любимое ругательство — «швайн», свинья по-русски. А так, по общему мнению пленных, Большой Швайн — добряк. Говорили, будто даже он из баптистов.

Вскоре пленных выгнали на работу в лес. Участок окружили вышками, но проволоку не натянули, а расставили часовых с собаками.

Большой Швайн с утра был мрачен, как ненастный день. Не ругался и не дрался, как обычно. Только глянет тяжелым взглядом — словно нож под ребро загонит. Худо это пленному, когда конвойный зверем глядит, словно выбирает кого.

Подозвал к себе Игната, сказал печально:

— Гросс унглюк¹.

— Что случилось? — спросил Игнат, мало-помалу наострившийся по-немецки.

— Коммунистен майнен брудер капут. Коре, гросс коре... Их верде цейн коммунистен тоден²!

И снова ушел туда, где пленные ворочали бревна. Игнат, приставленный к самой легкой работе — замерять выработку, искоса следил за Большим Швайном. Вот он впился глазами в чернявого военнопленного:

— Юде?

¹ Большое несчастье.

² Я убью десять коммунистов.

— Найн, найн, — испуганно забормотал парнишка.

— Ду бист юде! — твердо, как приговор, произнес конвоир. Вскинул автомат, выстрелил.

...Третьим, на кого пал выбор Майснера, был староста Игнатова барака.

— Затшем пльохо арбайтен, — прицепился Большой Швайн к калекке.

— Как могу, так работаю, — хмуро ответил староста.

— Коммунист? Панцер стреляйт неметски золдатен. Сволотш!

Вскинул автомат — ударить не решился, потому что даже эсэсовцы снисходительно относились к обезображенному страшными ранами пленному, — прицелился, но и стрелять передумал. Отыскал глазами Игната, поманил пальцем:

— Ком хир!

Игнат подошел.

Большой Швайн протянул ему железный ломик.

— Пей рука!

Игнат, закипая яростью, взял ломик, обошел вокруг старосты, словно примеряясь ударить. Староста отступил назад, поднял правую руку, защищаясь.

— Рука, рука пей, — зашептал Большой Швайн на ухо Игнату. — Колофа потом...

Игнат еще раз обошел вокруг старосты и, очутившись позади Майснера, хлестнул его по щетинистому затылку. Большой Швайн медленно опустился на колени. Игнат хлестнул его еще раз, эсэсовец упал сперва на четвереньки, потом на грудь. Игнат для верности ударил его острием ломика под левую лопатку и схватил автомат. Но не успел сорвать оружие, как с вышки ударил пулемет, пули засвистели вокруг.

Игнат, бросив от неожиданности автомат, с ломиком в руке метнулся в кусты. А сзади кричали по-немецки, трещали выстрелы. Залаяли собаки. Выбегав на чистину, Игнат сделал заячью оходку и снова помчался, не разбирая дороги. Слух и зрение обострились до чрезвычайности, тело сделалось легким, не знающим усталости.

Взбежав на бугор, Игнат остановился и втянул ноздрями пахнущий хвоей воздух. Запах воды доносился слева, и он помчался туда. Под ногами захлопала вода: начиналось болото. Но в болоте не спрячешься от собак, и Игнат побежал дальше, пересекая влажный кочкарник. Впереди, сквозь заросли мелкого березняка и ольховника, сверкнула гладь широкой реки. Он метнулся навстречу этой глади, навстречу своему спасению. И когда до берега оставалось каких-то полсотни метров, внутренний голос приказал ему остановиться и приготовиться к схватке.

Игнат отступил под защиту березки, сорвал с себя френч и встал лицом к следу. По этому следу, волоча поводок, мчалась овчарка. Игнату врезалась в память светлая окраска ее широколобой морды и черный цвет шерсти на хвосте. Он видел, как немцы

дрессируют своих собак, и знал, что даже вооруженному человеку трудно выйти победителем в схватке с овчаркой. Но в той деревне, где он вырос, мужики при безвыходности убивали медведей только с помощью ножа и шапки.

Игнат шагнул к овчарке как раз в тот момент, когда она приготовилась к прыжку. В следующий миг он швырнул ей в глаза френч, гибко качнулся вправо и точным быстрым ударом сразил овчарку.

За кустами замелькали фигуры немецких солдат, совсем близко залаяли собаки, ударили автоматы, вокруг беглеца зашлепали о сухой лист пули. Обожгло ногу. Игнат, прихрамывая, побежал к реке. Раздвинул густые кусты, взглядом охватил голубую гладь с разбросанными на ней зелеными пятнами камыша и кинулся с обрыва вниз головой.

Только глубокой ночью отважился Игнат выбраться из камышей. Не отходя от берега — вода казалась надежней, — разделся, дрожа от холода, выжал мокрую одежду, снова прислушался и огляделся. Громко били перепела на бугре, какая-то птичка все не могла заснуть, копошилась в густых ветвях. Меж корней с писком шныряли землеройки. Где-то вдалеке тоскливо завывали волки.

Игнат оделся, прислушался. Сделал шаг и остановился — не выдает ли себя хотя бы слабым шорохом немецкая засада. Но все было тихо. Посмотрел в небо, нашел глазами Большую Медведицу, мысленно провел линию до Полярной звезды и повернул на

восток. Идти было тяжело, давало знать нервное перенапряжение прошедшего дня, да и голод начал сильно мучить. Болела левая нога, обожженная выше пятки, возле самых сухожилий, немецкой пулей.

К вечеру Игнат вышел на край громадного болота. Ветер катил по траве рыжие волны. Игнат двинулся напрямик, но провалился в топь. Дальше дороги не было.

Он пошел по кромке болота. Набрел на небольшое озеро, возле которого на бугре, поросшем коноплей и заматерелой крапивой, лежала убитая лошадь. От обгорелой печи метнулась одичавшая кошка.

Начало смеркаться. Надо было подумать о ночлеге. Игнат облюбовал ямку в густых зарослях крапивы. Ржавой лопатой без черенка, подобранной на пепелище, вырубил гнучие плети, вырыл нору, притащил охапку травы и забылся тяжелым сном, прижавшись к теплой земле. Посреди ночи он часто просыпался: мерещился то хриплый лай овчарок, то крики немецких солдат, то треск выстрелов. Он осторожно высовывал голову из своей норы, вслушивался в глухую тьму и снова погружался в тревожную дремоту.

Рассвет прогнал ночные страхи. Игнат вылез из норы и застонал от боли. Задетая пулей нога распухла и покраснела. Он разложил на солнце мокрые спички для просушки и заковылял среди ям, разыскивая какую-нибудь посудину. В траве нашел большой чугунок с отбитыми краями, иззубренный обгорелый топор, грязную тряпку и кусок точила. Спустившись к озеру, набрал воды, промыл рану и выстирал тряпку.

У самого берега в тине копошились утиные водки. Человека утята нисколько не боялись. Это Игната обрадовало: значит, фашисты здесь давно не были.

Выбравшись на берег, насобирал сухих щепок, разложил огонь и поставил чугунок — кипятить воду. Потом нарвал подорожника и, дождавшись, пока остынет вода, снова промыл рану, засыпал ее свежей золой, а сверху закрыл листьями подорожника и завязал тряпкой.

Боль успокоилась, но теперь стал мучить голод. Игнат разыскал в траве обломок косы и пошел к палой лошади. Надрал из хвоста волос, нарезал таловых прутьев, разделся и полез в воду. В тех местах, где, по его приметам, предпочитали кормиться утки, он установил ряд колышков с развилками на конце. На развилки положил, на уровне утиной грудки, тростинки, а в оставленных проходах насторожил волосяные петли. Выбравшись на берег, нарезал одинаковой толщины тонких таловых прутьев, воткнул их кружком комельками в землю и принялся плести корчагу.

На озере закричали, забеспокоились утки. Бросив работу, Игнат заковылял к воде. Вынул из петли кряковую утку, не ощипывая перьев, выпотрошил, обмазал сверху толстым слоем глины, закопал в горячую золу и сверху навалил сухих дров.

Ночью к озеру пришли волки, растерзали останки палой лошади, видно, не наелись и потому, усевшись в кружок среди головешек сожженного дома, принялись выть на луну. Игнат лежал в своей норе, сжимая в руках зазубренный топор, насаженный на суковатую палку.

Подлечив рану, Игнат снова двинулся на восток... На опушке леса наткнулся на немецкую засаду, но вовремя расслышал шорох и отпрыгнул в спасительную тень леса.

Три месяца пробирался солдат на восток звериными тропами, хоронясь от всех людей, питаясь чем попало. На лесных полянах расчищал саперной лопаткой широкие дорожки, натаскивал туда ветки шиповника, усыпанные алыми продолговатыми ягодами, расставлял силки из конского волоса. По вечерам на поляны вылетали тетерева, заметив приманку, садились на дорожку, собирали ягоду, давились в хитро расставленных петлях.

Линию фронта он перешел темной ночью, и грозный оклик часового: «Стоять! Кто идет?», и металлическое клацанье затвора прозвучали для него самой сладкой музыкой.

Допрашивал Игната молодой особист и все напирал на то, как мог беглец безнаказанно перейти фашистское минное поле.

— Однако, фарт вышел, — счастливо улыбался Игнат, не замечая, что его улыбка сердит младшего лейтенанта.

Задержанный молчал и только добродушно улыбался. Младший лейтенант приказал часовому ответить его в землянку «подумать».

Игнат лежал на жестких нарах, прислушивался к осторожным шагам часового, глядел открытыми глазами во тьму, улыбался и вслух радостно повторял: «Живым, Расеюшка! Живым, стало быть!»

СУДЬБА «АСТРАХАНКИ»

В 1862 году в астраханской газете «Волга», в номере от 7 февраля появилась статья «По поводу представления комедии Островского «Бедная невеста».

Статья была не простой — в ней разбирался не столько сам спектакль, сколько социальные проблемы, затронутые Островским в этой одной из ранних его пьес.

«Вопрос, поднятый в «Бедной невесте», — говорилось в статье, — слишком глубок, чтобы не разобран его как можно подробнее». Этот вопрос — ненормальность, душная атмосфера существующих семейных отношений в «темном царстве» тогдашней России. Вслед за великим русским критиком Добролюбовым (также писавшим в свое время об этой пьесе) автор статьи отмечает, что героиня пьесы «хоть образом мыслей, да протестует против того, что вокруг нее делается».

Статья была подписана псевдонимом — «Астраханка». Знаменитый антрепренер, режиссер и актер П. М. Медведев, игравший в том году в астраханском театре, вспоминал потом в своих мемуарах: «Статья наделала много шума, потому что принадлежала известной в городе даме г-же Тетюшиной».

Медведев несколько запомнил фамилию «известной в городе дамы» — звали ее Глафирой Ивановной Тетюшиной. Она была женой богатого купца, владельца судостроительной верфи. И была молода — лет двадцати с небольшим. А ее рассуждения о пьесе Остров-

ского были в какой-то мере рассказом и о себе самой, о своей судьбе.

Как и героиня пьесы, Глафира тоже подчинилась родительской воле и вышла замуж по деловому расчету. Но у нее, в отличие от «бедной невесты», нашлись и воля, и смелость. Ее убеждения были определены и тверды. Она хотела свободы личности, искренности чувств, общего счастья. Она хотела «любить человека» — своего избранника. И вместе с ним переделывать всю неправильно устроенную жизнь, жить для всех.

В годы отрочества Глафиры женских гимназий не было. В Астрахани существовал второразрядный женский институт, основу курса в котором составлял иностранный язык. Французский она изучила хорошо. Позже овладела итальянским. И все годы читала, читала.

Идеалом безупречного мыслителя, вдохновенного проповедника для нее был Герцен. Перед ним она преклонялась. Читала его газету «Колокол», тайно привозимую из-за границы. Еще раньше Глафира плакала над повестью «Кто виноват?», где тоже все были несчастны или жалки, а виновата неустроенная, ненормальная жизнь.

Молоденькая купчиха из далекой Астрахани решилась на смелый шаг. Хотя дом ее мужа не вполне походил на дом, где томилась Катерина Кабанова, и Тетюшинов был образованным человеком, все-таки им

оказалось совсем не по пути. Глафира решила порвать с привычным бытом.

Она начинает печататься в местной демократической газете (что уже само по себе необычно, неслыханно для купеческой Астрахани), участвует в организации литературных вечеров, устройстве спектаклей в пользу женской воскресной школы и бедных студентов — уроженцев Астрахани. Завязывает знакомство с вольнодумными студентами Казанского университета. И, наконец, уходит из богатых хором Тетюшинова. Даже имя себе берет другое, отныне она — Клара. В 1869 году она уехала на Урал подружкой бедного студента.

Василий Иванович Обреимов — так звали этого студента — учился в Казанском университете, но в 1863 году был «уволен по прошению», может быть за невозможностью жить без заработка, а может быть, из солидарности с товарищами: в этом году был раскрыт известный «казанский заговор», многих студентов исключили. Некоторое время Василий числился вольнослушателем, а в 1866 году снова стал студентом.

Позже он писал о себе: «Воспитывался я в то время, когда еще сочинения Белинского и Добролюбова не были изъяты из библиотек и когда мы не только имели полную возможность, а даже обязательно должны были знакомиться с нравственными принципами этих писателей. Благодаря им

мы научились любить прекрасное, доброе, справедливое и ненавидеть все, что носит на себе отпечаток насилия, ханжества и притворства...»

В Екатеринбурге Василий Иванович поступил учителем математики в мужскую гимназию. Он еще не получил диплома, но надо было добывать средства к жизни. Готовить диссертацию (по нынешнему — дипломную работу) заочно.

Глафира-Клара поселилась с Обреимовым и его матерью как надзирательница открытого ими домашнего пансионата учащихся.

В 1871 году в гимназии произошел «бунт» — гимназисты открыто выступили против своего начальства. У Обреимова, известного своим влиянием на учащихся, полиция произвела обыск. Обнаружили письма ему и Кларе Ивановне от учеников, уже оставивших город. Письма всецело подтверждали «вредное» влияние Обреимовых на екатеринбургскую молодежь. На столах высшего органа политического сыска — Третьего отделения «собственной его императорского величества канцелярии» — появилось новое толстое дело.

В итоговом докладе следствия сообщалось: «Они полагали, между прочим, что распространение усвоенных ими идей в среде сельского и заводского населения может в значительной мере способствовать быстрому развитию нравственного и экономического быта». Обреимов сосредоточивал внимание учеников «на социальных вопросах, современных экономических задачах, положении рабочего класса», воспитывая их для деятельности, «имеющей целью образование рабочего люда и поставление его в лучшие социальные условия».

Глафира-Клара была энергичной помощницей. Дознание выяснило, что она проникнута «стремлением свойственным всем, подобного рода людям, быть деятелем, приносить общую пользу» и «сильно заражена социально-демократическими идеями». Она участвова-

ла в беседах и занятиях, особенно способствовала распространению этих идей в среде воспитанниц женской гимназии. Девушки тоже собирались в квартире Обреимовых, читали Писарева, Чернышевского, Добролюбова, Лассалья, сочинения естествоиспытателей — материалистов Спенсера, Бюхнера, роман Шпильгагена «Один в поле не воин», герой которого доктор Лео Гутман, социалист, активно действует в интересах рабочих.

Как рассказали отобранные письма, воспитанники Обреимова замыслили издание литературы для народа, готовили тайное студенческое общество в Петербурге. А девушки давали уроки друг другу, учили бесплатно бедных девочек — «из убеждения, что на каждой из них лежит какая-то миссия протянуть руку помощи народу, способствовать его образованию и развитию».

Ученица женской гимназии Лиза Качка в своих дневниках сетовала на ужасное положение рабочих, писала, что обязанность каждого и каждой помогать народу приготовиться к «звонкой пощечине, которую он залихватски даст всему гаdkому прошедшему и весело расправит свою многотрудную спинушку». Лиза думала о революции. И при этом страдала от того, что обманывает приятельницу ее тетку, которая запретила бывать у Обреимова, что неласкова с ней. Девушке хотелось правды, справедливости, искренности не только в будущем, но теперь же.

После высылки Обреимова и Тетюшиновой из Екатеринбурга Лиза Качка создала общество для бесплатного обучения бедных детей на началах полной свободы учащихся (школа существовала негласно и недолго), пыталась устроить детский сад — первый в городе.

Екатеринбургское «дело» кончилось для Тетюшиновой и Обреимова ссылкой в Вятскую губернию, где они прожили шесть лет. Они добились было разрешения поселиться в самой Вятке, но за сношения с местными «политическими» их

перевели в глухой Нолинск. Бывшая купчиха существовала «ручной работой и ежемесячным пособием в шесть рублей». В середине 1878 года их разлучили. Обреимову назначили жить в селе Даровском. Впрочем, жить оказалось негде — становой запретил домохозяевам принимать его на квартиру. Тетюшинова просила разрешить отъезд к родителям, но губернатор был к ней особенно строг, опасаясь ее умения «владеть пером».

Тогда они оба бежали. В Петербурге добыли документы на чужие имена и уехали в Одессу, служили домашними воспитателями в поместьях Херсонской губернии. Затем Обреимов уехал в Тифлис, Тетюшинова к отцу в Крым.

Обреимову в начале 1881 года помог известный грузинский общественный деятель Н. Я. Николадзе, лично знакомый с министром внутренних дел М. Т. Лорис-Меликовым. Через два с половиной года скитальчества и тревог Василий Иванович перешел вновь на легальное положение, был освобожден от ссылки. Успех его ходатайств способствовал и благополучному решению дела Глафиры-Клары.

Тетюшинова и Обреимов — двое из той плеяды русских людей, отдавших себя заботам об общем благе, что вошло в историю под именем «семидесятников». Ленин, разъясняя ошибочность теоретических основ народничества, говорил об исторической заслуге революционеров 1870-х годов, как авангарда мирового революционного движения и предшественников социал-демократии.

И. ПЕТРОВСКАЯ

ЗВЕЗДЫ

Виктор КОЛУПАЕВ

Рисунок В. Меринова

Фантастический рассказ

Зал Большой Арены, вмещающий двадцать тысяч человек, сегодня был заполнен до отказа. Черные, с серебряными блестками, плащи инженеров, золотистые накидки женщин, голубые куртки космолетчиков. Строгие фраки высших чиновников, белые, с едва заметным синеватым отливом, костюмы врачей, коричневые рубашки техников, разноцветные платья девушек... Шум и смех, тонкое позванивание бокалов с шампанским, ослепительные вспышки драгоценных камней на пальцах и запястьях женщин, свет прожекторов, музыка невидимого оркестра...

Телетехники обводили своими камерами все двадцать ярусов зала. Бой «гладиаторов» должен был транслироваться по всей планете. Тринадцать миллиардов человек прильнут к экранам и после каждого раунда будут нажимать кнопки голосования, таким образом выбирая победителя.

Каждую неделю по субботам планета замирала перед стереозэкранами:

Сотни мальчишек в стандартной фиолетовой униформе носились по проходам, в фойе, буфетах, ложах, ярусах, продавая толстые, опечатанные на мелованной бумаге с золотым обрезом программы. В них можно было увидеть портреты сегодняшних «гладиаторов», прочесть их биографии или высказывания специалистов о шансах каждого на победу. Победа означала многое. Признание общества, возвращение в него. А поражение вело к изгнанию, часто и к смерти, если нервы у зрителей взвинчивались и они поднимали руки с повернутым вниз большим пальцем. Ведь «гладиаторы» были вне закона. Это были люди, преступившие закон, бросившие вызов столетним традициям планеты. Мужчины и женщины. Схватка всегда проводилась между мужчиной и женщиной. Иногда все кончалось в первом раунде, к явному разочарованию зрителей, иногда длилось десять и более раундов...

Во втором ярусе, в ложе космолетчиков, чувствовалась плохо скрываемая подавленность, даже какая-то растерянность. Один из космолетчиков, Бегин, подкинув в руке программу, сказал, ни к кому не обращаясь:

— Торн влип в неприятную историю...

— Он вообще последнее время был каким-то ненормальным. В тот день просидел в баре два часа и не выпил ни капли, — отозвался Викинд, сидевший рядом.

— Он всегда пил мало.

— Да. Но в последнее время все-таки прикладывался... Только ведь его не поймешь, пьян он или нет. Молчит, как в рот воды набрал. Даже я видел, что с ним творится неладное. А Охотников не проведешь... Вот и влип парень!

— Без Торна в преисподнюю нам не прорваться.

— Это уж точно...

— Да ничего с ним не случится, — уверенно произнес Биви, тщательно изучавший портрет женщины с огненно-рыжей прической. — Ну, придется ему покаяться. Будет некоторое время чувствовать себя побитым щенком... Но ведь мы-то ему об этом не напомним! Торн — мировой парень. Правду я говорю?

— Все правильно! Выйдем на круговую, и он сам успокоится! — загалдели космолетчики.

Все они были мускулистыми крепкими парнями. У всех короткие прически ежиком, рыжие, черные, светлые. Голубые куртки со светящимися змейками на левой стороне груди...

— И что с ним произошло? — со вздохом сказал Бегин. — Перед самым отлетом взять и нарушить закон! Всего семь дней оставалось. Вышли бы на круговую, пиши, что хочешь.

— А как ты находишь эту женщину? — спросил Викинд у Биви.

— Тьфу! — сплюнул тот. — Из-за нее все и началось. А ты спрашиваешь, как я ее нахожу. Да никак я ее не нахожу! Я сказал бы и покрепче, да...

— Торн должен вывернуться, если он любит наше дело, — сказал Бегин, снова ни к кому не обращаясь.

— Хорошо бы, — ответил кто-то...

Внизу, на круговом возвышении у самой Арены, удобно откинувшись в креслах, разместились мужчины и женщины, мужа и жены «гладиаторов». Телеоператоры часто останавливали свои камеры на их лицах. Все должны видеть их спокойствие, их решимость выполнить свой долг.

Одно из кресел занимал Оверкранц, шеф Охотников. На лице у него действительно было каменное спокойствие. Рядом сидела красивая высокая женщина с пахитоской, небрежно зажатой двумя пальцами.

— Оверкранц, у вас не дрогнет рука? — смеясь, спросила она соседа.

— О, Ульма, рука у меня не дрогнет! Но я на-

деюсь, что до этого дело не дойдет,— с поклоном ответил Оверкранц.

— А если все-таки дойдет?

— Я стреляю без промаха. С такого расстояния я не промахнусь.

— Они будут сидеть в центре, это около двадцати метров...

— Пустяки, гораздо ближе!

— Если он не сдастся в первом раунде, я влеплю ему пулю в лоб,— улыбаясь, сказала Ульма.

— Я очень сожалею, что в пистолете всего один патрон,— сказал Оверкранц.

Ульма весело рассмеялась.

— Оверкранц,— вдруг раздалось рядом,— кто бы мог подумать, что шеф Охотников будет сидеть в этом кресле?

Оверкранц обернулся. Рядом с креслом стоял, согнувшись в подобострастном поклоне, начальник отдела Охотников-операторов.

— Зато вы, Пикс, никогда не будете сидеть здесь,— ответил Оверкранц.— Это уж я знаю точно.

— Польщен вашим доверием,— улыбнулся Пикс, и в его улыбке было превосходство стрелка, держащего зверя на мушке.

— Вы отлично знаете свое дело,— устало кивнул Оверкранц.

— Слушаюсь, шеф.— Пикс, пятась, отошел в сторону.

На середину ярко освещенного круга вышел Главный Администратор Большой Арены. Шаг его был тверд и уверен. Сотни раз уже выходил он под свет прожекторов. Золотой с черным плащ его развевался, как на сильном ветру: работали специальные вентиляторы. Казалось, идет вестник Высшего Судьи, чтобы объявить людям свою волю.

Все притихли.

Главный Администратор поклонился зрителям и произнес:

— На арену вызывается первая пара — космолетчик Торн и Миррей Оверкранц. В дальнейшем первый именуется просто Торном, а вторая — Миррей. Торн обвиняется в любви к женщине, в любви к Миррей. В письменном столе Торна было найдено его письмо к Миррей. Это письмо было любезно передано в отдел Охотников-операторов женой Торна Ульмой. Торн уже давно находится под подозрением Охотников. И теперь его вина доказана. Миррей, жена шефа Охотников, находится вне подозрений. Надеюсь, что бой будет ярким, но, к сожалению, коротким... Итак, Торн — Миррей!

Торн был высок и строен. Сорок лет жизни посеребрили его виски. Но горячий взгляд выдавал в нем почти юношу. Лицо его было гордо и спокойно, оно говорило, что Торну все равно, как с ним поступят, он ни под каким предлогом не отступится от своих убеждений... Вид Торна настроил команду в ложе космолетчиков. Ведь накануне тяжелого и ответственного полета они могли лишиться своего командира. Торн даже здесь был в своей голубой форме. Он спокойно прошел к своему креслу и сел в него.

Миррей вышла с покрасневшим от смущения перед этой многочисленной толпой лицом. Она знала, что для нее это только пустая формальность. Она не чувствовала за собой никакой вины. Этого космолетчика она видела только на обложках журналов да в газетах, если они к ней случайно попадали, и была раздосадована тем, что по его вине теперь будет сидеть здесь, а жадные до зрелищ глаза будут разглядывать ее. Волнение и досада ее были заметны, хотя она и старалась скрывать их. Закутавшись в золотистую накидку, сложив руки на

груди, Миррей быстрым шагом прошла к креслу, стоящему напротив кресла Торна. Здесь она скользнула по его лицу быстрым взглядом. Кровь предков, воспитывавшихся в духе отвращения к любви между женщиной и мужчиной, не позволила ей увидеть в нем что-либо другое, кроме исполнителя обязанностей космолетчика.

Оверкранц вдруг подумал, что это конец. Он хорошо знал Торна и сейчас даже завидовал ему.

Главный Администратор встал между Торном и Миррей и, обратившись к космолетчику, сказал:

— Торн, вы обвиняетесь в любви к женщине, которая сейчас сидит напротив вас.

Зал зловеще загудел.

— Будете ли вы отрицать предъявленное вам обвинение?

— Нет,— ответил Торн.

Это уже было необычно. Человек без раздумий, без колебаний сам себе подписывал смертный приговор...

Ульма наклонилась к Оверкранцу и зло прошептала:

— Я не зря взяла несколько уроков стрельбы из пистолета. Знаете, у меня получается очень хорошо...

— Вы сможете убить его?— спросил Оверкранц.

— Но я ведь просто обязана это сделать!

— Только не спешите,— умоляюще произнес шеф Охотников.

Многие ожидали, что Торн начнет запыряться, отводить от себя подозрения, словом, как-то выкручиваться. Странно было бы, если человек из-за любви к женщине решил бы расстаться с жизнью. Конечно, его вина все равно будет доказана. В этом мало кто сомневался. Но вести дело к развязке с такой быстротой? Разочарование могло только усилить гнев толпы. Ведь все ждали Зрелища.

— Нет,— повторил Торн.

— Если вы не отрицаете предъявленное вам обвинение,— сказал Главный Администратор,— то, следовательно, вы признаете себя виновным. Подумайте.

— Я не признаю себя виновным,— твердо произнес Торн.

Зал повеселел. Нет, этот Торн не хочет умирать! Все-таки он начнет изворачиваться, хотя и не отрицает обвинения...

— Если вы признаете, что любите эту женщину,— Главный Администратор показал рукой на жену Оверкранца,— то тем самым вы признаете свою вину. Логическая связка здесь очень проста. Второе, как следствие, вытекает из первого.

— Нет,— сказал Торн.— Любовь не является преступлением. Я люблю эту женщину, но я не вижу в этом преступления. В этом нет никакой вины. В этом — счастье.

— В ваших словах нет логики. Но мы еще вернемся к этому... Миррей, жена нашего великого Оверкранца, сидит здесь, на Арене, где сидят обычно преступники и, много реже, их жертвы. Понимаете ли вы, на какой позор вы выставили женщину?

— В моей любви к ней нет ничего позорного.

— Так ли это? Спросим у нее самой. Миррей, скажите, пожалуйста, как вы себя чувствуете сейчас?

— Боже, как мне стыдно...— прошептала женщина. Ее шепот, усиленный микрофонами, услышали все.

Ей действительно было стыдно. Стыдно сидеть здесь и чувствовать, как тебя разглядывают, как со злорадством думают: а не было ли еще чего-нибудь такого, что не смогли обнаружить Охотники?.. Сна-

чала она надеялась, что Торн сразу же признает свою вину. Ее тут же отпустили бы. Она уже не сидела бы посреди этого ярко освещенного круга... Теперь, когда представление грозило затянуться, Миррей почувствовала ненависть к этому человеку. Это чувство поднялось в ее душе внезапно и даже испугало Миррей. Она привыкла к тихим, не встряхивающим душу чувствам. Ненависть, как и любовь, была неведома ей. И если раньше Миррей была готова просить о помиловании своего обидчика, к чему вряд ли прислушались бы, то теперь она желала его смерти. Ведь потом придут тишина и спокойствие.

— Вот видите,— мягко сказал Главный Администратор, обращаясь к Торну.— Вы причинили женщине боль. Ей стыдно, ей неприятна ваша любовь.

— Она не говорила этого!— почти выкрикнул Торн.

— Она сказала: «Боже, как мне стыдно»,— настойчиво повторил Главный Администратор.— Разве вы этого не слышали?

— Мне тоже стыдно,— сказал Торн.

Что-то похожее на досаду, на легкое разочарование промелькнуло в душе Миррей. Но тут же мысли ее вернулись в прежнее русло. Может, он струсил, и тогда все кончится быстро?

— Мне тоже стыдно,— повторил Торн.— Только не своей любви, а того, что вы выставили ее на посмешище.

— Сотни поколений считали необходимым выставлять позорное на посмешище! Это помогло нашей цивилизации выжить, избежать хаоса и беспорядков. Любовь к женщине всегда считалась смертным грехом.

— Нет! Ведь есть же стихи о любви и звездах! Они запрещены, но они распространяются в рукописях.

— Звезды? Что это значит?

— Звезды— это то, к чему мы всегда стремимся.

— Мы стремимся только к порядку! Но мы отвлеклись... Значит, вы слышали, что этой женщине стыдно?

— Да, слышал. Ей стыдно сидеть здесь. Не моей любви, а того, что она сидит здесь.

— Это очень ответственное заявление. Оно ставляет предположить, что Миррей тоже может испытывать к вам чувство любви... Подумайте. Пока обвиняемым является только вы. Но если вы будете упорствовать, то вполне возможно, что обвинение придется предъявить и ей.

— В каждом человеке заложено желание любить кого-то.

— Вы отказываетесь от своих слов?

— Я уверен, что эта женщина не испытывает ко мне любви. Но стыдится она не моей любви, а того, что сидит здесь.

— Хорошо, что вы отвели подозрение от Миррей. В ее благонадежности у нас не было повода сомневаться.

Миррей испугалась, когда Главный Администратор начал расставлять ловушки, в которые она могла попасть только потому, что этот космолетчик окончательно потерял голову. Но он вовремя спохватился. И теперь она была ему благодарна. Чуть-чуть, совсем немного. Она даже осмелилась взглянуть ему в глаза и увидела там тоску и еще что-то, чего не смогла понять. Он сам отвел взгляд. И ненависть ее к нему начала пропадать, уступая место грустной жалости. Зачем только он впутался в эту историю? И ее затянул... Однако сейчас она чувствовала себя спокойнее, потому что было ясно— все это скоро

кончится. Может быть, ей все-таки попросить о смягчении наказания, которое ему вынесут? Нет, пожалуй, это бросит на нее некоторую тень...

— Вы признаете, что любите эту женщину,— снова начал Главный Администратор,— и в то же время не признаете себя виновным. Если вы стремитесь оттянуть развязку, то ведь общество, на основании ваших слов, на основании показаний свидетелей и донесений Охотников, все равно признает вас виновным. На что вы надеетесь?

— Пусть общество признает меня виновным. Сам я этого не могу признать.

— Хорошо. Тогда прямой ответ на вопрос. Вы любите эту женщину, жену великого Оверкранца, которую зовут Миррей?

— Я люблю эту женщину! Я люблю Миррей.

Зал загремел выкриками и топотом ног. Торн, пожалуй, впервые за все это время обвел зал взглядом. Тысячи рук, вытянутых вперед с опущенным вниз большим пальцем, ясно говорили, что все считают его виновным. Ульма имеет полное право выстрелить в него... Его взгляд остановился на ложе космолетчиков. Там было тихо. Он разглядел лица своих друзей, с которыми он должен был через несколько дней стартовать, чтобы пробиться в преисподнюю. Никто из них не повернул большой палец руки вниз. Он знал, что они не оправдывают его. В их глазах он все равно был виновен. Но они не могут без своего командира, они жалеют его, они еще ждут, что он покается и попросит, чтобы ему снизили меру наказания. В полете нет Охотников, в полете нет женщин. Пусть он там пишет свои письма. Уж они-то постараются, чтобы эти письма никто не увидел, ни эта женщина, ни Охотники.

Торн вдруг пожалел, что не раскрыл им свою тайну. Тайну, которую еще никто не знал, потому что все боялись ее узнать. Если он сейчас умрет, никто ее не узнает. Может быть, когда-нибудь кто-нибудь из них наткнется на нее снова. Но не струсит ли тот человек? Нет, не струсит, если только он, Торн, сейчас не струсит. И он чуть-чуть покачал головой. Космолетчики поняли, им придется лететь без своего командира...

Ульма ждала разрешения, чтобы выстрелить. Оверкранц подвинулся к ней поближе. Лицо его было спокойно и бледно. Он сказал:

— Ульма, отпустите его. Он уйдет в космос и, возможно, не вернется никогда.

— Нет! Ни за что! А вы? Вы! Ведь он опозорил вашу жену. И вы еще можете за него просить?

— Он хороший космолетчик. Только из-за этого, Ульма. У нас мало таких осталось. Корабли часто не возвращаются.

— Нет! Он получит свое.

— Вы решительная женщина,— усмехнулся Оверкранц.

Зал ревел. За прозрачным куполом Арены стояла непроглядная чернота.

— Миррей,— сказал Главный Администратор,— чисто формальный вопрос к вам. Вы знаете этого человека?

— Только по его портретам в журналах и газетах.

— Вы любите его?

— Нет.

— Торн, у вас еще есть возможность просить о помиловании.

— Я не чувствую за собой вины. Я люблю ее. И я не буду просить о помиловании.

— Миррей,— снова обратился к ней Главный Администратор.— Вы можете быть свободны.

Она встала. Она снова взглянула ему в глаза.

И он не отвел их. Что-то такое было в его взгляде, словно он жалел ее и прощал. Но ведь только что она сама в душе пожалела и простила его. Однако у него в глазах это было совсем по-другому. Он словно отдавал ей все и жалел ее, потому что она ничего не может взять, потому что она ничего не видит. Космолетчик был горд и не боялся смерти. Чтобы любить ее, издали, ни словом не обмолвясь об этом, он готов был умереть. Он был готов умереть, но не отказаться от своей любви к ней! Миррей и раньше бывала здесь, в зале Большой Арены, правда, в качестве зрителя. Она видела, как другие молили о пощаде или отказывались от своей любви, впадая в истерику. На это было неприятно смотреть, противно. И она никогда не жалела тех людей. А этот космолетчик жалел ее. Жалел, что его уже не будет, а она все еще будет жить. Все еще будет по вечерам кутаться в золотистую накидку и смотреть в окно, за которым всегда непроглядная темнота. Оверкранц, как и подобает идеальному мужу, всегда будет почитительно холодным, чопорным и понятным до последних мелочей... Миррей знала, что взгляд космолетчика будет теперь преследовать ее. Она растерялась и отказывалась что-либо понимать.

Миррей повернулась. Нужно уйти, иначе что-то произойдет. Она сделала шаг.

— Миррей, я люблю тебя! — крикнул Торн, вставая.

Она остановилась. Она не могла заставить себя уйти. Она оглянулась.

— Но почему, почему?

Это были первые слова, сказанные ими друг другу. Торн стоял с улыбкой на губах, радостный и сильный. И его радость, непонятная, но искренняя, словно он подарил ей целый мир, который она так хотела иметь, заставила Миррей на мгновение забыть этот зал. Все в ней потянулось к нему, как травинка к солнцу. Странное чувство, не испытанное еще ею никогда ранее, охватило сердце. Она забыла, что несколько минут назад проклинала его, а потом жалела. Ей захотелось прижаться к его груди, дотронуться до его лица руками, прильнуть к нему и не обращать внимания на все, что о ней будет говорить.

Она сделала маленький шаг вперед. Не замечая этого, сдернула с себя золотистую накидку, смяла в руках и прижала к груди. Голые ее плечи заблестели коричневой кожей на потеху толпе. Зал визжал от восторга, но она не слышала этого. Она видела только его. И его радость, неизвестно как, начала передаваться ей. И она неожиданно для всех улыбнулась ему.

— Миррей! — крикнул Главный Администратор. — Вы свободны! Вы можете уйти! Вам лучше уйти отсюда!

Но она не слышала этого голоса. Что-то не известное ей знал этот космолетчик, что-то такое, что притягивало ее к нему.

— Что произошло с вашей женой? — нервничая, спросила Ульма у Оверкранца. — Почему она не уходит?

— Ах, Ульма, это совершенные пустяки... Хотите, я отвезу вас домой?

— Домой? Сейчас?!.. Как бы не так!

Оверкранц видел больше, чем все остальные. Все наблюдали только внешнюю сторону происходящего. Но он знал много больше, ведь он был шефом Охотников. Сотни преступлений, заключавшихся в том, что Он и Она любили друг друга, прошли перед его глазами. Да, Оверкранц знал, что такое любовь. И поступки этих людей, необъяснимые

для всех других, были для него понятны. Он видел и внезапное смятение Миррей, и силу Торна. Он понимал их обоих.

Космолетчик знал, что эта женщина никогда не видела его. Ну, может, мельком, в толпе, на маскараде, в огромном магазине. Так видишь сотни тысяч людей за свою жизнь, не обращая на них внимания... Ни за что на свете он не захотел бы, чтобы Миррей оказалась здесь. Он написал ей одно-единственное письмо, но не успел отправить. Он должен был отправить его и уйти в полет. На этот раз они прорвались бы в преисподнюю, и он уже не вернулся бы назад, потому что ничто не удерживало его здесь. Но хитроумная Ульма нашла его письмо, и вот он и Миррей здесь. Торн был уверен, что эта женщина, выдавая его впервые, спокойно отметет от себя все подозрения и уйдет с Арены под грохот аплодисментов. А он останется здесь. Но он умрет не трусливой смертью. Он умрет гордо, он покажет всем, как можно умереть за любовь. А вдруг у него найдутся последователи? Конечно, найдутся! Ведь Арена редко бывает пустой. Он и сам чей-то последователь. Он лишь маленькое звено в цепи событий, которые должны привести людей к свету и счастью. Торну не нужно было заставлять вести себя так, а не иначе. Сердце подсказывало ему его поступки. А сознание было согласно с сердцем. И когда он крикнул: «Я люблю тебя, Миррей!» — он считал, что это последнее, что он успеет сделать. Для него было полнейшей неожиданностью, когда она остановилась и спросила, почти крикнула: «Но почему?»

Почему? Разве он знал это? Разве это можно знать? Потому что она — Миррей. Красота? Конечно. Миррей была красива. Темно-рыжие волосы падали сверкающим каскадом ей на плечи. И лицо... У нее было красивое лицо, узкое, с высоким лбом и раскосыми миндалевидными глазами. Но ведь он видел много женщин, красота которых была более совершенной, и ни одна из них — в том числе и Ульма — не тронула его сердца... Нет, он не знал, почему любит именно ее, Миррей, ничем не выделяющуюся среди других женщин.

Когда он возвращался из очередного полета, то всегда искал встреч с нею. Встречи эти были односторонними. Только он знал, что сегодня будет встреча. Он появлялся там, где должна была появиться Миррей, и смотрел на нее, слушал, что она говорит. Он знал ее хорошо. Миррей даже и не подозревала, как хорошо он знал ее.

— Миррей, я люблю тебя просто потому, что ты существуешь...

Она сделала еще шаг. Какие у нее глаза. Словно он видит ее всю насквозь. Словно он всю ее знает. И столько силы в этих глазах, не грубой, тупой, а умной и доброй силы!..

Главный Администратор не знал, что ему делать. Спектакль становился интересным. Администратора наверняка ожидала бы похвала, если бы не тот факт, что женщина была женой Оверкранца. Оверкранц не простит ему, если хоть малейшая тень упадет на Миррей.

— Миррей, я должен предупредить вас, что в основе любви лежит звериный инстинкт размножения. Человек не может позволить себе опуститься до уровня зверя... Миррей, вы должны уйти. Вы уже не нужны здесь больше.

— Нет, я хочу знать... — Она легким движением руки остановила Главного Администратора. — Торн, ты любишь меня. Что это такое? Что ты чувствуешь?

— Миррей, тебе действительно лучше уйти! Уходи и знай, что тебя кто-то любит. Гордись тем,

что тебя любили. Уходи... Ты уже преступила черту, за которой тебе не простят твоего поведения.

— Мне сейчас показалось, что ты прижал меня к своей груди. Это и есть любовь?

— И это, Миррей. Я тысячи раз прижимал тебя к своей груди, только ты этого не замечала... И все же остановись. Уйди. Не давай повода этой толпе смеяться над тобой.

— Но ты не бойшься этого!

— Да, потому что любовь сильнее любой насмешки, любого издевательства. Ничего нет сильнее любви!

— Но я тоже хочу быть сильной! Меня уже не трогает, что скажут они про меня. Мне хочется слушать, что говоришь ты. Мне хочется знать о тебе все. Кто ты? Какой ты? Я вижу, что ты сильный и гордый. Ты не боишься их. Но ведь и я их не боюсь, хотя только что умирала от страха!

— Миррей, я жалею, что моя любовь привела тебя сюда.

— Что же могло заставить отважного космолетчика жалеть меня? Или ты только за собой оставляешь право быть гордым? Почему ты боишься, что я не уйду отсюда?

— Но ведь они расправятся и с тобой! Они не посмотрят, что ты жена Оверкранца. Эта сенсация нужна им, как воздух. Из-за своей любви к тебе я готов идти даже на смерть. Но что может тебя заставить идти на это?

— Любовь... Наверное, тоже...

Она подошла к нему почти вплотную. Он не сдвинулся с места, понимая, что теперь и она не уйдет отсюда.

— Торн... Что-то случилось со мной. Внезапно. Я всегда считала, что любовь — это позор. Но сейчас... Скажи мне что-нибудь. Мне хочется слушать тебя. Может быть, я начинаю понимать, что такое любовь?

— Нет, Миррей. Этого нельзя понять.

— Тогда я и не буду стараться понимать это. Я буду просто любить тебя, буду всегда с тобой.

— Миррей, это конец и для тебя...

— Не продолжай. Я сразу же разлюблю тебя, если ты будешь чего-нибудь бояться. Ты сильный и смелый. Ты гордый! Неужели ты их боишься? Вот видишь, я обнимаю тебя. Значит, я люблю тебя, да?

Она медленно-медленно подняла руки и обвила ими голову Торна. Золотистая накидка женщины упала на белый пластик пола. Торн вдруг схватил Миррей, прижал к себе, потом легко поднял на руки и повернулся на месте, оглядывая зал.

Зал безмолвствовал. От неожиданности. Они все через мгновение заорут, выбросив вперед руку с опущенным вниз большим пальцем. И это будет их приговор.

— Оверкранц, — зло сказала Ульма, — и это ваша жена? Чего же нам ждать от обычных смертных, если под носом у тех, кто охраняет нравственность общества, происходит такое? Оверкранц, мне вас жаль, я презираю вас!

Оверкранц сидел в кресле согнувшись, но в остальном ничем не показывал своих чувств. Казался лишь очень уставшим.

— Ульма, умоляю вас не опережать события!

— События?! Да разве вы не видите, что она хоть сейчас готова быть с ним, нисколько не заботясь, хорошее ли сочетание генов получится в потомстве! Ей наплевать на продолжение рода гениев и красавиц. Ей наплевать на наши законы!

— Да, Ульма. Она любит его. Я знаю.

— Знаете?! Вы знали это и раньше?

— Она должна была полюбить его.

— И вы это чувствовали?

— Я сам люблю ее, Ульма.

— Как? Вы тоже?!..

В ложе космонавтов все напряглись. Их любимый командир делал глупость за глупостью. Но разве мог он делать глупости?

Бегин сказал:

— Торн всегда знал, что делал! Тут что-то не так. Пусть он даже виноват, я не буду опускать палец вниз. Торн уйдет с нами в поиск. Только бы эта кобылица, его жена, не всадила пулю ему в спину. Мы должны что-то сделать.

— За Торна я готов продать бога, — сказал Виксинд. — Я подниму палец вверх.

— Черт бы побрал вас всех и Торна в придачу, — буркнул Биви. — Я с вами, но только за компанию.

К ним подошли космолетчики других кораблей. — Этот Торн со своей красоткой что-то ковырнули в моей душе, — сказал один. — Я понимаю его. Я и в космолетчики ушел потому, что дело шло к тому, что случилось с ним. Я тоже любил одну девушку... Надо выручать Торна.

— Но ведь нас мало, — сказал Виксинд.

— Все космолетчики согласны на этот день забыть свои моральные принципы.

— Но даже всех космолетчиков — мало. Нас мало, понимаете?

— Ничего! Мы потребуем спокойного голосования. Может быть, удастся добиться для него пожизненного изгнания? Он будет согласен. Я знаю.

— Придется добиваться изгнания для двоих...

— Смотрите! — крикнул кто-то из космолетчиков. — Главный Администратор!

Главный Администратор понял, что неожиданно попал в неприятную ситуацию. Все-таки Миррей — жена высокопоставленного сановника... Но долг восторжествовал в нем перед раболепностью. Он громко сказал:

— Миррей, вам тоже предъявляется обвинение в преступлении!

И тут зал словно взорвался. Вытянутые вперед руки с опущенным вниз большим пальцем... Но среди людей уже не было полного единодушия. Ложа космолетчиков была против такого осуждения. Да и в других местах зала тоже находились протестующие. Кое-где возникли даже небольшие потасовки...

Торн осторожно опустил Миррей на пол. Она стояла, прижавшись к нему, и, казалось, не слышала, что творится вокруг. Торн поднял руку, призывая зал к тишине.

— Говори, Торн! — раздалось из ложи космолетчиков.

В зале постепенно затихли. Всем было интересно, что же еще может сказать этот безумец. Может, теперь попросит помилования? Если не для себя, то хотя бы для Миррей?

Торн заговорил:

— Я люблю эту женщину. И вы можете сделать с нами, что захотите. Но прежде я хотел рассказать вам, куда пробиваются космолетчики и почему все полеты оканчиваются неудачно...

Все вы с детства знаете легенду о том, что когда-то наше ночное небо было не таким, как сейчас. Когда-то было множество миров. Сейчас остался один наш. Во Вселенной существует только наша планета. И солнце, вокруг которого она вертится по своей вечной орбите... Легенда, которую вы знаете, выхолощена, перевернута с ног на голову. Сейчас в ней говорится, что все миры погибли, потому что мужчина и женщина, Солнце и наша

планета, полюбили друг друга. Но первоначальный текст говорил совсем обратное, он утверждал, что от их любви родилось бесчисленное множество других солнц и планет, рассыпавшихся по нашему небу. Когда-то люди видели их. Эти далекие солнца назывались звездами. Они светили на нашем небе по ночам, и люди, глядя на них, становились лучше и добрее. И человеческое общество не подчинялось тогда омертвляющей машинной логике, как сейчас. Люди создавали семьи по любви, а не по воле электронносчетной машины... Люди не могли днем жить без солнца. Люди не могли ночью жить без звезд.

Когда любовь стала считаться преступлением, когда дети стали рождаться не от великой любви между людьми, а потому, что так потребовала машина нашего общества, так требовал генетический подбор... Звезды стали гаснуть. Звезды исчезли. И осталась только одна наша планета в безбрежном море пространства и времени, одинокая и потому несчастная и обманутая. Наша цивилизация замкнулась в себе. Мы стоим на пороге вырождения. Это известно немногим, но это так. Никакие ухищрения не могут остановить большую смертность среди наших детей, хотя машина и заботится о благополучном, с ее точки зрения, сочетании генов. Наша наука и наша культура за последние сотни лет не продвинулись вперед ни на шаг. Мы еще живем, но по инерции, за счет того, что оставили нам предыдущие поколения.

И не случайно Высший Совет вот уже двести лет посылает корабли в преисподнюю, как теперь называют то, что когда-то было звездным небом. Нам нужны другие звезды и планеты.

Но мы никогда не увидим звезд, потому что в наших сердцах холод. Этот холод и страх не позволяют нам видеть звезды.

Я видел их. Для этого даже не нужно улетать в космос, нужно только поднять голову. Но сердце при этом должно быть полно любви к людям. И к детям, и к старикам, и к женщинам. Только любовь может повести нас к звездам! Для холодного сердца небо будет всегда черным.

Вы знаете, что некоторые корабли не возвращаются. Они не гибнут, нет. Они уходят к звездам, потому что их экипажи умеют любить. И, быть может, на некоторых звездах уже появились другие цивилизации, начало которым дали люди с нашей планеты. Когда-нибудь они вернутся назад. Только стыдно нам будет ждать их возвращения. Как прекрасно было бы пробиться к ним, потому что они могут и не захотеть вернуться сюда...

— Поднимите головы вверх!— воскликнул Торн.— Может быть, вы увидите звезды!

Тысячи людей устремили свои взоры в черноту неба. Но для многих оно так и осталось черным, несмотря на прозрачный пластик огромного купола.

— Торн,— тихо сказала Миррей.— Я вижу звезды. Это такие сверкающие алмазы?

— Да, Миррей, они похожи на алмазы,— ответил Торн и тоже посмотрел вверх. Он уже давно знал их и даже дал им названия. Самое красивое созвездие он назвал Миррей, что в переводе с древнего языка и означало — любовь. Только этого уже почти никто не знал.

— Он врёт!— крикнула Ульма со своего места.— Он врёт и должен умереть! Дайте мне знак, я хорошо научилась стрелять. Он никогда больше не увидит свои выдуманные звезды!

— Торна — к звездам!— кричали из ложи космолетчиков.

И снова зал забушевал. И снова большинство опустило большой палец вниз.

— Стойте!— крикнул Оверкранц.— Ульма, жена Торна, высказала свое мнение. Я, Оверкранц, муж Миррей, тоже воспользуюсь своим правом слова. Все, что рассказал Торн,— правда! Звезды действительно существуют! Мы не сможем долго прожить без них. Пусть Торн и Миррей улетят к ним. Только пусть они когда-нибудь возвратятся.

— Ты, шеф Охотников!— крикнула Ульма.— И ты прощаешь их?! Что же будет с другими?

— Я не прощаю их. Они просто ни в чем не виноваты!

— Шеф,— прошипел сзади Пикс.— Я давно уже присматриваюсь к вам...

— Поздно, Пикс, поздно!

— Никогда не поздно, шеф...

Зал выслушал Оверкранца, и снова большинство опустило большие пальцы вниз.

— Я воспользуюсь последней возможностью,— сказал Оверкранц.

— Оверкранц!— крикнула Ульма.— Почему вы защищаете ее, которая вас опозорила? И почему вы утверждаете, что звезды существуют?

— Потому что я вижу их. Я каждый вечер смотрю на них. Ведь я люблю свою жену. Я люблю Миррей. Я всегда любил ее. Но только я всегда боялся это сказать. Я бы никогда не осмелился ей это сказать. Я всегда боялся... этой Арены... И оказался недостойным этой любви... Они должны улететь к звездам!

— Шеф!..— злое прошипел Пикс.

— Поздно, Пикс...

Оверкранц выстрелил себе в сердце.

И снова находящиеся в зале выбросили вперед руки. И, кажется, большинство из них — большим пальцем вверх...

Торн бросился к Оверкранцу.

А сверху — сквозь прозрачный купол — светили мириады миров, похожих на сверкающие алмазы. Сверху светили звезды...

НОВИНКИ НОВИНКИ НОВИНКИ НОВИНКИ НОВИНКИ НОВИНКИ НОВИНКИ НОВИНКИ НОВИНКИ НОВИНКИ

В МАРЕВЕ АТОЛЛА.

М., Изд-во «Мысль», 1973, 254 стр.

Центральное произведение сборника — повесть Георгия Гуревича «Здарг». Писатель показывает группу умных и талантливых творцов, попытавшихся отгородиться от реального мира, уйти от его житейских забот. Превратив управляемый астероид Астреллу в своеобразный космический «замок из слоновой кости», замкнувшись в себе, общество «избранных» с неумолимой неизбежностью приходит к краху.

В сборнике помещены также рассказы М. Васильева, Германа Чижевского, Владимира Михановского, Юрия Моисеева, старейшего нашего фантаста А. Р. Палея.

**Сергей ЖЕМАИТИС
БАГРЯНАЯ ПЛАНЕТА.**

М., Изд-во «Молодая гвардия», 1973, 224 стр.

В повести рассказывается об экспедиции на Марс, об истории расцвета и гибели могущественной цивилизации, некогда существовавшей на этой загадочной планете. Участники полета на Марс — люди коммунистического будущего, мужественные, готовые прийти на помощь и друг другу, и иной цивилизации.

МИР «ИСКАТЕЛЯ»

М., Изд-во «Молодая гвардия», 1973, 464 стр.

«Искатель» — единственное у нас в стране издание, для которого фантастика и приключения стали основным делом. С 1961 года выходит это приложение к журналу «Вокруг света», и за прошедшие годы многие известные ныне произведения получили на его страницах путевку в жизнь. В разное время здесь

печатались такие популярные среди читателей фантасты, как Генрих Альтов, Дмитрий Биленкин, Илья Варшавский, Евгений Войскунский и Исая Лукодьянов, Север, Гансовский, Анатолий Днепров и многие другие.

В сборник включены лучшие из опубликованных «Искателем» повестей и рассказов советских и зарубежных писателей.

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

М., Изд-во «Детская литература», 1973, 448 стр.

Обитатели далекой планеты Шерра, выяснив наличие на Земле разумной жизни, приступают к следующему этапу исследований — разведке изнутри. Мозг землянина подвергнут воздействию, в результате которого он приобретает сознание, склад мышления и все психические свойства и особенности среднего жителя Шерры. Приключения Миши Стерженькова, оказавшегося объектом эксперимента, и составляют содержание новой повести Владимира Малова «Я — шерристанин».

В сборнике опубликованы также повести и рассказы Кирилла Бульчева, Николая Томана, Евгения Гуляковского, Владимира Михановского, Альберта Валентинова.

НА СУШЕ И НА МОРЕ

М., Изд-во «Мысль», 1973, 621 стр.

Среди фантастических произведений, опубликованных в очередном, тринадцатом выпуске ежегодника, — рассказ Андрея Балабухи «Тема для диссертации».

...Человеческий мозг — самое странное из всего, что мы знаем. Возможности его феноменальны. Люди-счетчики, люди, обладающие феноменальной памятью... И при этом наш мозг загружен всего лишь на

несколько процентов своих потенциальных возможностей. А что, если наложить на нормальный мозг «исправленную» энцефалограмму? Что будет тогда? Каким станет этот человек, исправленный и гармоничный?

**Юрий НИКИТИН
ЧЕЛОВЕК, ИЗМЕНИВШИЙ
МИР**

М., Изд-во «Молодая гвардия», 1973, 176 стр.

Центральное место в первой книге молодого фантаста занимает повесть «Дороги звездные».

...Наступает резкое изменение климата, и старые, опытные рептилии спешат увести свою стаю в Лоно, где никогда не бывает чистого неба и солнечных лучей. Молодое поколение оказывается перед выбором — привычное, бездумное животное существование с единственным трудом — пожиранием болотной пищи — или незащищенная, полная острых тревог и бесконечного творческого напряжения жизнь в неизведанных новых условиях? Что выберет молодежь? И что должен выбрать земной разведчик, оказавшийся в этом чуждом для него мире?

**Сергей ПАВЛОВ
ЧЕРДАК ВСЕЛЕННОЙ**

Красноярск, Книжное изд-во, 1973, 160 стр.

В книге две повести — «Корона Солнца» и «Чердак Вселенной». Главное в них — романтика научного поиска, эмоциональный мир человека, оказавшегося в новой среде, столкнувшегося лицом к лицу с неведомым. Ведь победы человека над Пространством не даются легко.

НОВИНКИ НОВИНКИ НОВИНКИ НОВИНКИ НОВИНКИ НОВИНКИ НОВИНКИ НОВИНКИ

КОСТРОВАЯ НАУКА

Костер — друг человека. Еще в доисторические времена он обогревал и освещал жилище первобытного охотника, готовил ему пищу, плавил руду, обжигал посуду. Да и сейчас нам без него не обойтись в условиях, когда остаемся наедине с природой.

Но костер может стать и врагом человека, если он разведен неумелой и безответственной рукой. Поэтому так важно для каждого овладеть «костровой наукой», основами которой делится в своей статье старый турист В. С. Зотов.

Кажется, простое дело развести костер. Собрал хворост, чиркнул спичкой — и готово. Но не всегда удается так легко разжечь огонь, не всякий костер удобен и, самое главное, безопасен. Сколько страшных лесных пожаров вызывало небрежное обращение с огнем, какой огромный вред наносят беспечные люди природе и народному хозяйству! «Из одного дерева можно сделать миллион спичек. Одной спичкой можно уничтожить миллион деревьев». Поэтому рассказ о кострах следует начать с правил предосторожности.

Обязательно окапывайте костер, а по миновании в нем надобности погасите огонь и тщательно засыпьте землей.

Не разжигайте слишком большой пламя, особенно при ветре и в засушливую пору. Помните — искры представляют серьезную опасность.

Держите воду для тушения огня или держите наготове лопату, чтобы погасить огонь песком или землей.

Место для костра

Разводя костер в лесу, выберите место для него на открытой поляне, по возможности близко от воды, но в отдалении от деревьев, тем более — не под деревом: летящие искры легко могут воспламенить листву и особенно хвою. В засушливое время уберите по-

близости все, что легко воспламеняется, — сухие ветви, траву, листву, хвою. Расположите костер с подветренной стороны от палатки и запасов топлива.

Приготовьте место для костра: вырыйте в земле площадку, размером и формой соответствующую его назначению. Для бивачного костра ее обычно делают квадратной или круглой, 60—70 см в поперечнике и глубиной в 10—15 см. Снятые с площадки куски дерна укладываются вокруг нее травой вниз. (Потом, уходя, засыпьте кострище вырытой землей, а куски дерна уложите на прежнее место).

Топливо

Теперь надо решить «топливный вопрос». Известно, что сухое дерево горит лучше, дает больше жара и меньше дымит. В романе «Следопыт» Фенимора Купера индеец Ароухед из племени тускара, увидев в лесу дым, правильно определил, что костер зажжен не индейцами. Он так объяснил свою догадку: «Свежее дерево — много сырости, много дыма; много воды — дым черный. Тускара хитер и не будет делать огонь из воды».

В качестве топлива хвойные деревья имеют существенные преимущества перед лиственными. Дуб, вяз, береза хорошо горят и дают много жара, но это «твердое топливо» трудно заготавливать. Осина горит медленно и не жарко, зато сухостойный осинник легко превращается в топливо. Сосна

пылает жарко, быстро сгорает и оставляет мало углей. Ель горит сравнительно медленно, но жарко. Пихта — с сильным треском «стреляет» искрами.

Не следует рубить растущие деревья. Сухие опавшие сучья — отличное топливо. Их легко заготавливать, и для леса это полезно. За отсутствием древесного топлива можно воспользоваться торфом, сухим коровьим и верблюжьим пометом, камышом или вереском.

Как зажечь?

Площадка для костра подготовлена, топливо припасено, теперь надо зажечь его.

Чем? Проще всего, конечно, спичками. А если они подмокли (хотя есть и специальные «Охотничьи», защищенные от промокания)? Тогда — с помощью зажигательного стекла или огнива.

Спички. Очень важно постоянно иметь их сухими. Для предохранения от сырости держите их завернутыми в кусок целлофана или компрессную клеенку. Намочившие, но еще не успевшие отсыреть спички можно высушить, потерев их о сухую суконку или о собственную шевелюру, разумеется, если она также сухая.

Можно защитить спички от сырости, обработав каждую из них в отдельности растопленным парафином или олифой, после чего их надо высушить в теплом и сухом месте. Такие спички будут гореть коптящим пламенем, но на открытом воздухе это не имеет значения.

И еще один совет — пусть в группе каждый имеет коробку спичек и хранит ее, оберегая от сырости.

Огниво. Имея кремь, какой-либо стальной предмет и трут (тщательно вываренная и высушенная мякоть древесного гриба), можно получить огонь. Надо, ударив кремнем о сталь, высечь искру так, чтобы она упала на трут, который начнет тлеть. Раздув трут, легко поджечь бересту, сухие листья, лучину, бумагу.

Зажигательное стекло. Любое двояковыпуклое стекло может при ярком солнечном освещении дать огонь. Рассеянные солнечные лучи собираются в одну точку и зажигают горючий материал.

После большого дождя человек неумелый вдоволь повозится с костром, прежде чем воспользуется его пламенем. В худшем случае он истратит массу спичек, сожжет все свои бумажные запасы, потратит силы и время в тщетных попытках развести огонь. Между тем, сухое топливо у него под рукой, надо только найти и приготовить его в достаточном количестве.

Хорошо горит даже мокрая береста, если ее расщепить. Растропку легко приготовить, расколов на лучину обрубок сухостойного дерева. Другая возможность — приготовить «зажигательные палочки», застругав «елочкой» ветви хвойного дерева. Это удобно делать по способу сибирских охотников. Стругать надо сидя, держа руку с ножом неподвижно прижатой к колену и вода веткой по лезвию ножа. Сначала, быть может, этот прием покажется неудобным, но стругать так гораздо легче, и обстругивание идет ровнее, стоит только привыкнуть.

Пирамидный костер

Тонкие ветви загораются легче толстых, и, кроме того, все ветви, сучья, поленья в вертикальном или наклонном положении горят лучше, чем в горизонтальном.

Разжигая костер, положите в центре подготовленной площадки пригоршню сухих листьев, сухую хвою, бересту или смятую бумагу — любой легко воспламеняющийся материал для растопки. Над ней ставьте «шалашиком» сначала самые тонкие, а потом более толстые сухие веточки. Сложите таким образом нечто вроде пирамидки, осторожно, чтобы не развалить, подождите ее у основания. Когда огонь разгорится, подкладывайте все более и более толстые ветви.

Костер такого типа называют **пирамидным**. Когда образуется достаточное количество раскаленных углей, можно подкладывать толстые сучья и поленья как попало, не заботясь об их наклонном положении. Пирамидный ко-

стер дает много света и тепла, но требует довольно большого количества топлива. Он очень удобен для разжигания, и поэтому костры других типов первоначально тоже разводятся «шалашиком».

Зажигая, старайтесь обойтись одной спичкой. Бестолковое чирканье спичек у людей бывалых считается признаком дурного тона.

Костер-кладка

Костер-кладка, или **колодец**, применяется для приготовления пищи, для обогрева и освещения. Топливо для него — поленья, обрубки толстых сучьев, чурки. Первоначально разводится пирамидный костер. Когда огонь хорошо разгорится, вокруг него укладывают поленья «колодцем». Сухие дрова горят жарко и дружно. Костер излучает много света и тепла, но расходует много топлива.

Костер-«камин»

Этот костер, изобретенный североамериканскими охотниками, рассчитан на автоматическую подачу топлива в огонь и применяется, главным образом, при ночевках для обогрева, поэтому его называют **камином**. Он горит спокойно и дает много тепла.

Подготавливают такой «камин» следующим образом: на вырытой площадке вбивают два сырых кола, с наклоном в 45—50 градусов. На них укладываются горкой толстые поленья-кругляки со срезами сучьями. Потом разводится огонь и, по мере сгорания нижних поленьев, верхние скатываются в огонь.

«Камин» располагают так, чтобы ветер дул в сторону огня. При слабом ветре «отопление» действует хорошо. В сырую погоду, в мокром лесу, при соблюдении всех мер предосторожности, «камин» можно оставлять на ночь без присмотра.

Звездный костер

Если вам для печения хлеба, картошки или лепешек понадобится горячая зола, используйте **звездный костер**.

Для начала разожгите «пира-

мидный» и, когда он разгорится, подсуньте в огонь с разных сторон толстые чурки так, чтобы они расположились, как спицы в колесе. Когда они загорятся, перестаньте подтапливать «пирамидку», и она, прогорев, развалится. Чурки, по мере сгорания, подталкивайте к центру пламени.

Медленно горящий, почти тлеющий костер даст много горячей золы. Он будет удобен и для просушки отсыревшей одежды и обуви. Присмотр за ним легок и прост.

Полинезийский костер

Этот костер при небольшом количестве топлива дает много углей и хороший жар для приготовления пищи. В круглой яме, глубиной около 30 и шириной в 40—45 см, разводится пирамидный костер, а затем вокруг огня ставятся толстые сучья и поленья. Когда в яме накопятся раскаленные угли, кулинарам представляется хорошая возможность проявить свое искусство. Туземцы Полинезии, прожив на раскаленные угли плоские камни, пекут плоды хлебного дерева, а вы можете испечь хлеб из муки, зажарить мясо или рыбу.

Костры-кухни

Для приготовления пищи годится любой костер, если посуду повесить над ним на стойках. Но для группы в несколько человек удобнее устраивать специальные кухонные костры. На рисунках изображены простейшие типы «полевых кухонь». Конечно, их можно дополнить еще многими вариантами в применении к местным условиям и имеющимся возможностям. Не упускайте из виду, что большой плоский камень, старый лист железа, дырявое ведро или кусок водопроводной трубы можно с успехом применить для оборудования кухни под открытым небом. Вот пояснения к рисункам:

Рис. 1. Котелок подвешен на воткнутой в землю палке, опертой на рогульку.

Рис. 2. Кухонный костер-ровик. При сильном ветре вырытая земля укладывается с наветренной стороны, защищая пламя от по-

рывов ветра, при слабом — с противоположной стороны. Котелки подвешены на палке, помещенной на развилках. С одной стороны палка подвешена на ремне. Если понадобится уменьшить жар, палка перекалывается на верхние развилки или уменьшается подтапливание костра.

Рис. 3. На каменистом или замерзшем грунте трудно вбить стойки для подвешивания посуды. Их можно заменить треногой из связанных шестов. Раздвигая и сдвигая шесты, можно регулировать высоту подвески посуды.

Рис. 4. Очаг, сложенный из камней. Кастрюля поставлена над огнем. Топливо подкладывается со стороны ветра.

Рис. 5. Очаг сложен из дерна и снабжен стойками для подвешивания посуды. В случае дождя можно устроить навес, набросив на стойки кусок брезента, плащ или что-либо подходящее, что будет под руками.

Вместо того, чтобы складывать очаг, можно вырыть в земле ровик и посуду ставить на его края или подвешивать на стойках. Для улучшения тяги целесообразно расположить топку со стороны ветра и ровик сделать здесь шире, чем с противоположной стороны.

Зимний костер

Прежде чем развести зимний костер, необходимо заготовить побольше растопки и топлива и заботливо приготовить место для огня: расчистите снег до земли и сделайте круг пошире. Топить костер лучше не быстро прогорающим хворостом, а дровами. Через час хорошей топки жар можно передвинуть в сторону и на нагре-

той земле спать как на горячей печке. Когда земля остынет — снова передвиньте жар и ложитесь на нагретое место.

Сибирский костер-«нодья»

Нодья — костер таежников. Он незаменим зимой при ночевке в лесу, может гореть целую ночь без пополнения топливом. Вот как он разводится.

Два толстых обрубка ствола сухостойной сосны или ели, длиной в 2—3 метра, стесывают с одной стороны по всей длине. Более толстый обрубок кладут стесанной стороной вверх, на его концах помещают два плоских камня и по всему стесу раскладывают растопку: бересту, вырубленную щепу, сухой хворост. Затем кладут второй обрубок, стесанной стороной вниз, опирая его концы на камни. Чтобы бревна не развалились, забивают колья, как показано на рисунке.

Растопка зажигается и по мере надобности подкладывается до тех пор, пока бревна не загорятся. Нодья разгорается медленно, и поэтому горение нужно отрегулировать равномерно по всей длине. Узкая щель между бревнами заменяет поддувало. Если появится большое пламя, следует уменьшить щель, если же горение идет слабо, надо слегка приподнять верхнее бревно. Когда установится равномерное спокойное горение — отопление будет действовать автоматически.

Другой вид нодьи отличается от описанного тем, что верхнее бревно кладется на два бревна, лежащих рядом. Принцип действия остается тот же.

Практические советы

На ветру костер горит более жарко. Если это необходимо, разводите огонь на открытом месте, на склоне холма, где всегда происходит движение воздуха.

Если понадобится защитить огонь от дождя или сохранить его на ночь до утра без подтапливания, положите в огонь запас топлива и покройте костер дерном, оставив ограниченный доступ для воздуха. Горение будет происходить медленно, и огонь долго сохранится. При ливне положите на огонь большую охапку ветвей с листьями и накройте куском брезента.

Для просушки одежды и обуви накопите побольше горячей золы, устройте над ней навес из ветвей и повесьте на нем промокшую одежду. Если, для скорости, будете сушить у сильного пламени, держите одежду в руках и не ленитесь часто поворачивать ее, чтобы не прожечь. Оберегайте от летящих искр.

Сырую обувь поместите близ горячей золы на вбитых в землю колышках. Ни в коем случае не ставьте прямо в золу, не сушите при жарком пламени или слишком долго. От этого обувь очень скоро придет в негодность.

Готовя на очаге пищу, ставьте посуду надежно, устойчиво. Не подвешивайте посуду над огнем на веревке, капроновом шнуре или ремне. Только металлический тросик или проволока достаточной прочности будут надежны.

Последний совет тот же, что и самый первый: будьте всегда осторожны в обращении с огнем!

Вл. ЗОТОВ

Главный редактор С. МЕШАВКИН

Редколлегия: А. АСС, А. БОГАЧЕВ [зам. главного редактора], МУСА ГАЛИ, А. ДОМНИН, Б. КОЛЕСНИКОВ, В. КРАПИВИН, Ю. КУРОЧКИН, И. МАШКИН, Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, К. СКВОРЦОВ, И. ТАРАБУКИН [ответственный секретарь], В. ШУСТОВ

Обложка С. КИПРИНА

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Художественный редактор М. Горшкова,

Технический редактор Э. Максимова.

Корректор В. Бурангулова

Адрес редакции: Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 8. Телефон 51-22-40
Средне-Уральское Книжное Издательство.

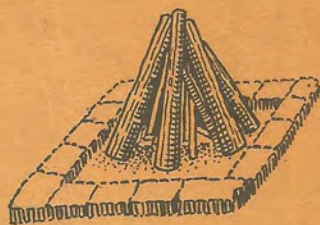
Сдано в набор 25/1 1974 г. НС 17142. Подписано к печати 14/III 1974 г. Бумага 84×108/16=2,52 бум.л.— 8,8 печ. л. Уч.-изд. л. 10,7. Тираж 270 000. Цена 30 коп. Заказ 33.

Типография изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49.

КОСТРОВАЯ НАУКА

Зажигательные палочки

Пирамидный костер

Костер-кладка

Американский костер

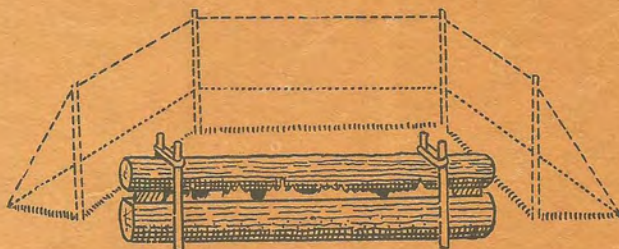
Звездный костер

Полинезийский костер

1

Сибирский костер "ножья"

2

3

4

5

Костры-кухни

ПЕРВЫЙ ДОЖДЬ (линогравюра)

М. ДИСТЕРГЕФТ (г. Нижний Тагил)